«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 s.

....

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ I.

1-го АВГУСТА 1928 г.

ПАРИЖЪ

«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ I.

1-го АВГУСТА 1928 г.

ПАРИЖЪ

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE D'EDITIONS FRANCO-SLAVES, 32, RUE DE MENILMONTANT. PARIS, 20e — — —

ПРЕДИСЛОВІЕ

Выступая въ 1914 году на Великую Войну всякая воинская часть, имѣвшая честь входить въ составъ Императорской Всероссійской Арміи лелѣяла двѣ мечты: 1) честно исполнить свой солдатскій долгъ передъ своимъ Государемъ и Родиной и 2) вплести въ старый лавровый вѣнокъ своей былой боевой славы хотя бы небольшую свѣжую вѣточку.

Увы, для насъ всѣхъ слишкомъ хорошо извѣстно чѣмъ кончилась героическая эпопея Великой Войны! Вмѣсто заслуженнаго отдыха на Родинѣ мы очутились разбросанными по всему свѣту въ нуждѣ и лишеніяхъ добывающими себѣ насущный хлѣбъ.

Все что было для насъ свято, все чѣмъ мы жили и во имя чего умирали у насъ отнято и уничтожено — одно только у насъ осталось и этого насъ никто лишитъ не можетъ и этимъ только мы живемъ и оно только и поддерживаетъ въ насъ тотъ духъ, который намъ необходимъ дабы перенести всѣ невѣроятныя тяжести жизни. Это — воспоминанія объ нашей былой жизни, объ нашей былой славѣ, когда мы были членами одной огромной семьи, грозное имя которой было:

«Императорская Всероссийская Армія»...

Одна изъ частицъ этой Арміи Лейбъ-Гвардіи Дра-

гунскій полкъ болѣе ста лѣтъ вѣрою и правдою служилъ своимъ Государямъ и Родинѣ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Разбросанные по всему миру Лейбъ-Драгуны рѣшили, что надо оставить хоть какой нибудь письменный слѣдъ ихъ былого существованія мирнаго, военнаго и смутнаго времени, дабы тѣ, которымъ суждено будетъ прійти имъ на смѣну было бы ясно, какъ служили и жили въ «доброе, старое время». Постановлено было выбрать какой нибудь день, связанный съ боевымъ эпизодомъ изъ жизни Л.-Г. Драгунскаго полка въ Великую Войну. Въ этотъ день всѣ офицеры полка собираются, чтобы помолиться за упокой души тѣхъ изъ своихъ дорогихъ товарищей, которые ушли въ лучшій миръ, а затѣмъ на общемъ собраніи читаются воспоминанія, написанныя къ этому дню офицерами полка.

По прочтеніи воспоминанія эти печатаются и издаются отдѣльной брошюрой.

Идея этихъ сборниковъ воспоминаній, хоть частью замѣнить собою дорогія намъ всѣмъ товарищескія бесѣды въ Полковыхъ Собраніяхъ, гдѣ въ уютной атмосферѣ полковой семьи старые офицеры разсказывали случаи изъ былой жизни родного полка, а молодежь слушала, благоговѣла и воспитывалась на этихъ старыхъ традиціяхъ.

День боя подъ городомъ Ширвинтомъ 1-го августа 1914 года, какъ будетъ видно изъ описанія этого эпизода, былъ выбранъ потому, что въ этотъ день Лейбъ-Драгуны, участвуя въ полномъ своемъ составѣ, получили свое боевое крещеніе и выполнили возложенную на нихъ боевую задачу.

ЖИВОЙ ПАМЯТНИКЪ

1814.

Когда нашъ Царь Благословенный,
Рукою мощной укротилъ
Поработителя вселенной,
И міру вольность возвратилъ, —
Въ землѣ французскаго народа,
Онъ, русской славѣ боевой,
Войны двѣнадцатаго года
Воздвигнулъ Памятникъ Живой.
Во исполненье словъ Державныхъ,
Стеклись тогда изъ всѣхъ полковъ
Въ Версаль славнѣйшіе изъ славныхъ
Россійской конницы орловъ.
И блескъ Георгіевскихъ крестовъ,
Изъ саблей, пикъ и касокъ мѣдныхъ,
Подъ звуки маршей ихъ побѣдныхъ,
Наполнилъ станъ былыхъ враговъ.
Трубятъ. На площадь выѣзжаетъ,
Блестящей свитой окруженъ,
Посланецъ Царскій. Онъ вѣщаетъ,

Что нынѣ новый полкъ рожденъ
Изъ сихъ героевъ. Въ назиданье
Потомству... въ ознаменованье
Побѣдъ надъ дерзостнымъ врагомъ,
Да не забудетъ полкъ о томъ,
Что онъ для русскаго народа
Великой страды боевой,
Войны двѣнадцатаго года,
Навѣки памятникъ живой.
Такъ созданъ былъ въ землѣ французской,
У замка гальскихъ королей,
Живой свидѣтель славы русской,
Полкъ новый, Конно-Егерей.
Святыня новаго штандарта
Передана имъ съ торжествомъ,
И девятнадцатое марта,
Отнынѣ сдѣлалось ихъ днемъ.

1914.

Прошло сто лѣтъ. За это время,
Не разъ, войны тяжелой, бремя,
На долю выпадало намъ...
Навстрѣчу яростнымъ врагамъ
Не разъ носились Лейбъ-Драгуны,
(Былые Конно-Егеря),
За Вѣру, Родину, Царя,
На мало крови ихъ пролито ,
На полѣ брани не одинъ
Погибъ. Понынѣ не забыты
Дѣла, какъ Врацы, Новачинъ...
....
Ихъ юбилей столѣтній встрѣченъ

Блестящимъ, свѣтлымъ торжествомъ,
Вождемъ Державнымъ онъ отмѣченъ
Особой милостью: на немъ
Въ день девятнадцатаго марта.
Святыня новаго штандарта,
Самимъ Царемъ имъ вручена.
А ровно черезъ годъ она
Огнемъ германскимъ окрестилась,
И славной кровью обагрилась
Того, кто везъ ее въ строю...

....

И много разъ еще въ бою,
Въ атакахъ имъ бывать случалось...
Бѣжали дни... Порой, казалось,
Что свѣтлый день ужъ настаетъ...
Еще немного... и падетъ
Жестокій врагъ... Къ брегамъ Невы
Они придутъ подъ старый кровъ
Казармъ, въ свой милый Петергофъ;
Такъ имъ казалось... Но увы.
Не то судьба предначертала:
Година страшная настала,
Когда все то, что было свято,
Въ душѣ россійскаго солдата,
Завѣты всѣ его отцовъ,
Убиты были волей мерзкой,
Рукой кощунственной и дерзкой
Руси таинственныхъ враговъ.
И много доблестныхъ полковъ,
Не устояли предъ грозою,
Сіихъ антихриста временъ,
И разлетѣлись... распылились...
И братской кровью обагрились
Клочки растерзанныхъ знаменъ...

Но знамя Лейбъ-Драгунъ, вѣдь, цѣло...
Въ томъ единенья ихъ залогъ...
Смотрите-жъ, Лейбъ-Драгуны, смѣло
Впередъ... и вѣрьте: недалекъ
Тотъ часъ, когда васъ призоветъ
Вашъ Вождь начать святое дѣло
Борьбы за Русь. Вѣдь тѣмъ живетъ
Частица каждая живая,
Душа и сила боевая
Полка родного здѣсь... и тамъ...
За Русь святую биться вамъ,
Не мало разъ, еще придется.
Навстрѣчу дерзостнымъ врагамъ
Не разъ, ликуя, понесется
Россійской славы боевой
Безсмертный Памятникъ Живой.

РАЗЪѢЗДЪ ШТ.-РОТМИСТРА ГРИММА ВЪ ГЕРМАНІИ 28-го ІЮЛЯ 1914 г.

28-го іюля 1914 года нашъ полкъ стоялъ около города Ширвинта, на самой границѣ Германіи.

Вечеромъ я получилъ приказаніе командира полка приготовить мой взводъ къ выступленію въ разъѣздъ, а самому немедленно отправиться въ штабъ дивизіи за полученіемъ задачи развѣдки.

Задача состояла въ слѣдующемъ: держа общее направленіе на мѣстечко Willunen, возможно скорѣе дойти до сторожевого охраненія противника, пройти его, дойдя до Шиллингенскаго лѣса, (Schillinger Wald), откуда наблюдать за дорогой Willunen — Eitkunen и выяснить, есть ли пѣхота въ мѣстечкѣ Willunen. Задача развѣдки кончалась въ 9 часовъ вечера 29-го іюля. Въ прямомъ направленіи было 23 версты.

У меня во взводѣ былъ подпрапорщикъ Хонтулевъ, взводный унт.-оф. Патрашковъ и 34 драгуна.

Выступили мы въ 7 часовъ вечера, передъ сумерками. Зная, что днемъ впереди нашего сторожевого охраненія ходили наши разъѣзды, я съ мѣста пошелъ быстро перемѣннымъ алюромъ прямо по дорогѣ, имѣя лишь въ головномъ дозорѣ драгунъ Семенова и Ковалевича.

Такъ мы прошли километровъ 12-14, когда прискакалъ Ковалевичъ сообщить, что не доѣзжая хутора, за ручейкомъ, появились два всадника съ пиками и флюгерами.

Приказавъ взводу идти шагомъ, я поскакалъ вмѣстѣ съ Ковалевичемъ къ Семенову, и вотъ, что я увидѣлъ:

Ручеекъ съ обрывистымъ берегомъ; по одну сторону Семеновъ, а по другую 2 нѣмецкихъ улана. Ихъ раздѣляло 3-4 сажени.

Всѣ трое добродушно что то кричали, не понимая другъ друга, и махали пиками.

Была полная картина красносельскихъ маневровъ. . .

Какъ только нѣмцы увидѣли меня, то они повернули лошадей и ускакали.

Увязываться за ними не было никакого смысла.

Я со взводомъ вошелъ въ хуторъ, гдѣ вышли какіе то молодые люди, довольно мирно смотрѣвшіе на насъ. Только мы прошли и повернули на поляну, какъ изъ-за заборовъ началась стрѣльба по насъ. Это стрѣляли тѣ же жители, мирно смотрѣвшіе на насъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ.

Такъ произошло мое первое боевое крещеніе.

Ужасно хотѣлось отомстить; это было бы такъ легко. Я спѣшилъ взводъ, далъ по хутору залпъ, и мы со злостью поѣхали дальше.

Въ это время стемнѣло и ввиду опасности уже пришлось сойти съ дороги.

Какъ бываетъ всегда въ этихъ случаяхъ, да еще ночью, я уже точно не зналъ, гдѣ нахожусь, но зналъ, что направленіе вѣрное.

Такъ мы прошли около 3-4-хъ верстъ. Я часто слѣзалъ съ лошади; выходилъ впередъ и прислушивался. Въ тишинѣ ночи ясно были слышны топотъ и ржаніе лошадей и шумъ повозокъ. Было очевидно, что мы подходимъ къ линіи сторожевого охраненія.

Нужно было быть осторожнымъ. Пройдя на большое вспаханное поле, я спѣшилъ взводъ, приказалъ вынуть мундштуки, чтобы не было шума, и не брякать шашками и пиками, а самъ со взводнымъ унт.-офицеромъ Патрашковымъ пошелъ пѣшкомъ въ сторону противника, оставивъ взводъ подпрапорщику Хонтулеву.

Луна чуть-чуть свѣтила; мы шли по полю скошеннаго овса и, пройдя съ четверть версты, сѣли въ копну и стали слушать. Ясно слышался съ двухъ сторонъ, по линіи, характерный шумъ, свойственный только кавалеріи и намъ, кавалеристамъ, такъ хорошо знакомый.

Только я собрался уходить къ взводу, какъ показалась маленькая огненная точка, а затѣмъ появились двѣ фигуры, шагахъ въ 50-ти. Были ли это военные, или просто мужики, нельзя было видѣть. Они шли, не разговаривая, къ намъ; одинъ курилъ. Какъ только они скрылись, я толкнулъ Патрашкова и мы пошли къ взводу.

Не успѣли вы пройти немного, какъ вдругъ сзади раздался крикъ: «Wer da?». Потомъ «Wer ist da, zum Teufel? ! .»

Мы легли. Было страшно за взводъ; мнѣ казалось, что я его слышалъ опредѣленно. Наконецъ, я услышалъ удаляющіеся шаги, и все затихло.

Подойдя къ взводу, я приказалъ садиться по одиночкѣ, безъ шума, и мы тихонько потянулись прямо шагомъ въ ту сторону, откуда только что мы вернулись съ Патрашковымъ.

Такъ мы шли долго; было совсѣмъ темно. Помню, какъ мы подошли къ большой канавѣ, обнесенной проволочнымъ заборомъ, и долгое время не могли найти проѣзда. Наконецъ, нашли мостикъ и благополучно перешли. Опять шли долго. Впереди показалось что-то черное и большое. Это былъ лѣсъ.

Я спѣшился съ Патрашковымъ, пошелъ пѣшкомъ впередъ. Все было тихо, лишь тотъ же, указывавшій присутствіе кавалеріи, шумъ былъ уже за нами.

Мы вошли оба въ лѣсъ. Мнѣ было очень жутко. Темнота и неизвѣстность. А вдругъ онъ занятъ? Но была полная тишина. Я завелъ взводъ въ густую чащу, поставивъ часовыхъ на ближайшей опушкѣ. Лошадей поставили морды къ мордамъ и одѣли торбы.

Я не зналъ еще навѣрняка, гдѣ мы, и пошелъ обходить лѣсъ, но скоро вернулся, увидѣвъ, что лѣсъ большой и, зная по картѣ, что другого большого лѣса, кромѣ Шиллингенскаго — не было. Кромѣ того, съ западной опушки видны были огни мѣстечка, — по всѣмъ вѣроятіямъ, Willunen.

Когда мы вернулись къ взводу, то почти всѣ люди, уставшіе и наволновавшіеся, уже спали, и я, закусивъ немного и выпивъ какой-то сладкой гадости, которой въ темнотѣ меня угостилъ одинъ

изъ драгунъ, — легъ спать, и заснулъ моментально и крѣпко.

Были еще утреннія сумерки, когда меня разбудилъ подчасокъ съ сѣверо-западной опушки, сообщивъ, что по дорогѣ, вдоль лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, проѣхалъ германскій офицеръ съ трубачемъ. Я пошелъ на постъ. Мои люди находились въ германскомъ окопѣ, оборудованномъ и замаскированномъ идеально еще въ мирное время. Впереди, въ верстѣ, было видно мѣстечко Willunen, а справа сзади большой хуторъ. Въ Willunen видно было, какъ люди большими командами водили лошадей на водопой. Отдѣльные люди бродили безъ оружія. Хуторъ вправо также былъ занятъ, и отъ него на востокъ часто ѣздили всадники. Мы находились между германскимъ сторожевымъ охраненіемъ и ихъ бивакомъ, но ближе къ биваку.

На юго-востокъ было видно лишь начало дороги Willunen — Eitkunen; продолженіе ея закрывалось возвышенностью. Необходимо было пройти лѣсъ и посмотрѣть, что дѣлается по ту сторону, т. е. съ юго-западной стороны.

Пройдя къ моему взводу и позвавъ Патрашкова, мы направились въ лѣсъ, стараясь выбраться на юго-западную опушку. Но съ этой опушки опять ничего не было видно изъ-за той же возвышенности, а идти по открытому полю было опасно. Невдалекѣ какой-то толстый старикъ наколачивалъ проволоку къ уже вбитымъ столбамъ.

Пройдя вдоль опушки, мы скоро нашли канаву и пошли по ней въ сторону возвышенности. Канава кончалась большой ямой, съ кустами на борту. Мы влѣзли въ нее и стали смотрѣть. Въ

150-ти метрахъ отъ насъ проходила большая дорога Willunen — Eitkunen. Былъ виденъ городъ Willunen; справа тянулся проволочный заборъ отъ лѣса прямо къ намъ.

Не долго мы просидѣли спокойно.

По большой дорогѣ, мимо насъ, рысью прошелъ германскій эскадронъ, а черезъ нѣкоторое время изъ Willunen потянулась длинная колонна конницы, артиллеріи и пулеметы. Было интересно и страшно.

Нѣмцы были одѣты, въ шинеляхъ; все было новое, чистое и хорошо пригнано; совершенно наши юнкера.

Колонна стала проходить мимо насъ. Патрашковъ смотрѣлъ въ мой бинокль, прислонивъ къ краю ямы винтовку, а я записывалъ число проходившихъ эскадроновъ, орудій и пулеметовъ.

Вдругъ прямо надъ нашими головами раздался топотъ, и я съ ужасомъ увидѣлъ грудь и животъ лошади и ноги всадника, затѣмъ другого, третьяго, — всего пять человѣкъ. Они объѣзжали яму по самому краю, вдоль проволочнаго забора, и смотрѣли вправо, не видя насъ, причемъ первый громко крикнулъ надъ нами: «Rechts; hier ist Draht!»

Мы сидѣли окаменѣлые, я съ карандашемъ въ рукѣ, а Патрашковъ съ биноклемъ. Хороши бы мы были, если бы насъ увидали.

Написавъ скорѣе донесеніе, я быстро пробрался къ взводу. Тамъ было тревожно. Часовые доносили, что прошелъ мимо нихъ эскадронъ, спѣшился противъ поста, и повелъ въ поводу на Willunen.

Передъ постомъ, въ направленіи на вче-

рашній мостикъ, стояли двѣ стреноженныя лошади и стояли два кавалериста.

Нужно было спѣшно отправить донесеніе. Я вызвалъ охотниковъ. Захотѣли всѣ. Тогда я выбралъ двухъ смѣлыхъ драгунъ на отличныхъ кровныхъ лошадяхъ, унт.-оф. Митрошина и драгуна Кирьянова.

Они сняли фуражки, наклонили пики, чтобы не видно было, что нѣтъ флюгеровъ и, пройдя немного рысью по лощинкѣ вправо, потомъ сразу налѣво, пошли хорошимъ галопомъ прямо на вчерашній мостикъ и на стреноженныхъ лошадей.

Мнѣ съ поста ясно все было видно.

Я видѣлъ въ бинокль, какъ они налетѣли на спѣшенныхъ нѣмцевъ, какъ Кирьяновъ хотѣлъ пикой ударить одного, но промазалъ, и какъ другой нѣмецъ долго доставалъ изъ чехла на сѣдлѣ винтовку и выпалилъ, но тоже промазалъ.

Мои молодцы скакали черезъ мостикъ.

На хуторѣ бѣжали люди съ винтовками, и раздался залпъ.

Смотримъ... Наши скачутъ... Опять залпъ... Скачутъ... Потомъ ничего уже не было видно.

Около двухъ часовъ, недалеко отъ насъ вдругъ раздался оглушительный взрывъ. Еще одинъ, еще... Рвались снаряды... Откуда? Почему? Я побѣжалъ смотрѣть на дорогу Willunen — Eitkunen, и слышалъ, какъ со свистомъ съ нашей стороны летѣли черезъ лѣсъ снаряды, разрываясь уже около дороги. Это стрѣляли наши.

На дорогѣ стоялъ обозъ, ѣздили вдоль него всадники, и что-то кричали; потомъ обозъ повернули, и онъ пошелъ на Willunen.

Вдалекѣ, на востокѣ, въ направленіи на Шир-

винтъ, слышна была ружейная стрѣльба. Черезъ нѣкоторое время донесли, что отъ Eitkunen отступаетъ большая колонна на Willunen, и подъ вечеръ мы увидѣли, какъ съ хутора ушелъ эскадронъ, и я сейчасъ же отправилъ донесеніе.

У насъ всѣхъ, какъ-то сразу, появилась мысль, не наше ли донесеніе дошло и предупредило о наступленіи нѣмцевъ?..

Въ 9 часовъ вечера мы сѣли на лошадей и по старому пути, черезъ мостикъ, безъ всякихъ приключеній дошли до нашего расположенія, Тамъ я поздно ночью явился моему командиру эскадрона и узналъ, что мое донесеніе дошло; что немедленно, по тревогѣ, была поднята дивизія; что былъ бой; атака; ранены Коносевичъ и Ельшинъ II; убитъ въ разъѣздѣ Грязнова вице-унт.-оф. Михличенко, и убита кобыла Купчиха подъ штандартнымъ унтеръ-офицеромъ.

Утромъ рано я проснулся отъ шума. Оказалось, что прибѣжала кобыла Купчиха, съ раной подъ глазомъ, но веселая и здоровая...

Часто потомъ, во время войны, я вспоминалъ вмѣстѣ съ моимъ взводомъ объ этомъ моемъ первомъ разъѣздѣ, полномъ всякихъ происшествій и волненій.

Э. Гриммъ.

ДѢЙСТВІЯ РАЗЪѢЗДА ПОРУЧ. КОНОСЕВИЧА

29-го іюля 1914 г. подъ Пиррагеномъ.

Было семь часовъ утра 29-го іюля 1914 года, когда полкъ, построившись въ резервную колонну, готовился атаковать германскую конницу. Пулеметы сняты и, подъ командой поручика Де-Витта, стоятъ наготовѣ. Вдругъ, прямо противъ полка, появляется разъѣздъ, чей это — нашъ или противника, за дальностью разстоянія разобрать нельзя.

«Ротмистръ Полозовъ, пошлите узнать, что это за разъѣздъ», — раздается отрывочное приказаніе командира полка, генерала графа Нирода. Но Полозовъ приказанія не разслышалъ, сталъ переспрашивать. Командиръ полка дѣлаетъ рукой нетерпѣливый жестъ. На 1-мъ взводѣ 2-го эскадрона стоитъ поручикъ Коносевичъ. — «Поручикъ Коносевичъ, узнайте, въ чемъ дѣло»! — приказываетъ командиръ полка. — «Слушаю, Ваше Сіятельство... Демидовъ и пять человѣкъ за мной», — командуетъ Коносевичъ. Всѣ шесть человѣкъ

вылетаютъ изъ строя и сразу же, полевымъ галопомъ, идутъ на разъѣздъ. Пулеметы Де-Витта стоятъ наготовѣ.

Разъѣздъ поручика Коносевича, идя хорошимъ ходомъ, скоро увидалъ передъ собою германскій разъѣздъ, въ двадцать человѣкъ, на прекрасныхъ вороныхъ лошадяхъ. Противникъ повернулъ вдругъ галопомъ уходить вдоль шоссе. Картина получилась интересная: слѣва отъ шоссе скачетъ германскій разъѣздъ, а съ правой стороны, голова въ голову, разъѣздъ Лейбъ-Драгунъ, стараясь не допустить противника на шоссе и тѣмъ самымъ подставляя его подъ дѣйствіе нашихъ пулеметовъ. Маневръ оказался правильнымъ, и наши пулеметы заговорили. Поручикъ Коносевичъ не спускалъ глазъ съ вражьяго разъѣзда. Пулеметы работали. Вдругъ они стали доставать противника. Вотъ упалъ одинъ, вотъ валится другой, третій перевернулся черезъ голову... Начальникъ разъѣзда, скачущій немного сбоку, вдругъ какъ-то странно заработалъ локтями. Моментъ, и противникъ вышелъ изъ огневой полосы пулеметовъ и началъ скрываться за впереди лежащей возвышенностью.

Послышались выстрѣлы съ той стороны, куда уходилъ разъѣздъ. Тутъ поручикъ Коносевичъ посылаетъ двухъ влѣво отъ дороги, двухъ вправо и двухъ по шоссе, узнать, что это за выстрѣлы и куда скрылся разъѣздъ. Самъ онъ выхватываетъ шашку, перескакиваетъ черезъ шоссе и устремляется на спѣшенныхъ пулеметами германцевъ. Тѣ даютъ по немъ безпорядочный залпъ. Кобыла Ганя, поручика Коносевича, замотала головой, пули пролетѣли мимо. Второй залпъ, тоже

мимо. Три германца начинаютъ убѣгать, одинъ остается. Поручикъ Коносевичъ рѣшаетъ покончить сначала съ ближайшимъ, потомъ добить остальныхъ трехъ. Но ударъ шашкой по головѣ не оказывается для германца смертельнымъ, такъ какъ Ганя не особенно удачно подошла къ отстрѣливавшемуся противнику. Зная, что она не переноситъ выстрѣловъ и, слѣдовательно, не подойдетъ вплотную къ германцу, поручикъ Коносевичъ выхватываетъ свой девятиствольный Парабелюмъ и подлетаетъ снова къ германцу. Начинается форменная дуэль. Германецъ стрѣляетъ съ земли изъ карабина, Коносевичъ изъ Парабелюма, на не стоящей ни на секунду на мѣстѣ лошади. Остальные три германца, залегши въ картофельномъ полѣ, разстрѣливаютъ его изъ карабиновъ.

Разстояніе между дуэлянтами: 8-10 шаговъ, германецъ цѣлитъ въ голову, голубые глаза его напряженно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ противника. Коносевичу приходится туго. Ганя не стоитъ...

«Надо цѣлиться хорошенько и спокойнѣе», — мелькаетъ у него въ головѣ. Въ этотъ моментъ онъ ощущаетъ тупой ударъ въ правое бедро. Въ пистолетѣ остался лишь одинъ патронъ. Коносевичъ цѣлится съ дьявольской медлительностью... Выстрѣлъ, и германецъ падаетъ. Пуля попала въ грудь около сердца.

«Надо кончать съ остальными», — думаетъ Коносевичъ, и даетъ шпоры. Но ужасъ. Ганя, красавица Ганя, не двигается съ мѣста и начинаетъ какъ то странно дрожать. Поручикъ нагибается и видитъ, что изъ ноздрей лошади льется кровь. Кровь льется и изъ его собственной ноги. Только

что хотѣлъ онъ соскочить съ сѣдла, какъ Ганя упала, придавивъ его собой. Изъ живота, груди и ноги били кровавые фонтаны. Убитый германецъ лежалъ рядомъ. Онъ, отъ волненія, бралъ, вѣроятно, черезчуръ мелкую мушку и пули, предназначавшіяся всаднику, попали въ лошадь.

Въ эту минуту къ Коносевичу, безпомощно лежащему на землѣ, подбѣгаетъ его вѣрный вѣстовой, Большаковъ.

«Ваше Высокоблагородіе, Вы ранены?» — Да, а Ганя убита». — «Кто убилъ?» — «Вотъ онъ». — Большаковъ не выдержалъ, выхватилъ шашку и разрубилъ голову германца. — «Большаковъ, оставь, онъ же мертвый», — сказалъ Коносевичъ.

Ганя хрипѣла. Огонь германцевъ, справа, сталъ сильнѣй. Большаковъ высвободилъ поручика изъ подъ трупа, но, такъ какъ лошадь вѣстового была тоже убита, то приходилось отступать пѣшкомъ.

Большаковъ почти несъ своего офицера. Поручикъ рѣшилъ начать отстрѣливаться отъ стрѣлявшихъ по нимъ трехъ германцевъ, но раненая нога не давала прицѣлиться. Тутъ взялъ въ руки винтовку Большаковъ и, хотя онъ, въ мирное время, былъ отвратительнымъ стрѣлкомъ, съ перваго же выстрѣла убилъ одного изъ германцевъ, двое оставшихся бросились бѣжать.

И такъ, поручикъ Коносевичъ и Большаковъ стали отступать по шоссе, къ полку. Кровь текла изъ раны такъ сильно, что весь сапогъ казался вымазаннымъ карминомъ. Оставшись вдвоемъ и, думая, что противникъ ежеминутно можетъ проявить должную активность, Коносевичъ зарядилъ свой пистолетъ новой обймой. Большаковъ сдѣ-

лалъ тоже. И тутъ же было рѣшено отстрѣливаться до послѣдняго патрона...

Гдѣ же были остальные люди разъѣзда? Всѣ они налетѣли на пѣхотную цѣпь, и у нихъ всѣхъ были перебиты лошади. У старшаго унт.-оф. Демидова лошадь застряла въ торфяномъ болотѣ, и самъ онъ едва выкарабкался оттуда.

Внезапно, отступавшіе увидѣли дозоръ отъ 4-го эскадрона. — «Давай сюда лошадь, — закричалъ Большаковъ, — поручикъ Коносевичъ раненъ». — Подвели коня, съ трудомъ усадили раненаго на лошадь и повели. Страшная жажда мучила Коносевича. — «Ради Бога, дайте пить», — просилъ онъ. Но воды было достать неоткуда.

Черезъ нѣкоторое время печальные остатки разъѣзда, всѣ буквально пѣшіе, присоединились къ полку.

Командиръ полка, графъ116родъ, завидѣвъ издали, что ведутъ на поводу лошадь Коносевича, подъѣхалъ къ нему первый, и Коносевичъ услыхалъ добрыя, горячія слова одобренія, которыя на всю жизнь останутся въ его памяти.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже лежалъ на лазаретныхъ носилкахъ, и полковой врачъ дѣлалъ ему перевязку. Она произвела глубокое впечатлѣніе, весь полкъ могъ наблюдать эту первую ласточку боя.

Поручикъ Коносевичъ, блѣдный какъ полотно отъ большой потери крови, лежалъ на носилкахъ. Драгуны 2-го эскадрона столпились вокругъ и, видя эту неестественную блѣдность, думали, что рана смертельна и стали трогательно прощаться съ нимъ...

Такъ кончилось дѣйствіе боевого разъѣзда поручика Коносевича подъ Пиррагеномъ.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ 1-го АВГУСТА 1914 года ВЪ БОЮ ПОДЪ ШИРВИНТОМЪ

Переходъ отъ привычной лагерной обстановки Краснаго Села въ боевую былъ для насъ настолько быстрымъ, что, казалось, мы все еще находимся на маневрахъ и только вмѣсто знакомыхъ съ поконъ вѣковъ названій красносельскихъ деревень — всѣ эти Пильвишки, Вильковишки и прочія «ишки». Казалось, что вотъ съѣдутся «посредники» и начнется знакомая картина «разбора маневра». Чувствовалось скорѣе инстинктивно, что готовится нѣчто очень большое, очень серьезное, очень страшное, что то вродѣ чувства, которое я всегда въ дѣствѣ испытывалъ въ деревнѣ, когда издали видно было, какъ надвигались грозовыя тучи и вся природа замирала въ ожиданіи чего-то такого, что никто предвидѣть не могъ.

Съ приближеніемъ къ границѣ вражеской страны это чувство усилилось и всѣ какъ-то притихли...

Въ воздухѣ «запахло порохомъ»...

Моей задачей въ этой маленькой статьѣ будетъ постараться описать душевныя переживанія моихъ родныхъ Лейбъ Драгунъ въ первомъ серьезномъ бою, въ которомъ полку пришлось участвовать, совершенно не вдаваясь ни въ подробности, ни въ стратегію или тактику, и никого не критикуя.

Если мнѣ удастся передать эту картину такъ, чтобъ участники боя узнали ее — мнѣ большей награды не нужно.

Дабы понять дальнѣйшее, надо хоть немного объяснить обстановку, въ которой находился полкъ къ концу іюля 1914 года. 2-ая Гв. Кав. дивизія подошла къ нѣмецкой границѣ и остановилась около фольварка Нотовщизна, въ 2-хъ верстахъ отъ гор. Владиславова. Границею между Россіей и Германіей служила болотистая рѣчка Шушупа, въ бродъ почти что непроходимая. Единственнымъ способомъ перехода черезъ нее являлась длинная, версты въ двѣ, узкая гать, которая упиралась на нѣмецкой сторонѣ въ маленькій, чистенькій городокъ: Ширвинтъ, отъ котораго въ глубь страны шли великолѣпныя дороги, какихъ мы и не видывали на нашей сторонѣ.

29-го іюля начальникъ дивизіи ген.-лейт. Раухъ собралъ насъ, т. е. командировъ полковъ, въ Штабъ дивизіи и объявилъ намъ, что рѣшенъ походъ въ глубь Восточной Пруссіи и нашей дивизіи приказано занять Ширвинтъ, черезъ который мы и начнемъ наше движеніе. Правѣе насъ должна была слѣдовать 1-ая Гв. Кав. дивизія, а за ней 2-ая и 3-ья армейскія.

Само занятіе Ширвинта произошло весьма мирно и рѣшено было до полученія приказанія

объ общемъ наступленіи занимать Ширвинтъ поочередно однимъ полкомъ съ двумя орудіями и двумя пулеметами. Всѣ же остальныя части дивизіи оставались подъ прикрытіемъ р. Шушупы въ окрестностяхъ Владиславова. Задача отряда, оставленнаго въ Ширвинтѣ, была отвѣтственной, такъ какъ съ потерей это пункта терялась возможность перехода черезъ Шушупу и этимъ нарушался весь планъ движенія въ Восточную Пруссію...

1-го августа наступала очередь Лейбъ Драгунъ смѣнить Лейбъ Гусаръ и 24 часа продержаться въ Ширвинтѣ до смѣны.

Стояла чудная погода, солнце блестѣло и освѣщало всю мѣстность и стройные ряды Лейбъ Драгунъ, выступившихъ изъ г. Владиславова. Настроеніе у всѣхъ было пріятно-приподнятое, — да это и понятно, такъ какъ всякій душою и сердцемъ чувствовалъ, что, наконецъ, намъ придется сдать тотъ страшный экзаменъ всякаго солдата, къ которому готовились годами и страшное имя котораго «Война».

Не думаю, что очень ошибусь, если скажу, что весьма мало среди насъ было такихъ, которые отдавали себѣ ясно отчетъ въ томъ, что насъ ожидало, — чувство было просто радостное и увѣренное въ силѣ и могуществѣ Россіи и гордость сознанія быть хоть небольшой частицей ея доблестныхъ войскъ.

Въ моей душѣ и головѣ роились всевозможныя мысли, изъ нихъ главными были: опасенія за сохранность полкового штандарта, полученнаго мною лично изъ рукъ Государя Императора пять

мѣсяцевъ тому назадъ, въ день столѣтняго юбилея полка, и желаніе не ударить лицомъ въ грязь въ роли командира въ неизвѣстной еще мнѣ и никому изъ насъ боевой обстановкѣ.

Кромѣ того, я прекрасно сознавалъ всю отвѣтственность возложенной на меня задачи и видѣлъ, что, въ случаѣ неудачи, отступленія моему отряду не было, т. к. въ тылу у насъ была болотистая Шушупа съ одной длинной узкой гатью, по которой можно было отступать — находясь все время подъ прицѣльнымъ огнемъ непріятеля.

Совершенно незамѣтно прошли мы пять или шесть верстъ до Ширвинта, вотъ миновали пограничный столбъ, выкрашенный въ черно-оранжевый цвѣтъ, съ германскимъ орломъ на верхушкѣ, и какое то чувство гордаго удовлетворенія, что мы вошли на вражескую землю, овладѣло всѣми нами. Наконецъ ,копыта лошадей застучали по мостовымъ города и мы въѣхали ровно въ 12 ч. на городскую площадь, на которой находилась почтовая контора, — въ которой расположился штабъ Лейбъ Гусаръ. Началась смѣна эскадронами Лейбъ Драгунъ Лейбъ Гусарскихъ эскадроновъ и высылка серіи разъѣздовъ, дабы освѣтить положеніе и мѣстность. Лично я съ нѣсколькими офицерами влѣзли на колокольню кирхи, откуда открывался чудный видъ. Какую мирную картину увидали мы въ этотъ чудный солнечный день 1-го августа съ верхушки Ширвинтской колокольни. Нельзя было повѣрить, что черезъ нѣсколько дней люди превратятъ всю эту вѣковую культуру въ груду развалинъ, цвѣтущія чистенькія деревни будутъ сожжены, великолѣпно обработанныя поля — вытоптаны, чудный породистый скотъ унич-

тоженъ и весь этотъ привѣтливо улыбающійся край будетъ обильно политъ человѣческой кровью.

Въ виду огромнаго кругозора, открывающагося съ колокольни, на ней былъ поставленъ наблюдательный постъ, соединенный со штабомъ полка телефономъ.

Самъ Ширвинтъ былъ еще населенъ, но перепуганые жители наспѣхъ грузили свой скарбъ и выѣзжали.

Вскорѣ въ штабъ полка начали стекаться свѣдѣнія, что эскадроны смѣнились и заняли свои позиціи на окраинахъ города.

Вдугъ, приблизительно около 12 ч. 30 м., гдѣ то вдали раздался орудійный выстрѣлъ, и черезъ городъ пронесся снарядъ и разорвался гдѣ то сзади. Первый за Великую войну снарядъ пролетѣлъ надъ Лейбъ Драгунами.

Совершенно откровенно скажу, что обстановка до этого момента была настолько мирной, что я въ первую минуту не понялъ, въ чемъ дѣло, но когда вслѣдъ за первымъ перелетомъ снаряды начали летѣть все чаще и чаще, а рваться они начали уже на площади передъ почтой, гдѣ находился штабъ, всѣ поняли, что то страшное, большое и намъ всѣмъ еще неизвѣстное теперь то началось...

Въ виду того, что фасадъ почты былъ обращенъ къ непріятелю, оставаться въ ней становилось невозможнымъ, т. к. каждую секунду въ окно могъ влетѣть снарядъ, что, впрочемъ, потомъ и случилось, такъ что намъ пришлось выйти изъ дома и перейти площадь, дабы прикрыться стѣнами противуположныхъ домовъ.

Въ ту минуту, какъ я находился посреди площади, очередь изъ 4-хъ шрапнелей разорвалась

гдѣ-то очень близко, и я почувствовалъ, что меня ударило что-то въ колѣно лѣвой ноги. Боли изъ за общаго нервнаго подъема особой я не почувствовалъ, но все-же упалъ. Около меня, помню это отчетливо, шли докторъ Первовъ и шт. труб. Красcовскій. Послѣдній подбѣжалъ ко мнѣ съ крикомъ «командиръ раненъ», но я разсердился на него, въ сущности, самъ не знаю, за что, — просто нервы не выдержали, обругалъ и побѣжалъ къ противуположной сторонѣ, чтобы спрятаться отъ участившихся разрывовъ. Помню, что видѣлъ, какъ докторъ Первовъ въ это время что то поднялъ съ земли, но я не обратилъ на это тогда вниманія, — оказалось впослѣдствіи, что это былъ стаканъ шрапнели, къ счастью моему, на излетѣ, который попалъ мнѣ въ колѣно, но кромѣ кровоподтека и разорванныхъ рейтузъ, никакого вреда мнѣ не принесъ.

Противникъ, къ счастью для эскадроновъ, сосредоточилъ свой огонь по городу и по колокольнѣ. Эскадроны же занимали позиціи внѣ центра города, на опушкѣ, и были укрыты.

Оставленные на колокольнѣ наблюдатели находились подъ убійственнымъ огнемъ, направленнымъ противъ нихъ, и не только остались цѣлы, но, по мѣрѣ возможности, все время доносили о томъ, что дѣлаетъ противникъ. Наши два орудія, расположенныя укрыто за городомъ, несмотря на огромный перевѣсъ въ силахъ — у него было не менѣе 6, а то и всѣ 8 орудій, — весь день своимъ огнемъ отвѣчали на непріятельскій, и я приписываю конечный результатъ дня въ очень большой мѣрѣ лихимъ дѣйствіямъ этого взвода.

Все это случилось до того неожиданно, мы всѣ

были такъ далеки отъ того, что произошло, что описать детально всѣ стадіи боя невозможно.

Противникъ ясно былъ много сильнѣе насъ, — это доказывала его артиллерія, поэтому намъ нельзя было показывать носу, дабы не обнаруживать свои силы.

Шумъ въ это время стоялъ совершенно неописуемый, рвались снаряды, со звономъ ломались стекла, кое гдѣ въ городѣ изъ за попаданій начались пожары и крыши, у которыхъ подгорѣли стропила, съ трескомъ валились. Къ орудійнымъ выстрѣламъ вскорѣ присоединилась трескотня винтовокъ, — то цѣпи выдвинутыхъ эскадроновъ своимъ огнемъ отбивали начавшееся мѣстами наступленіе противника, — а чудный ясный, солнечный день продолжалъ одинаково ласково смотрѣть на людей, какъ дикіе звѣри, уничтожавшихъ другъ друга...

Насколько сложны были душевныя переживанія, что даже теперь ясный отчетъ себѣ отдать въ нихъ трудно. Живо припоминаю одну мысль, гвоздемъ засѣвшую у меня въ головѣ и не покидавшую меня весь день. «Куда дѣвать штандартъ, если намъ отрѣжутъ единственный путь къ отступленію, въ случаѣ неудачи?» — Подъ моей командой въ этотъ день было около 100 человѣческихъ жизней, а я думалъ и мучился о кускѣ шелковой матеріи, прибитой къ куску дерева. Что же это значитъ? Теперь, когда у насъ все потеряно, значеніе этого куска матеріи еще ярче выступаетъ и еще болѣе понятно, — это была эмблема всего святого, всего соединяющаго, безъ чего немыслима никакая правовая организація, и за

нее то я боялся больше, нежели за всѣ человѣческія жизни, мнѣ порученныя.

Начали появляться первые раненые, которыхъ докторъ Первовъ перевязывалъ съ рѣдкимъ хладнокровіемъ.

Какъ всегда, во время боя донесенія поступали самыя разнорѣчивыя, — то непріятель наступаетъ въ большихъ силахъ, то, напротивъ того, гдѣ то видны отступающія части. Всѣ были какъ то неестественно сосредоточены, но могу сказать совершенно чистосердечно, что ни одного случая паники или желанія не раздѣлить со всѣми опасности, мною замѣчено не было и теперь, послѣ 13 лѣтъ, я скажу, что гордился моими славными Лейбъ Драгунами во время ихъ боевого крещенія.

Чувствовалось, что это была крѣпкая своей внутренней спайкою часть и что этотъ трудный экзаменъ сданъ полкомъ блестяще.

Повидимому, противникъ не ожидалъ встрѣтить серьезнаго сопротивленія и, ошибшись въ своихъ расчетахъ и не выяснивъ силы, занимавшія Ширвинтъ, рѣшилъ, что задача его выполнена. Около 5 ч. вечера огонь его началъ слабѣть и вскорѣ совсѣмъ прекратился, а отъ выдвинутыхъ впередъ частей начали поступать донесенія о замѣченномъ отступленіи непріятельскихъ кавалерійскихъ колоннъ.

Много лѣтъ спустя, мы узнали, что въ этотъ день мы имѣли дѣло съ трехполковой кавалерійской бригадой при 2-хъ 4-хъ-орудійныхъ батареяхъ.

Натянутые какъ веревки нервы начали постепенно отходить, но въ душѣ еще скребли кошки,

— а вдругъ это только передышка и сейчасъ опять начнется.

На землю спускался чудный тихій лѣтній вечеръ. Бѣдный Ширвинтъ, нѣсколько часовъ тому назадъ такой чистенькій, горѣлъ во многихъ мѣстахъ и улицы были завалены всякимъ хламомъ, дома стояли съ выбитыми окнами, кое гдѣ валялись трупы лошадей, — увы, это была картина, которую мы впослѣдствіи часто видали, но теперь это было намъ новостью и, несмотря на все удовольствіе, испытываемое нами по случаю удачно окончившагося перваго боя, впечатлѣніе отъ нея было грустное.

Въ это самое время кто то крикнулъ: «а къ намъ по гати изъ Владиславова подходитъ пѣхота». И, дѣйствительно, ясно было видно, какъ змѣилась по дорогѣ къ намъ большая пѣхотная колонна. Когда передовыя части подошли къ намъ, выяснилось, что это былъ Малоярославскій полкъ, который имѣлъ задачею занять Ширвинтъ и заночевать здѣсь.

Общій вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ насъ, т. к. теперь намъ уже не было такъ страшно возвращеніе непріятеля.

Этимъ я заканчиваю описаніе боя Лейбъ Драгунъ 1-го августа подъ Ширвинтомъ, — многое съ тѣхъ поръ измѣнилось, многое всякому изъ насъ пришлось пережить и перетерпѣть и многихъ изъ нашихъ товарищей, принимавшихъ участіе въ этомъ бою уже нѣтъ, — мы же, оставшіеся въ живыхъ, не должны забывать того духа единенія, того принципа «одинъ за всѣхъ — всѣ за одного», которые царили среди насъ въ этотъ солнечный день 1-го августа 1914 года.

Sandricourt.
Іюль 1927 года.

Графъ Ѳеодоръ Нироdъ.

РЕТЦЕНЪ — КАУШЕНЪ 5-6 АВГУСТА 1914 г.

Настоящій очеркъ отнюдь не представляетъ собой главы для исторіи; послѣднее потребовало бы изученія матеріаловъ для этого. Настоящее же есть только воспоминаніе. Я хочу и могу разсказать только о томъ, что я дѣлалъ эти два дня и что я видѣлъ и, притомъ такъ, какъ это мнѣ представлется сегодня. Мнѣ кажется, что это единственный подходъ къ этому дѣлу. Иначе это будетъ лишь фантазія.

Нелегко возстановить въ памяти во всѣхъ подробностяхъ то, что имѣло мѣсто 13 лѣтъ тому назадъ. Нелегко, но въ настоящемъ случаѣ оно тѣмъ не менѣе возможно и вотъ почему. Переживавшіяся нами, въ эти августовскіе дни 1914 г. событія навѣрное оставили у многихъ изъ насъ гораздо болѣе яркое впечатлѣніе, чѣмъ многое изъ того, чему намъ пришлось быть свидѣтелями позднѣе. И это естественно. Какъ воспоминанія дѣтства, — иногда даже самые ничтожные факты, — зачастую крѣпко врѣзаются въ память на всю жизнь, только потому, что онѣ первыя впечатлѣнія,

такъ и воспоминанія Восточно-Прусскаго похода — первыя для насъ, Драгунъ, впечатлѣнія Великой войны, несомнѣнно воскресаютъ въ памяти каждаго изъ насъ, лишь только мы перенесемся мыслью туда, къ этимъ безконечнымъ и такимъ пыльнымъ въ жаркіе лѣтніе дни шоссе Восточной Пруссіи, къ этимъ всегда огороженнымъ проволочными изгородями полямъ и лугамъ, къ этимъ разбросаннымъ повсюду, быть можетъ неуклюже, но за то хозяйственно выстроеннымъ фермамъ, ко всѣмъ этимъ Ширвиндамъ, Пилькаленамъ и Фридландамъ, съ ихъ чистенькими, аккуратными улицами, съ крытыми красной черепицей домами, съ ихъ кирхами и зачастую съ памятниками Вильгельму I и Бисмарку на главной площади.

5-ое августа. Въ это утро, послѣ тревожной и безпокойной ночи, проведенной въ Пилькаленѣ, брошенномъ нѣмцами наканунѣ при нашемъ приближеніи и захваченномъ нами съ налета, — наша дивизія двигалась походнымъ порядкомъ къ Кюссену. Было часовъ около десяти утра, когда впереди, въ авангардѣ, послышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Остановились. Спѣшились. Перестрѣлка усиливалась. Начала давать знать о себѣ артиллерія, въ промежуткахъ доносится трескотня пулеметовъ.

Пулеметами, находившимися въ этотъ день въ авангардѣ, командовалъ Гриневъ. Римскій, какъ всегда, шелъ со штабомъ дивизіи въ головѣ колонны главныхъ силъ, я же велъ остальные три

взвода. Стрѣльба то совершенно утихала, то вновь усиливалась.

Помню, я сидѣлъ подъ деревомъ возлѣ дороги и слегка подремывалъ, разморившись на солнцѣ послѣ безсонной ночи, когда ко мнѣ подскакалъ ординарецъ Римскаго съ приказаніемъ немедленно мнѣ лично, оставивъ пулеметы, отправиться впередъ на позицію, занятую нашимъ спѣшеннымъ и, ведущимъ бой, авангардомъ, и смѣнить только что раненаго Гринева, не желающаго оставить позицію до прибытія ему смѣны.

Тронувшись рысью, дѣйствительно, верстахъ въ двухъ впереди, возлѣ самаго шоссе, передъ какой то фермой, я наткнулся на наши пулеметы. Гриневъ лежалъ тутъ-же на травѣ и пытался распоряжаться, его рейтузы были въ крови; возлѣ него, на корточкахъ, сидѣлъ фельдшеръ. Я сейчасъ же приказалъ нести его въ тылъ, и самъ началъ осматриваться.

Вправо и влѣво лежали спѣшенные Уланы. Шла рѣдкая перестрѣлка. Не помню совершенно, пришлось ли мнѣ еще открывать огонь изъ пулеметовъ. Насколько мнѣ это представляется сегодня, бой уже стихалъ и, пролежавъ еще на позиціи часъ-другой, мы получили приказаніе садиться и, вскорѣ, вся дивизія двинулась дальше.

Вечеромъ того же дня, когда я съ пулеметнымъ взводомъ, стоялъ на квартиръ-бивакѣ, съ Конно-Гренадерами, въ составѣ дежурной части дивизіи, разыгрался эпизодъ, который, только благодаря находчивости Бендерскаго, не обратился въ нѣчто могущее быть весьма ужаснымъ по своимъ послѣдствіямъ.

Уже темнѣло. Въ охраненіи были Драгуны.

Мой пулеметный взводъ, сравнительно, удобно расположился въ одной деревнѣ съ Конно-Гренадерами.

Помню, что получивъ приглашеніе отъ ротмистра Конно-Гренадерскаго полка Сливицкаго на чашку шоколада, я уже подходилъ къ его дому, когда по улицѣ прокатилось: «Тревога, сѣдлай!» Кто-то этотъ крикъ подхватилъ, и черезъ минуту уже изъ всѣхъ дворовъ выбѣгали люди, ведя въ поводу посѣдланныхъ лошадей. Бросившись, при первомъ же крикѣ назадъ къ своему взводу, я добѣжалъ до нашего двора и, выведя свои пулеметы, повелъ ихъ къ сборному пункту. Было уже совершенно темно, когда мы шли рысью, въ составѣ Конно-Гренадеръ, по шоссе, на линію охраненія, занятую Драгунами. Внезапно остановились. Въ темнотѣ, задніе налетѣли на переднихъ. Полная тишина. Спѣшились. Вскорѣ выяснилось слѣдующее. Разсказываю объ этомъ со словъ самого Бендерскаго.

Уже стемнѣло, когда въ сторожевое охраненіе стали поступать свѣдѣнія, что впереди, на значительномъ фронтѣ, обнаружены какія то отдѣльныя группы людей; было похоже, что это дозоры противника. Одно изъ этихъ свѣдѣній было доставлено Павлоградцемъ Шебеко. Предположеніе о томъ, что это противникъ, основывалось на томъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, нашей пѣхоты въ этомъ районѣ не было. Естественно, поэтому штабъ дивизіи поднялъ тревогу. Неизвѣстно, чѣмъ это все бы окончилось, если бы Бендерскій не предложилъ самъ отправиться впередъ съ нѣсколькими людьми, чтобы выяснить, что происходитъ. Пробравшись впередъ, за линію ох-

раненія, онъ вскорѣ, дѣйствительно, увидѣлъ впереди какой то пѣхотный дозоръ. Онъ продолжалъ наблюдать. Было совершенно тихо. Дозоръ двинулся впередъ, прямо на него; вдругъ тишину ночи нарушили раздавшіеся со стороны этого непріятельскаго дозора, нѣсколько сочныхъ русскихъ словъ... Кто то въ темнотѣ споткнулся, упалъ и крѣпко выругался... Разумѣется, этого было достаточно, чтобы Бендерскій отвѣтилъ тѣмъ же, и черезъ минуту очутился бы возлѣ нихъ.

Черезъ четверть часа начальникъ одной изъ нашихъ пѣхотныхъ дивизій (не помню сейчасъ ея номера) генералъ Лашлевичъ обнималъ Бендерскаго, и со слезами благодарилъ его. Оказалось, что его дивизія собиралась съ минуты на минуту атаковать безъ выстрѣла, въ штыки, нашъ квартиръ-бивакъ, его части уже развернулись и наступали подъ прикрытіемъ темноты. Къ счастью, ихъ наступленіе удалось немедленно остановить...

Вернувшись назадъ, остатокъ ночи мы провели спокойно, ночи кануна Каушена, того Каушена, который всегда будетъ памятенъ нашей Гвардейской Кавалеріи.

Всѣ улеглись, многіе изъ насъ для того, чтобы проснувшись на другой день, уже заснуть навсегда...

***

Преображеніе, 6-го августа.

Когда то раньше, — отбой Большихъ Маневровъ... Производство въ офицеры молодежи... Волненіе съ утра... Ласковыя, на всю жизнь запоминаемыя слова Государя... Какая то огромная,

ни съ чѣмъ не сравнимая, все заполняющая радость...

Сегодня же, въ этотъ день Преображенія 1914 года, часовъ около 10 утра, наша дивизія, какъ всегда, опять тянулась по какой то дорогѣ. Правѣе, временами, виднѣлась, шедшая параллельно намъ, 1-ая Гв. Кав. дивизія.

Мы втянулись въ густой сосновый боръ.

«Ст-о-о-ой»...

Впереди слышна перестрѣлка, тамъ въ авангардѣ Уланы съ нашимъ пулеметнымъ взводомъ. Пулеметами сегодня командуетъ ихъ-же уланъ Кушелевъ, бывшій въ прошломъ году у насъ въ командѣ для изученія пулеметнаго дѣла. Я, какъ и вчера, въ колоннѣ главныхъ силъ. Остановились на опушкѣ лѣса. Внизу, подъ ногами, обрывъ, какія-то каменоломни. Въ ½ вестрѣ впереди и такъ-же внизу — деревня. Вдали, вестахъ въ трехъ, отлогій подъемъ. Яркое августовское солнце заливаетъ обширную панораму. Тамъ, возлѣ опушки, гдѣ мѣстность круто обрывается внизъ, расположился, спѣшившись, штабъ нашей дивизіи. Свѣсивъ ноги, на краю обрыва сидитъ начальникъ дивизіи генералъ Раухъ и смотритъ въ бинокль, тутъ же Богаевскій, Виноградскій со своей стерео-трубкой; какъ всегда, чего-то суетится и бѣгаетъ Нолькенъ; на опушкѣ, подъ деревьями, лошади штаба и конвой; внизу, подъ обрывомъ, на окраинѣ деревни, наша 2-ая батарея на позиціи. На крышѣ одного изъ домовъ самъ Кирпичевъ. Временами сюда долетаетъ его зычный голосъ... Но вотъ батарея окуталась дымками. Грохотъ... Первая очередь... Разрывы видны отчетливо. Въ бинокль прекрасно видны спускающія-

ся, верстахъ въ трехъ отъ насъ, цѣпи нѣмцевъ. Ихъ много. Быть можетъ, баталіонъ, а, быть можетъ, и полкъ; впереди начинается ружейная трескотня. Ко мнѣ подходитъ Римскій. «Ну, тебѣ не долго придется здѣсь прохлаждаться, какой взводъ берешь съ собой?..»

Я уже самъ видѣлъ, что «прохлаждаться» сегодня не придется.

«Первый, если разрѣшишь».

«Ладно».

Прошло еще немного времени, сколько — не помню.

«Де-Виттъ, — кричитъ Римскій, — забирай 1-ый взводъ и явись Игнатьеву, вонъ онъ стоитъ со своимъ эскадрономъ внизу, возлѣ батареи».

Пославъ своего вѣстового, чтобы привели взводъ, я беру у Семенова свою Эгоистку и, въ поводу, иду съ ней за Римскимъ, къ стоящему на краю обрыва и наблюдающему въ трубу, Богаевскому.

«Нѣмцы пытаются обойти нашъ лѣвый флангъ, — обращается ко мнѣ Богаевскій. — Вы пойдете съ Игнатьевымъ и сдѣлаете все, что возможно, чтобы не допустить этого». — Какъ всегда, говоритъ медленно, спокойно.

«Слушаюсь».

Пулеметы подошли. — «Все въ порядкѣ, Полушкинъ?»

«Такъ точно».

«За мной».

Полушкинъ — мой ученикъ по учебной командѣ. Неважный ѣздокъ, особенно для взводнаго, но знаетъ свое дѣло, подъ огнемъ спокоенъ, — онъ былъ со мной въ Ширвиндѣ 1-го августа и

ночью, передъ тѣмъ, 28-го іюля, когда мы съ 3-мъ эскадрономъ Нетельгорста, проталкивали впередъ Грязнова и когда былъ раненъ Ельшинъ.

Мы спускались внизъ, къ Игнатьеву. Огонь усиливался. — «Ну, ладно, — мелькнула у меня мысль, — вчера Гриневъ, сегодня я на очереди, не очень бы искалѣчили только». — Но эта мысль была лишь мимолетной: она, какъ бы пролетѣла и исчезла, только чуть задѣвши мое сознаніе. Мы рысью подошли къ деревнѣ. Увидѣвъ, что я подхожу, повидимому, поджидавшій меня, Игнатьевъ посадилъ свой эскадронъ. На ходу я пристроился къ нему и мы рысью пошли на югъ, прикрываясь справа деревней. Вошли въ какой-то лѣсокъ, пересѣкли ручей и, проѣхавъ версты полторы и повернувъ направо, начали шагомъ подыматься къ какой-то виднѣвшейся въ полуверстѣ отъ насъ фермѣ.

Вправо и впереди шелъ бой, стрѣльба слышалась совсѣмъ близко. — «Стой, слѣзай».

Поднялись съ Игнатьевымъ вдвоемъ на ферму. Во дворѣ насъ сразу же охватило какое то непрерывное жужжаніе. Это жужжаніе мнѣ показалось громче, чѣмъ выстрѣлы. . . Казалось, что надъ головой кружатся тучи пчелъ. Перебѣжали дворъ и, прикрывшись за сложенными тутъ же дровами, начали наблюдать въ бинокль. Справа къ намъ подбѣжалъ унтеръ-офицеръ Конно-Гренадеръ, съ винтовкой въ рукахъ. — «Сюда, Ваше Высокоблагородіе», — кричалъ онъ кому то, оборачиваясь назадъ и указывая на насъ пальцемъ. За нимъ показался изъ за кустовъ Конно-Гренадеръ ротмистръ Петрушкевичъ. П. сообщилъ намъ, что нѣмцы сильно на него напираютъ, что у него зна-

чительныя потери, но теперь, разъ что мы подошли, онъ будетъ держаться. Черезъ минуту мои люди тянули на лямкахъ, черезъ дворъ, пулеметы. Лица у моихъ пулеметчиковъ были красныя, глаза широко раскрытые... Въ общемъ, видъ довольно ошалѣлый. По первому разу такое сильное «жужжаніе пчелъ», какъ видно, оказывало свое дѣйствіе. Перетащивъ пулеметы черезъ дворъ, ихъ спустили въ канаву, на окраину сада, и залегли. Тутъ было тише, чѣмъ наверху во дворѣ. Началъ искать въ бинокль. Впереди — никого, лѣвѣе — гусары Игнатьева. Вправо — кусты, тамъ идетъ бой. Похоже, что нѣмцы на одной линіи съ нами. Вдругъ, шагахъ въ 800, въ полуоборотѣ направо отъ себя, въ кустахъ, вижу какъ будто люди. Мелькнула каска и тотчасъ же ярко обрисовался на солнцѣ рыжій, телячьей кожи, квадратъ нѣмецкаго ранца.

«Есть — они»...

Мои люди увидѣли нѣмцевъ одновременно со мной. Выскочивши шаговъ на двадцать впередъ, пулеметы повернули лѣвыми плечами, загнули и заработали...

Точно корректировать стрѣльбу было нельзя, такъ какъ кусты хорошо прикрывали нѣмцевъ.

Помню, не зная точно, гдѣ проходитъ линія Конно-Гренадеръ, боялся задѣть ихъ, посылаю къ нимъ ординарца, чтобы установить связь. Огонь прекратилъ; хочу выждать результатовъ; вскорѣ вижу, ко мнѣ пробирается кустами, въ сопровожденіи моего ординарца, Петрушкевичъ. Благодаритъ, жметъ руку, говоритъ, что пулеметы его выручили и сейчасъ его корнетъ Тарасовъ двинется со своимъ взводомъ впередъ.

На лѣвомъ флангѣ, у насъ, вездѣ стихло, но тамъ, въ центрѣ, правѣе, бой продолжается.

Выславъ впередъ секретъ, мы съ Петрушкевичемъ пошли въ усадьбу къ Игнатьеву. Рѣшено было всѣмъ продвигаться впередъ, оставивъ коноводовъ на томъ же мѣстѣ. Выяснилось, что у меня легко раненъ въ мякоть руки одинъ пулеметчикъ, но остался въ строю. У одной лошади случайной пулей перебита нога.

Двинулись впередъ, подошли къ шоссе. Поперекъ пути лежалъ убитый нѣмецкій офицеръ, громаднаго роста, толстый, тутъ же въ кустахъ наткнулись еще на нѣсколько нѣмецкихъ труповъ.

Справа виднѣлись пробиравшіеся впередъ Конно-Гренадеры, лѣвѣе — Гусары. Передо мной былъ маленькій пригорокъ. Остановивъ пулеметы, мы съ дальномѣрщикомъ его обогнули и присѣли въ ямкѣ, на склонѣ, обращенномъ къ противнику. Мѣстность передъ нами отлого спускалась внизъ. Круто, вслѣдъ за тѣмъ, подымаясь вверхъ, она образовывала, какъ бы оврагъ или балку, идущую параллельно нашему фронту. Впереди, шагахъ въ восьмистахъ, было картофельное поле, вплотную подходившее къ находящемуся въ оврагѣ, бѣлому домику, окруженному садомъ. Противоположный скатъ къ бѣлому дому и оврагу — было убранное поле, со сложенными снопами. Осмотрѣвшись, я подтянулъ пулеметы къ себѣ. Тщательно наблюдая передъ собой, я неожиданно вдругъ увидѣлъ, какъ на этомъ сжатомъ полѣ, точно изъ подъ земли, выросла цѣпь противника... Сперва одна, вслѣдъ затѣмъ, ей въ затылокъ, другая, еще дальше — третья. Всѣ они спускались по сжатому полю, прямо къ бѣлому дому. Создавалось впе-

чатлѣніе наступленія боевого порядка, по меньшей мѣрѣ, баталіона. Цѣпи были выровнены, люди шли во весь ростъ. Для меня было ясно, что это — поддержка частей, наступавшихъ на Петрушкевича, и только что нами передъ тѣмъ отбитыхъ.

Что дѣлать?

«Дальномѣръ, дистанцію».

Оказалось, что-то около двухъ тысячъ шаговъ до заднихъ цѣпей. Открывать огонь сразу не хотѣлъ; желательно было подпустить противника ближе. Однако время шло и переднія цѣпи уже спускались въ долину и я не былъ увѣренъ, что они не попадутъ въ мертвое пространство и, такимъ образомъ, скроются отъ моего обстрѣла. Выпустилъ очередь... Условія пристрѣлки оказались идеальныя: каждая очередь подымала на высохшемъ полѣ облака густой пыли, быстро, однако, разсѣивающіяся. Теперь невооруженнымъ глазомъ было видно, какъ выравненныя за минуту передъ тѣмъ, какъ по ниткѣ, цѣпи нѣмцевъ сбились въ кучи: кто бросился бѣжать внизъ къ оврагу, кто — обратно въ гору.

Времени терять больше было нельзя, и мы перешли «на пораженіе» Оба пулемета заработали. Теперь все поле покрылось сплошною пылью, наблюдать стало трудно. Вдругъ, на правофланговомъ пулеметѣ появилось облако пара, онъ остановился, наводчикъ откинулся назадъ... Черезъ нѣкоторое время, остановивъ огонь другого, продолжавшаго работать, пулемета, какъ только пыль разсѣялась, я увидѣлъ, что поле опустѣло, если не считать лежавшихъ повсюду, какихъ-то от-

дѣльныхъ группъ... Были-ли то живые, раненые или мертвые, опредѣлить было невозможно.

Лѣвѣе шелъ Игнатьевъ со своими Гусарами: «впередъ, впередъ, не стойте», — кричалъ онъ.

Приказавъ отправить испорченный пулеметъ къ коноводамъ, мы бросились впередъ.

Какъ выяснилось, этотъ пулеметъ (между прочимъ, новой системы, «легкій», полученный нами за нѣсколько мѣсяцевъ до объявленія войны) не выдержалъ напряженнаго огня: кожухъ отпаялся и хлынувшимъ паромъ обварило руки и лицо наводчику. Впрочемъ, его кое какъ, при помощи проволоки, исправили, но работать уже, при дальнѣйшей стрѣльбѣ, какъ слѣдуетъ, онъ не могъ.

Вскорѣ мы опять залегли.

Все стихло. Всматриваясь, какъ всегда, впередъ, мои люди вскорѣ замѣтили какое-то шевеленіе на картофелѣ и въ саду, окружавшемъ бѣлый домъ въ оврагѣ; нѣкоторое время я не вѣрилъ своимъ глазамъ, но, дѣйствительно, поле и садъ, какъ бы ожили и, казалось, что по картофелю люди ползутъ къ саду и къ дорогѣ, проходящей по дну оврага, мимо бѣлаго дома. Мѣстность отъ насъ къ нимъ спускалась совершенно отлого. Все происходило какъ на ладони. Въ это время ко мнѣ подползалъ Полушкинъ съ исправленнымъ пулеметомъ. Я показалъ ему знакомъ ползти влѣво отъ перваго пулемета. Разстояніе до дома было около восьмисотъ шаговъ, не больше. Прошло еще полминуты, и оба мои пулемета заработали. Испорченный останавливался, но Полушкинъ его тотчасъ-же какъ-то исправлялъ, и онъ снова стрѣлялъ, или, вѣрнѣе, это пытался дѣлать, зато другой, исправный, работалъ на славу.

Сколько времени продолжался огонь, я не знаю, но я видѣлъ, что всякое передвиженіе у противника прекратилось. Что то темное теперь чернѣло по всей поверхности тусклой зелени картофеля; кое гдѣ неподвижныя желтыя пятнышки телячьихъ ранцевъ нѣмецкой пѣхоты, уже разъ сослужившія мнѣ службу сегодня, — давали мнѣ нѣкоторое представленіе о достигнутыхъ результатахъ...

«Ваше Высокоблагородіе, патроны всѣ».

Но сзади уже подбѣгали люди съ новыми ящиками съ лентами, взятыми у коноводовъ. Я остановилъ огонь.

Всѣ молчали и вопросительно глядѣли на меня и другъ на друга. Поле передъ нами оставалось все тѣмъ же — справа издалека доносились рѣдкіе орудійные выстрѣлы...

Правѣе насъ, по насыпи, по направленію къ противнику, тянулось шоссе, тамъ дальше должны были быть Конно-Гренадеры, слѣва же и чуть впереди, въ верстѣ или больше отъ насъ, полукругомъ, опоясывалъ лѣсъ. Отъ этого лѣса теперь ко мнѣ шелъ Павловъ съ нѣсколькими Гусарами. Оказалось, что находясь въ лѣсу, на флангѣ у противника, онъ оттуда наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ возлѣ бѣлаго дома; то, что онъ разсказывалъ, превосходило мои ожиданія...

Однако, было уже пять часовъ и мы, какъ то сразу съ нимъ почувствовали, что оба голодны; поблизости находился какой то заброшенный домишко, и черезъ нѣсколько минутъ наши люди тащили оттуда цѣлую корзину сырыхъ яицъ и небольшой боченокъ съ масломъ. Пулеметчики съ Гусарами подтащили найденное къ пулеметамъ и

мы начали съ нашими людьми съ большимъ оппетитомъ все это уничтожать, благо что Игнатьевъ мнѣ прислалъ приказаніе оставаться на мѣстѣ, такъ какъ мы и такъ оторвались далеко впередъ отъ лѣваго фланга общаго нашего расположенія. Вскорѣ, однако, нашъ роскошный обѣдъ былъ неожиданно прерванъ. Два, три выстрѣла слѣва изъ лѣса и, вслѣдъ затѣмъ наше положеніе, чуть было, не оказалось схожимъ съ тѣмъ, въ которомъ очутились нѣмцы на картофельномъ полѣ. Къ счастью, до лѣса было около двухъ верстъ, но мы были совершенно открыты съ той стороны. Нѣмцы насъ обстрѣливали безпорядочно, но безпрерывно. Мы поползли на четверенькахъ къ шоссе, а затѣмъ, такъ какъ укрыться все еще было негдѣ, то и дальше, справа по одному назадъ, по канавѣ, таща пулеметы на лямкахъ. Оставаться на прежнемъ мѣстѣ было безсмысленно, такъ какъ нѣмцы стрѣляли изъ лѣса, поэтому мы ихъ не видѣли, сами же были совершенно отрыты. Благополучно добравшись до фермы на пригоркѣ, мы застали тамъ Гусара Таля, который привезъ приказаніе отъ начальника дивизіи идти назадъ ввиду того, что поставленная намъ задача считается уже выполненной.

Сюда же отходилъ и эскадронъ Игнатьева.

Въ то время, какъ мы садились на коней, чтобы идти назадъ, мы увидѣли, какъ нашъ 3-ій Драгунскій эскадронъ съ Нетельгорстомъ и пулеметы съ Римскимъ наступали цѣпью въ направленіи лѣса, примѣрно тамъ, гдѣ передъ этимъ находились Гусары Игнатьева.

Помню, Нетельгорстъ съ Римскимъ шли рядомъ, далеко впереди цѣпей.

Въ этотъ день, когда уже стемнѣло, намъ еще разъ было суждено всей колонной попасть подъ ружейный огонь при переходѣ ручья, но мы галопомъ благополучно выскочили изъ ложбины. Вѣроятно, это былъ спѣшенный нѣмецкій разъѣздъ, обошедшій лѣсомъ нашъ флангъ и такимъ образомъ глубоко проникшій въ наше расположеніе.

Было уже совершенно темно, когда мы по шоссе возвращались въ расположеніе дивизіи. На дорогѣ и по краямъ, на полѣ, то здѣсь, то тамъ стояли патронныя двуколки, лазаретныя линейки. Бродили отдѣльные люди, водя за собой въ поводу измученныхъ лошадей, кое-гдѣ виднѣлись раненые, съ руками на перевязи. Тутъ-же, возлѣ дороги, находился какой то перевязочный пунктъ, при яркомъ свѣтѣ фонарей было видно, какъ нѣсколько человѣкъ хлопочутъ возлѣ какого-то раненаго... Оказалось, это былъ тяжело раненый въ этотъ день князь Кантакузинъ, будущій командиръ Кирасиръ Его Величества. Тогда передавали, что онъ безнадеженъ...

По обочинѣ вдоль шоссе насъ обогнало рысью орудіе. На передкѣ, что нелѣпо стояло торчкомъ, укутанное въ шинели и во что-то бѣлое... Это было тѣло Конно-Артиллерійской 1-ой Его Величества Конной Батареи Гершельмана, моего товарища по Пажескому Корпусу.

Вслѣдствіе затора на дорогѣ, мы остановились и слѣзли. Влѣво отъ дороги суетились какіето люди съ факелами, я подошелъ къ нимъ: «что тутъ такое?»

«Убитые господа офицеры»...

Всѣ они лежали тутъ рядомъ, — Уланы, Ка-

ульбарсъ, Гурскій, Конно-Гренадеръ Лопухинъ, сынъ командира Конно-Гр. полка и много другихъ...

Снялъ шапку, перекрестился.

«Когда же это все было? — думаю я, — вѣдь у насъ все было такъ благополучно и хорошо», — но я вспомнилъ о той пальбѣ, которая весь день слышна была правѣе насъ. — «Такъ вотъ оно что», — и мнѣ все стало ясно.

«Къ конямъ, садись»... — донеслось съ дороги. Часа два спустя, глубокой ночью, мы расходились въ районѣ Линдена.

Вл. Де Виттъ.

1-14 августа 1927 года.

Croissy.

РАЗЪѢЗДЪ 1-го ЭСКАДРОНА ВЪ ТЫЛУ У НѢМЦЕВЪ 18-20 АВГУСТА 1914 ГОДА

Вечеромъ 17-го августа 1914 года полки 2-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіи расположились на ночлегъ въ Восточной Пруссіи, верстахъ въ восьми отъ занятаго нѣмцами города Ресселя.

Ночью разъѣзды отъ дивизіи вели развѣдку въ направленіи города.

Разъѣздъ 6-го эскадрона шт.-ротмистра Фриша доходилъ до сторожевого охраненія противника, нарвался на заставу и отошелъ, имѣя потери.

На разсвѣтѣ 18-го, въ штабъ дивизіи были вызваны по 2 офицера отъ полка для продолженія развѣдки и смѣны прежде высланныхъ разъѣздовъ.

Начальникъ штаба дивизіи, полковникъ Африканъ Петровичъ Богаевскій, лично объяснялъ задачу каждому начальнику разъѣзда.

Моя сводилась къ слѣдующему: «провѣрить точность добытыхъ ночью свѣдѣній».

Маршрутъ разъѣзда тянулся на 40 километ-

ровъ вглубь Пруссіи, но Начальникъ Штаба тутъ же добавилъ: «Вашъ разъѣздъ направленъ въ лобъ на городъ. Ночью Рессель былъ занятъ кавалерійской бригадой, и далѣе Вамъ, конечно, продвинуться не удастся».

Разсчетамъ этимъ не суждено было оправдаться. Вмѣсто 15 километровъ, разъѣздъ сдѣлалъ около 120, и вернулся лишь 20-го августа, проведя двое сутокъ въ тылу у нѣмцевъ.

Былъ чудный лѣтній день, когда сборный взводъ 1-го эскадрона двинулся въ путь.

Часамъ къ 10-ти разъѣздъ подходилъ уже къ городу.

Примѣръ Пилькалена, только по счастливой случайности не принявшій размѣровъ катастрофы, былъ свѣжъ въ памяти, и я долго высматривалъ Цейсомъ окраины Ресселя, стараясь уловить какое либо движеніе.

Была ли ночью временно потеряна связь съ нѣмцами, или часть, занимавшая городъ, была значительно меньше, но только Рессель оказался покинутымъ, и не только войсками, но и жителями.

Для провѣрки свѣдѣній, во исполненіе задачи, надо было искать встрѣчи съ противникомъ, слѣдуя точно по указанному маршруту.

Общая обстановка была мнѣ мало извѣстна, и только значительно позже я узналъ, что въ эти дни нѣмцы заканчивали окруженіе арміи генерала Самсонова подъ Сольдау, стянувъ туда все, что было возможно.

Послѣ ночевки съ лѣсу, разъѣздъ къ полудню слѣдующаго дня прошелъ весь указанный маршрутъ, не встрѣтивъ ни единаго нѣмецкаго солдата.

Мѣстные жители при нашемъ приближенiи скрывались въ дома, посматривая на насъ далеко не дружелюбно.

Въ одномъ хуторѣ дозоръ былъ обстрѣлянъ, была ранена лошадь, которую, въ наказанiе хозяину хутора, тутъ же замѣнили нѣмецкой.

Послѣ недолгаго отдыха, разъѣздъ тронулся въ обратный путь, разсчитывая засвѣтло присоединиться къ полку.

Раненый конь, освобожденный отъ сѣдла, не соблазнился свѣжей травой, и увязался за разъѣздомъ, ковыляя на трехъ ногахъ.

Часовъ около пяти, когда разъѣздъ подходилъ къ бывшему расположенiю штаба дивизiи, головной дозоръ вдругъ прiостановился, разсматривая у дороги двѣ черныхъ точки.

Остановивъ разъѣздъ въ лощинѣ, я выѣхалъ къ дозору и увидѣлъ двухъ убитыхъ Уланъ Его Величества.

Оба сидѣли въ придорожной канавѣ и, видимо, будучи тяжело ранеными, были добиты нѣмцами...

Дивизiя наша, при малѣйшей возможности, хоронили своихъ убитыхъ, и эта встрѣча ясно указывала мнѣ, что своихъ вблизи нѣтъ.

Уланы эти и послѣ смерти несли службу, предупреждая о близкой опасности.

Съ этого момента, до сихъ поръ почти мирная обстановка, стала мѣняться чрезвычайно быстро. Въ верстѣ вправо прошелъ большой автомобиль, затѣмъ много ближе показались повозки подъ конвоемъ нѣсколькихъ конныхъ нѣмцевъ.

Мелькнула заманчивая мысль забрать ихъ въ плѣнъ или обстрѣлять, но тутъ же сознанiе под-

сказало, что эти спокойныя прогулки машины и повозокъ возможны только въ глубокомъ тылу, что разъѣздъ находится за линіей нѣмецкихъ войскъ, и лучше вести себя потише и поскромнѣе, не привлекая со стороны противника опаснаго для насъ вниманія.

Круто свернувъ съ дороги, разъѣздъ прошелъ версты двѣ балкой и остановился за полуразрушенными сараями.

Вечерѣло. Впереди насъ шелъ бой.

То отчетливо, снарядъ за снарядомъ, слышна была очередь батареи, то выстрѣлы сливались въ общій гулъ.

Съ двухъ сторонъ тянулся къ небу густой черный дымъ, который, съ наступленіемъ сумерекъ, замѣнился яркими языками пламени.

Горѣли хутора, зажженные нашей и нѣмецкой артиллеріей.

Надо было рѣшаться на дальнѣйшее движеніе, но какъ выйти къ своимъ, чтобы не нарваться на нѣмцевъ?..

Вѣдь прошло два дня, и я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, гдѣ можетъ находиться дивизія.

Прошло около часа, бой замолкъ.

Потянуло ночнымъ холодкомъ, и въ наступившей тишинѣ гдѣ то недалеко, на шоссе, послышался наростающій гулъ колесъ и топотъ коней.

Представлялась возможность попробовать выяснить положеніе и, вопреки всему видѣнному, въ сердцѣ теплилась надежда.

Выйдя на дорогу, почти сразу же вошли въ маленькую деревушку. Нѣкоторыя окна были освѣщены, по задворкамъ шмыгали какія то тѣни.

Лошади шли тихо, крадучись, точно понимая всю серьезность положенія.

Заходилъ подъ конскими ногами маленькій мостикъ черезъ ручей, и разъѣздъ остановился.

Дозорные, къ которымъ подъѣхалъ и я, дошли почти до шоссе и вглядывались въ надвигавшуюся темную массу.

Голова колонны свернула на нашу дорогу, послышалась какая то команда, и первые лучи только что показавшейся луны блеснули на каскахъ.

«Ваше Высокоблагородіе, нѣмцы!» — полузадушеннымъ отъ волненія голосомъ закричалъ дозорный и, повернувъ коней, и дозорные, и разъѣздъ бросились назадъ по дорогѣ.

Изъ домовъ выбѣгали люди, стрѣляя на ходу. Затѣмъ засвистали пули и, казалось, вся нѣмецкая бригада скачетъ сзади, настигая насъ.

Сколько времени продолжался нашъ галопъ?

Вѣроятно, недолго — минуты три.

Инстинктивно, ощупью мы вернулись прежнимъ путемъ къ прежней балкѣ съ ея сараями, и остановились у того же ручья, который дважды переходили только что въ деревнѣ.

Никакой погони не было.

Ни нѣмецкимъ квартирьерамъ, уже занимавшимъ деревню, когда мы въ нее вошли, ни нѣмецкой колоннѣ и въ голову не приходило, что въ ихъ тылу бродитъ русскій разъѣздъ.

Узнавъ же о нашемъ присутствіи, они выслали, какъ увидимъ дальше, нѣсколько дозоровъ кругомъ деревни и, утомленные боевымъ днемъ, больше нами не занимались.

Но нѣмцы не подозрѣвали, а мы, къ ужасу

нашему, вскорѣ убѣдились, что попались въ настоящую ловушку.

Едва мы спѣшились и поставили часовыхъ, какъ на дорогахъ за ручьемъ началось движеніе.

Застучали мотоциклетки, замаячили фонарики. По всему было видно, что становилось на мѣсто сторожевое охраненіе.

Небо было звѣздное и Полярная звѣзда зажглась влѣво отъ представлявшейся картины.

Путь домой, путь къ своимъ, лежалъ какъ разъ черезъ нѣмецкое охраненіе.

Выбора не было, и проскочить черезъ охраненіе ночью, пожалуй, было бы возможно, но вотъ бѣда — единственная дорога на мостъ вела назадъ, черезъ деревню, занятую бригадой.

Чтобы пройти полемъ, надо было переправиться черезъ ручей, и берега его оказались топкими и вовсе непроходимыми.

Оставивъ разъѣздъ на взводнаго, вдвоемъ съ вѣстовымъ Лукъяновымъ мы прошли пѣшкомъ съ версту вдоль ручья, не разъ пытаясь его перейти.

Дно не выдерживало человѣка, и мы вязли въ тинѣ.

Мокрые и мрачные, вернулись мы къ разъѣзду.

Въ наше отсутствіе нѣмецкій дозоръ прошелъ очень близко отъ взвода, къ счастью, кусты и густая тѣнь отъ нихъ, наброшенная луной, скрывали совершенно разъѣздъ.

Усталые люди дремали, лежа у лошадей.

Что грезилось имъ въ полуснѣ?

Сказывалось драгоцѣнное качество стараго

русскаго солдата, безграничная вѣра въ своего офицера.

Они заснули спокойно, несмотря на тяжесть обстановки, такъ какъ съ ними былъ ихъ штабсъ-ротмистръ.

Между тѣмъ, самъ штабсъ-ротмистръ, которому волею Государя довѣрены были ихъ жизни, нервно прохаживался вдоль ручья, измышляя способъ вывернуться изъ западни.

Мысли были невеселыя. Бросить, развѣ, лошадей и попробовать ускользнуть пѣшкомъ, но какъ далеко уйдешь отъ кавалеріи?

Оставалось ждать разсвѣта и, вмѣстѣ съ нимъ, неминуемой гибели разъѣзда.

Не знаю, кто молился за насъ въ эту ночь, но только молитва была услышана.

Едва только забрежжилъ свѣтъ еще невидимаго солнца, какъ у самаго разъѣзда разобралъ я слѣды колесъ, и сейчасъ же убѣдился въ возможности въ одномъ только мѣстѣ и въ одинъ конь перебраться на ту сторону. День обѣщалъ быть прекраснымъ и предвѣстникъ этого, густой туманъ, подымался вдоль ручья, скрывая насъ и нашу переправу.

Въ то же время по двумъ дорогамъ стягивалось къ деревнѣ нѣмецкое охраненіе, и дозоры ихъ, карточной пятеркой, шли впереди взводовъ. Отсутствіе у нихъ бокового наблюденія, какъ требовалось нашимъ уставомъ, спасло мой разъѣздъ.

Выбравъ моментъ, когда дороги временно оказались свободны, мы прошли рысью впередъ, пересѣкли опасныя для насъ направленія, и пошли прямо на востокъ, — навстрѣчу поднявшемуся солнцу.

Вскорѣ мы были обстрѣляны частью еще не снятаго сторожевого охраненія, но главное было сдѣлано — мы выбрались изъ мышеловки.

Впереди была полная неизвѣстность, но первый успѣхъ вернулъ вѣру въ счастливый исходъ нашего трехдевнаго блужданія.

Въ пути намъ пришлось еще раза три встрѣтить нѣмецкую развѣдку.

По дорогѣ подобралъ я и присоединилъ къ разъѣзду человѣкъ двадцать пять разныхъ частей.

Двухъ конно-гренадеръ, заблудившихся съ донесеніемъ отъ разъѣзда корнета Безсонова, захлопнутаго, какъ и мы, и попавшаго въ плѣнъ.

Два маленькихъ казачьихъ разъѣзда бородатыхъ стариковъ третьей очереди, бродящихъ по Восточной Пруссіи безъ офицеровъ и безъ картъ.

Безъ картъ, впрочемъ, оказались и мы, такъ какъ волею судьбы районъ дѣйствій моего разъѣзда такъ распухъ въ длину и ширину, что давно сошелъ уже съ имѣвшихся у меня картъ.

Силы мои удвоились, но люди были голодны, а лошади, хотя и подкормлены, но совершенно измотаны.

Такое состояніе разъѣзда и незнаніе общей обстановки заставляло меня избѣгать столкновенія съ противникомъ.

Одно время мы шли параллельно нѣмецкому взводу, соблюдая взаимный нейтралитетъ, пока нѣмцы не свернули куда то къ сѣверу. Разъ пришлось сдѣлать крюкъ, попавъ подъ огонь изъ какого то хутора.

Время шло, мы уже едва тащились и, по разсчету пройденнаго пути, должны были наткнуться на нашу пѣхоту.

Наконецъ къ вечеру, подходя къ лѣсу, наши дозоры вдругъ замаячили, указывая присутствіе противника.

На противоположной опушкѣ дѣйствительно показались какіе то конные.

Слухъ напряженно ловилъ звукъ выстрѣла, всѣ глаза обращены были на лѣсъ.

Вдругъ наши дозорные рысью тронулись къ коннымъ фигурамъ, а вторая пара повернула назадъ съ донесеніемъ.

Испытанія наши кончились, мы вышли на фронтъ, занятый 17-мъ стрѣлковымъ полкомъ, на его сторожевое охраненіе, впереди котораго, у лѣса, вела ближнюю развѣдку пограничная стража.

Доложивъ командиру полка о всемъ видѣнномъ, я, по его приказанію, написалъ подробное донесеніе въ штабъ пѣхотнаго корпуса.

Обширный районъ развѣдки давалъ цѣнныя указанія о группировкѣ силъ противника.

Никогда не забуду тотъ радушный пріемъ, который оказали мнѣ офицеры 17-го стрѣлковаго полка.

Обѣдъ, послѣ двухдневной голодовки, показался мнѣ пиромъ, и высшей наградой богатырскій четырнадцати-часовый сонъ.

Утромъ слѣдующаго дня, приказавъ взводному вести разъѣздъ въ два перехода, такъ какъ лошади не шли, вдвоемъ съ вѣстовымъ выѣхалъ сначала въ штабъ дивизіи, гдѣ доложилъ обо всемъ генералу Рауху, а затѣмъ въ полкъ, гдѣ уже считали меня безъ вѣсти пропавшимъ.

Взводный Шпаченко, убитый черезъ годъ на Бугѣ, и мой вѣстовой, Гавріилъ Лукъяновъ, получили Георгіевскіе кресты за то, что добровольно

вызывались охотниками въ головной дозоръ въ самыя тяжелыя минуты.

Прошло 13-ть лѣтъ и, несмотря на все пережитое, теперь, какъ и тогда, вѣрю въ русскаго солдата.

Традиціи родного полка, сохраненныя нами, вновь дадутъ высокій образъ лейбъ-драгуна, какимъ привыкли мы его видѣть на войнѣ до проклятаго дня революціи, первой задачей которой было отдѣлить солдата отъ офицера.

Кучевскій.

ПОДЪ ДРЕНГФУРТОМЪ 26-го АВГУСТА 1914 г.

Интересный періодъ Великой войны — ея начало, мнѣ пришлось пробыть въ качествѣ ординарца отъ нашей бригады у командира ея, Свиты Его Величества генералъ-маіора графа Менгдена, въ штабѣ дивизіи.

Интереснымъ можно его назвать потому, что мы были конницей, а не спѣшенной кавалеріей, какъ было потомъ почти всегда. Невольно вспоминается детально все наступленіе кавалерійскаго корпуса генерала Хана Нахичеванскаго, съ массой мелкихъ стычекъ, мелкихъ боевъ, съ славнымъ боемъ подъ Кашеномъ 6-го августа 1914 года, такъ же, какъ и переброска корпуса съ праваго фланга на лѣвый и прикрытіе начавшагося отступленія арміи генерала Ренненкампфа, по лѣвому флангу которой пришелся главный ударъ нѣмцевъ.

Переломъ добраго радостнаго наступленія совершился подъ гор. Дренгфуртомъ 26-го августа. Хотя, по правдѣ сказать, штабъ дивизіи держался во время боевъ на приличной дистанціи отъ первой линіи, но ему всегда не везло: очень часто со-

вершенно неожиданно рвались нѣмецкіе «шрапы» или гранаты какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ штабъ, а во время отступленія изъ Восточной Пруссіи, иногда, я помню, деньщикъ приходилъ утромъ и докладывалъ, что пора вставать и складывать походную кровать, такъ какъ уже первая шрапнель разорвалась на дворѣ штаба.

26-го августа дивизія наша подошла къ Дренгфурту и, выславъ развѣдку, штабъ остановился на кирпичномъ заводѣ, за хребтомъ высотъ, которыя, казалось, совершенно насъ закрывали отъ непріятеля. Еще не вѣрилось въ то, что у нѣмцевъ могутъ быть здѣсь превосходныя силы и что они поведутъ наступленіе на окопавшуюся нашу пѣхоту, находившуюся сзади насъ.

Прекрасный лѣтній день, чистое голубое небо, фруктовые сады, красивые пейзажи, — все это давало хорошее настроеніе, хотѣлось не думать о томъ, что это война.

Начальникъ дивизіи, генералъ Раухъ и генералъ графъ Менгденъ отправились съ нѣсколькими ординарцами на впереди находящіяся высоты, чтобы оттуда полюбоваться разостлавшейся впереди, передъ нами, равниной, со стариннымъ городомъ Дренгфуртомъ, который былъ виденъ ясно простымъ глазомъ. Осмотрѣвъ развалины стариннаго замка на горѣ, мы вернулись къ кирпичному заводу. Впечатлѣніе безопасности еще увеличилось послѣ этой прогулки, и никому въ голову, очевидно, не пришло, что громадная труба завода должна быть видна съ наблюдательныхъ пунктовъ нѣмецкой артиллеріи.

Начальникъ дивизіи генералъ Раухъ получалъ донесенія отъ развѣдывательныхъ эскадроновъ, и

первымъ донесъ о непріятелѣ разъѣздъ поручика фонъ Зейдлица.

Время незамѣтно бѣжало, какъ вдругъ — жужжаніе чего то необыкновенно большого въ воздухѣ... еще моментъ — раздался взрывъ, и въ туманѣ заскакали вырвашіеся отъ коноводовъ лошади. Выйдя на дорогу, я увидѣлъ съ трудомъ идущаго ген. гр. Менгденъ, всего въ пыли, очевидно, только что поднявшагося съ земли.

Тяжелые снаряды продолжали рваться по близости.

Одинъ изъ гусаръ-ординарцевъ конвоя командира бригады поймалъ первую попавшуюся гусарскую лошадь и подалъ ее генералу. При разсѣявшемся немного дымѣ и пыли, поднятой взрывами, видна была только оставшаяся небольшая часть заводской трубы, срѣзанной какъ ножемъ очень точнымъ попаденіемъ.

Генералъ гр. Менгденъ и нѣсколько ординарцевъ были сильно контужены и здѣсь же былъ убитъ трубачъ Л. Гв. Драгунскаго полка Красовскій, бывшій въ это время въ штабѣ дивизіи.

Полученное приказаніе перебросить 1-ю и 2-ю Гвард. Кав. дивизіи на лѣвый флангъ арміи, заставило насъ отойти отъ этого мѣста, и этимъ днемъ началась вторая часть этого періода, съ отступленіемъ до Нѣмана изъ Восточной Пруссіи, съ недоѣданіемъ, недосыпаніемъ, съ безпрерывными боями противъ численно превосходившихъ насъ, обнаглѣвшихъ нѣмецкихъ частей, почувствовавшихъ, что сопротивленія большаго оказано не будетъ и что армія сможетъ задержаться только за такой естественной преградой, какъ Нѣманъ.

Полковникъ **Ю. М. Левицкій.**

12-го августа 1927 г. Парижъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОРУЧИКА АЛѢЕВА

Эпизодъ, про который я хочу разсказать, относится къ началу Великой войны, къ періоду нашего наступленія въ Восточную Пруссію, т. е. августа 1914 года. Въ тѣ времена была Россія, былъ офицеръ и былъ солдатъ...

Не имѣя подъ рукой своихъ записей, конечно не могу вспомнить ни чиселъ, ни названій мѣстностей, ни фамилій солдатъ.

Поздно вечеромъ, по полученіи задачи, я выступилъ съ разъѣздомъ около взвода отъ № 4 эскадрона. Пройдя наше сторожевое охраненіе, на ходя объяснивши разъѣзду задачу, выслалъ по 2 дозорныхъ во всѣ стороны. Пройдя рядъ фольварковъ и отойдя отъ расположенія дивизіи на 20-25 верстъ, по моимъ правымъ дозорамъ открылась рѣдкая стрѣльба. Укрывши разъѣздъ за складкой мѣстности, я выслалъ въ сторону выстрѣловъ 2-хъ развѣдчиковъ и знаками остановилъ движеніе другихъ дозорныхъ.

Развѣдчики полевымъ галопомъ понеслись на выстрѣлы; не прошло и пяти минутъ, какъ одинъ

изъ боковыхъ (правыхъ) дозорныхъ прискакалъ ко мнѣ и доложилъ, что справа отъ нашего пути находится небольшой германскій разъѣздъ, который спѣшился за фольваркомъ и обстрѣлялъ дозорныхъ. Помню, что оставшійся для наблюденія дозорный былъ хохолъ, послѣдняго призыва, т. е. за 8-9 мѣсяцевъ до этого момента прибылъ въ полкъ изъ своей деревни. Прискакавшій съ донесеніемъ доложилъ, что Б. (назовемъ оставшагося л.-драгуна этой буквой) остался наблюдать за германскимъ разъѣздомъ, чтобы не терять съ нимъ связи.

Я продолжалъ движеніе и скрытно подошелъ съ разъѣздомъ къ ближайшему отъ нѣмцевъ фольварку. Чтобы выяснить количество непріятеля, я посылаю въ головной дозоръ еще 2-хъ драгунъ съ приказаніемъ выйти въ тылъ нѣмцамъ и узнать приблизительную силу непріятеля. Самъ, спѣшивши разъѣздъ, выхожу съ дозорнымъ на развѣдку. Мои трое дозорныхъ, съ Б. во главѣ, увидя, что я и весь разъѣздъ подошелъ сюда, понеслись на фольваркъ съ пиками «къ бою» и съ обнаженными шашками. Такъ какъ нѣмцы оказались совсѣмъ близко отъ занятаго мною фольварка, я простымъ глазомъ увидѣлъ защитныя каски, лежащія въ полѣ и стрѣлявшія по моимъ дозорнымъ. Въ этотъ моментъ я вижу, какъ одинъ изъ дозорныхъ (это и былъ Б.) летитъ съ лошади и остается лежать на землѣ въ 200-250 шагахъ отъ нѣмцевъ; его лошадь шарахается въ сторону и несется назадъ. Двое другихъ драгунъ, увидя, что противъ залегшихъ 8-10 нѣмцевъ сдѣлать ничего не могутъ, поворачиваютъ и несутся ко мнѣ. Я рѣшаю, до прибытія донесенія отъ головныхъ

дозорныхъ, вынести Б. Быстро сооружаемъ носилки, появляется флагъ Краснаго Креста и, принявъ всѣ мѣры предосторожности, отправляюсь съ тремя драгунами къ мѣсту, гдѣ лежитъ Б. Нѣмцы, завидя Красный Крестъ, прекращаютъ огонь (въ то время эта эмблема была еще священна). Б. оказался раненымъ въ грудь, просилъ только пить и даже не стоналъ; его напоили, положили на носилки и отнесли въ фольваркъ. Я воспользовался близостью къ непріятелю, осмотрѣлъ мѣстность и рѣшилъ сейчасъ же послѣ устройства Б. въ домѣ, атаковать залегшихъ нѣмцевъ. Подходя къ фольварку, нѣмцы не выдержали «перемирія для уборки раненыхъ» и пустили по насъ нѣсколько пуль. Въ это самое время мы услышали нѣсколько выстрѣловъ въ тылу у нѣмцевъ. Я скомандовалъ «садись» и объявилъ разъѣзду, что мы сейчасъ будемъ атаковать нѣмцевъ; развернувшись лавой, разъѣздъ поскакалъ на нѣмцевъ, но... что это?.. ни одного выстрѣла. Скачу къ фольварку и встрѣчаю своихъ головныхъ дозорныхъ, которые, оказывается, завидя нѣмецкихъ коноводовъ, открыли огонь съ коней и, конечно, спугнули весь разъѣздъ. Въ тотъ моментъ мнѣ было очень досадно, что не удалось отомстить за раненаго, но пославши донесеніе и продолжая выполнять свою задачу, я успокоилъ себя тѣмъ, что могъ изъ за «дѣла» съ 10-ю нѣмцами, задержать исполненіе поставленной задачи, могъ бы потерять много времени, могъ бы, наконецъ, потерять еще ранеными и утомилъ бы коней. Будь этотъ случай мѣсяцами двумя позже, когда раненія и смерти были для насъ всѣхъ не новы, я не тратилъ бы время на «перемиріе», а понесся бы съ разъѣздомъ на эти ле-

жащія каски и навѣрное бы отомстилъ за увѣчье, причиненное л. драгуну. Въ полкъ мною было послано донесеніе о раненіи Б. и, такъ какъ я зналъ, что дивизія пойдетъ по этому же пути, просилъ забрать Б. Если не ошибаюсь ,подпр. Хоптулевъ, командированный за Б., его не нашелъ, въ полкъ онъ до конца войны не вернулся и, можетъ быть, былъ перенесенъ мѣстными жителями въ другой фольваркъ, и впослѣдствіи попался въ плѣнъ.

Былъ у меня еще одинъ случай «перемирія» и по своему настроенію напоминавшій первый.

7-го августа 1914 года, на слѣдующій день послѣ боя подъ Каушеномъ, вторая бригада нашей дивизіи, подъ командой ген. гр. Менгдена и съ начальникомъ штаба полк. А. П. Богаевскимъ, вышла на рекогносцировку мѣстности вчерашняго боя. Я съ боевымъ разъѣздомъ былъ посланъ впередъ освѣтить опредѣленный участокъ. Пройдя на правый флангъ вчерашняго расположенія нѣмцевъ, мы увидѣли работу нашей пулеметной команды, — буквально цѣлыя шеренги лежали въ позѣ стрѣлковъ за картофельными грядками, съ одной или двумя пулевыми ранами. Нѣмцы лежали съ винтовками въ рукахъ, и если бы не видъ рядомъ лежащихъ разбитыхъ повозокъ, убитыхъ лошадей, брошеной аммуниціи и нѣскольок труповъ солдатъ въ другихъ позахъ, можно было бы подумать, что это не бывшіе ландштурмисты, а настоящіе стрѣлки, ожидающіе приказъ своего командира открыть огонь, а затѣмъ броситься въ атаку. Объѣхавши этотъ участокъ, я взялъ еще лѣвѣе, прошелъ за глубокій оврагъ, по которому нѣмцы вели обходное движеніе вчера, и вышелъ къ ряду фольварковъ между садами и маленьки-

ми рощами. Сдѣлавъ привалъ, чтобы написать донесенiе и орiентироваться по картѣ, я зашелъ въ фольваркъ. Не успѣлъ часовой забраться на крышу фольварка съ биноклемъ, какъ онъ увидѣлъ нѣмцевъ и позвалъ меня. Я полѣзъ на крышу и увидѣлъ верстахъ въ 2-2½ группу нѣмецкихъ всадниковъ, нѣсколько автомобилей и около нихъ что то дѣлающихъ пѣшихъ нѣмцевъ. Немедленно послалъ донесенiе (кажется, устное) въ штабъ бригады, а самъ съ разъѣздомъ подошелъ скрытно къ нѣмцамъ и, спрятавши разъѣздъ, поѣхалъ съ вѣстовымъ къ автомобилямъ, на которыхъ я увидѣлъ флаги Краснаго Креста. Конные нѣмцы, завидя меня, ускакали, а пѣшiе, какъ оказалось, въ большинствѣ — фельдшера, санитары, шофферы автомобилей и доктора, повернулись въ мою сторону и были весьма удивлены моимъ появленiемъ. Я подъѣхалъ къ ближайшему автомобилю и увидѣлъ, что на него грузятъ раненыхъ. Докторъ, очень почтенный нѣмецъ, сказалъ мнѣ, что имъ приказано вывезти всѣхъ раненыхъ, и всѣ они всю ночь работали и еще не окончили своей задачи — не хватаетъ средствъ передвиженiя. Что мнѣ надо было дѣлать? !. Я ожидалъ какихъ либо распоряженiй изъ бригады, шагомъ отъѣхалъ къ разъѣзду и послалъ третье донесенiе. Прождавъ еще съ ¾ часа, я увидѣлъ, что нѣмцы увозятъ послѣднихъ, а приказанiй нѣтъ. Повернулъ разъѣздъ и пошелъ къ дивизiи, такъ какъ бригада уже къ этому времени стала на бивуакъ.

18-го августа 1914 года изъ дер. Лангхеймъ (Восточная Пруссiя) я былъ вызванъ въ штабъ дивизiи для полученiя задачи разъѣзду. Послѣ подробнаго объясненiя задачи и приблизительна-

го движенія дивизіи, мнѣ былъ выданъ на руки печатный бланкъ приказанія, гдѣ, съ обозначеніемъ всѣхъ свѣдѣній и цѣли разъѣзда, былъ указанъ маршрутъ и конечный пунктъ развѣдки (рукою кап. бар. Нолькена было написано: «Берлинъ»). Вернувшись въ эскадронъ и доложивъ командиру эскадрона о задачѣ, просилъ выбрать людей, избранныхъ взводомъ, т. к. доставленіе свѣдѣній по непріятельской территоріи считалъ весьма отвѣтственнымъ порученіемъ.

Часа въ 2 ночи разъѣздъ силою взводъ, былъ готовъ, и я двинулся черезъ наше сторожевое охраненіе по указанному маршруту.

Выславши дозорныхъ и связавъ головныхъ дозорныхъ цѣпочкой съ ядромъ разъѣзда, самъ ѣхалъ въ головномъ дозорѣ, дабы въ темнотѣ не сбиться съ указаннаго пути и пройти къ разсвѣту возможно далѣе. Къ утру, пройдя безъ остановки и безъ встрѣчъ до дер. Проситенъ, сдѣлалъ маленькій привалъ и опросомъ у мѣстныхъ жителей вывѣдалъ, что части нѣмецкой пѣхоты и артиллерія прошли мимо дер. Проситенъ въ западномъ направленіи вчера, 18-го августа, вечеромъ. Послѣ «торбы» и завтрака, въ 8-9 ч. утра, пошелъ на дер. Фюрстенау, имѣя въ головномъ дозорѣ драгуна, немного знающаго нѣмецкій языкъ. До 2-хъ часовъ дня шли почти безъ остановки.

Въ 3-мъ часу разъѣздъ замѣтилъ какое то замѣшательство въ лѣвомъ боковомъ дозорѣ; по условному знаку разъѣздъ и дозорные остановились, а ядро разъѣзда свернуло съ дороги и укрылось въ складкѣ мѣстности. Дозорные донесли, что по лѣсу идетъ около эскадрона конницы, по

разговору слышно, что это нѣмцы, и идутъ они параллельно нашему движенію, безъ боковыхъ дозорныхъ.

Я рѣшилъ использовать этотъ случай и, сдѣлавъ наблюденіе, послалъ приказаніе въ голову и въ боковой дозоръ — когда появится эскадронъ головному дозорному продолжать свое движеніе, не обращая вниманія на нѣмцевъ, а лѣвому боковому, убѣдившись, что сзади эскадрона никого нѣтъ, идти у него на хвостѣ, не теряя его изъ вида. Мое рѣшеніе оказалось правильно: нѣмцы, выйдя изъ лѣса и не обращая вниманія на мой дозоръ или думая, что это его собственное охраненіе, шли дальше. Я съ разъѣздомъ былъ отъ нихъ скрытъ, т. к. шелъ за складкой мѣстности.

Пройдя такимъ образомъ верстъ 10, нѣмцы остановились на привалъ. Я сдѣлалъ тоже привалъ и, имѣя «глаза», часа два отдыхалъ, а затѣмъ снова рядомъ съ нѣмцами шли часовъ до 6-7 вечера. Нѣмецкій эскадронъ остановился на ночлегъ, началъ разсѣдлывать коней и выслалъ охраненіе въ сторону моего лѣваго дозора. Драгуны замѣшкались, ихъ увидали нѣмцы и организовали погоню. Ядро разъѣзда и другіе дозорные были укрыты, я спѣшилъ пять стрѣлковъ, въ сторонѣ отъ ядра разъѣзда и, подпустивъ нѣмцевъ шаговъ на 800, далъ залпъ. Двѣ лошади нѣмцевъ были убиты, нѣмцы залегли и открыли огонь по моимъ дозорнымъ, двое или трое другихъ нѣмцевъ продолжали преслѣдованіе; вторымъ залпомъ былъ убитъ одинъ нѣмецъ и преслѣдованіе окончилось. Пришлось принимать рѣшеніе, но какое — я не зналъ: взять въ плѣнъ этихъ двухъ спѣшенныхъ и одного лежащаго значило выдать себя, что не

входило въ мой планъ. Я рѣшилъ, пославши донесеніе, идти дальше, уходя отъ посланной погони.

Выйдя черезъ часъ снова на свой маршрутъ, я продолжалъ движеніе. Но усталость коней и людей уже чувствовалась и я рѣшилъ въ 9½-10 ч. вечера, пройдя за 20 часовъ болѣе, чѣмъ я разсчитывалъ, остановиться на отдыхъ. Найдя пустой сарай недалеко отъ дер. Кункендорфъ, я скрылъ весь разъѣздъ и приказалъ дать «торбу». Весь разъѣздъ черезъ часъ уже спалъ. Зная, что сонный и голодный часовой не будетъ для разъѣзда хорошей охраной, я самъ до 2-хъ часовъ ночи охранялъ своихъ людей, а въ 2 часа разбудилъ взводнаго унтеръ-офицера Кургузика и приказалъ ему не спать до разсвѣта и быть часовымъ.

На разсвѣтѣ меня разбудилъ шумъ уже вставшихъ людей. Захотѣлось ѣсть и пить... Оставалось одно: попытаться купить что-либо въ деревнѣ, — три драгуна съ записанными въ книжкѣ нѣмецкими словами (хлѣбъ, молоко, масло и пр.) отправились въ деревню и благополучно пріобрѣли (какъ всегда, за деньги) молока, хлѣба и сала. Драгунамъ удалось узнать, что въ дер. Кункендорфъ ночевала команда циклистовъ и часовъ въ 6 утра снялись и пошли на востокъ. Нѣмцы-жители были, конечно, весьма поражены появленіемъ русскихъ и, такъ какъ мы были «первыми ласточками», притомъ мирно покупающими продукты, то почти все мѣстечко вышло на улицу смотрѣть на пришлыхъ «враговъ».

Въ 9-мъ часу утра я послалъ срочное донесеніе съ двумя драгунами, причемъ отдалъ приказаніе, доставить донесеніе во что бы то ни стало и, въ случаѣ невозможности, разсказать все ви-

дѣнное, а донесеніе порвать. Донесеніе не было доставлено во время, такъ какъ за ними гонялись около трехъ сутокъ, и они вернулись въ эскадронъ лишь по моемъ возвращеніи. Оначала они попали на циклистовъ, потомъ на нѣмецкую пѣхоту и, въ концѣ концовъ, на кавалеристовъ, и только сметка русскаго солдата спасала ихъ каждый разъ отъ плѣна. Дважды за это время ихъ хватали мѣстные жители въ тотъ моментъ, когда они разспрашивали дорогу или покупали себѣ хлѣбъ.

20-го августа утромъ мною былъ посланъ разъѣздъ въ 5 коней, подъ командой унт.-оф. Пташкина для развѣдки подступовъ къ м. Зеебургъ; лично перешелъ съ ядромъ разъѣзда на опушку лѣса къ западу отъ Кункендорфъ. Черезъ 1½-2 часа получилъ донесеніе, что къ югу отъ д. Кункендорфъ стоитъ конная часть противника, какъ будто охраненіе, но не на востокъ, а на югъ. Долженъ былъ лично провѣрить донесеніе, прибывшему развѣдчику смѣнили лошадь и я съ нимъ выѣхалъ къ разъѣзду унт.-оф. Пташкина, а ядру разъѣзда, подъ командой взводнаго унт. офиц. Кургузика, приказалъ стоять на мѣстѣ и, въ случаѣ нападенія, отходить въ глубь лѣса и далѣе, на сѣверъ, къ дер. Дадлененъ. Проѣхавъ не болѣе 6-ти верстъ, былъ встрѣченъ залпами съ юго-запада. Укрывшись за складкой, соединился съ унт.-офиц. Пташкинымъ и его разъѣздомъ, выслалъ пѣшихъ дозорныхъ, которые сначала только пригибаясь, а затѣмъ ползкомъ, добрались до проволочныхъ загражденій противника и, выдавъ свое присутствіе, вызвали огонь не менѣе 40-50 винтовокъ.

Боясь не исполнить своей задачи, я отозвалъ

дозорныхъ и прошелъ съ разъѣздомъ на сѣверъ; выѣхавъ на возвышенность, увидѣлъ рядъ окоповъ приблизительно между деревнями Лекитенъ — Зеебургъ. Опросомъ мѣстныхъ жителей выяснилъ о занятіи Зеебурга большой пѣхотной частью (не менѣе полка). Мнѣ оставалось освѣтить мѣстность къ западу отъ Зеебурга и для этой цѣли я собралъ разъѣздъ унт.-оф. Пташкина и выслалъ одного дозорнаго по направленію на дер. Фрейденбергъ; опушка деревни оказалась занятой. Не имѣя возможности пройти между озерами или ихъ обойдя, выснить количество находящихся здѣсь войскъ, я рѣшаю идти на Блюменау. Соединяюсь съ ядромъ разъѣзда, спѣшиваю развѣдчиковъ и высылаю усиленный дозоръ на Блюменау — Варгитенъ. Вскорѣ послѣ выступленія изъ Модлененъ разъѣздъ встрѣтился съ разъѣздомъ 1-ой армейской кавалерійской дивизіи, который шелъ изъ Блюменау, гдѣ потерялъ двухъ убитыхъ, такъ какъ въ деревнѣ оказалось сильное конное охраненіе нѣмцевъ. Я отозвалъ дозорныхъ, послалъ донесеніе, сдѣлалъ маленькій привалъ и пошелъ къ полку.

Шелъ со всѣми мѣрами охраненія, минуя населенные пункты, по направленію Бишофштейнъ, Рессель, Растенбургъ и Тиргафтенъ, гдѣ присоединился къ полку послѣ почти 5-дневнаго отсутствія. При возвращеніи имѣлъ два раза перестрѣлку съ нѣмецкой конницей и со своими отходящими частями.

Доложивъ о своемъ возвращеніи командиру полка и ввиду остановленія наступленія дивизіи докладъ о разъѣздѣ произведенъ не былъ; лично лишь явился полковнику А. П. Богаевскому.

Г. Алѣевъ.

РАЗЪѢЗДЪ ШТ.-РОТМИСТРА ГРИММА ПОДЪ ПЕТРОКОВЫМЪ въ 1914 г.

30-31 іюля я былъ посланъ въ распоряженіе командира Сводно-Гвардейскаго Кавалерійскаго Корпуса, генерала Гилленшмидта, и на слѣдующій день имъ отправленъ въ трехдневный дальній разъѣздъ на Петроковъ, Гомолинъ, Добржаловъ и далѣе, въ направленіи на Ченстоховъ.

Нѣмцы наступали. Нашъ корпусъ по длинной линіи прикрывалъ пѣхоту, окапывавшуюся по линіи рѣки Пилицы, и медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ, выигрывая время, нужное для нашей пѣхоты.

Шли сильные бои; противъ насъ были германцы и австрійцы.

Штабъ корпуса былъ въ имѣніи Буйны, около Петрокова. Мнѣ было приказано отправлять донесенія въ Петроковъ на главную почтово-телеграфную станцію, откуда они доставлялись по летучей почтѣ въ штабъ корпуса.

Помню, что въ летучей почтѣ былъ лейбъ

эскадронъ Л.-Гв. Гусарскаго Е. В. полка, подъ командою шт.-ротмистра Таля. Окончивъ задачу моей развѣдки, я утромъ рано возвращался по лѣсной дорогѣ, параллельно шоссе Петроковъ — Ченстоховъ.

Наканунѣ вечеромъ я былъ въ имѣніи Добржаловъ, гдѣ хозяинъ говорилъ мнѣ, что оттуда можно было еще звонить по телефону въ Петроковъ.

Въ лѣсу мы наткнулись на 2-хъ кирасиръ Его Величества — телефонистовъ, ѣхавшихъ изъ штаба корпуса въ свой полкъ. Мы ихъ сначала приняли за нѣмцевъ; они, сбившись съ дороги и направленія, прямехонько ѣхали къ непріятелю. Я взялъ ихъ съ собою.

У меня было готовое донесеніе, которое нужно было срочно отправить въ штабъ корпуса. Лошади и люди были усталые, а до Петрокова было еще очень далеко.

Мнѣ пришла мысль: нельзя ли протелефонировать мое донесеніе Талю, попросивъ его отправить дальше по летучей почтѣ. Было опасно изъ за возможности попасться въ расплохъ, но я разсчитывалъ, что въ нѣсколько минутъ это будетъ кончено Мы выбрали болѣе или менѣе укрытое мѣсто на шоссе.

Кирасиръ полѣзъ на телеграфный столбъ, закинулъ свой проводъ, прицѣпилъ его, а сталъ слушать и вызывать:

«Кто у телефона? Кто ховорыть?». — Повторяя тоже самое безчисленное количество разъ, онъ, наконецъ, передалъ мнѣ трубку, сказавъ, что разговариваютъ навѣрное паны, и онъ ничего понять не можетъ.

Я взялъ трубку и сразу услышалъ, какъ говорили на нѣмецкомъ языкѣ, съ чистымъ австрійскимъ акцентомъ.

У меня отъ радости даже запрыгала въ рукѣ трубка.

Говорилъ какой то лейтенантъ, донося, что его полкъ, въ такомъ то часу, прошелъ такую то линію (названій я уже не помню). Затѣмъ телефонировалъ изъ штаба германскаго корпуса какой то голосъ, говоря, что черезъ какую то рѣку саперами конченъ мостъ.

Нужно было скорѣе уходить и выбрать болѣе удобное мѣсто.

Мы что мочи поѣхали къ Гомолину и, не доѣзжая его, въ 3-хъ верстахъ, около дороги нашли пустую хату на горкѣ и опять я соединился, и опять услышалъ разговоръ. Одновременно съ этимъ я отправилъ донесеніе корпусному командиру, прося прислать мнѣ для помощи офицера, могущаго писать по нѣмецки.

Моимъ посланнымъ людямъ сильно повезло. Проѣхавъ верстъ шесть, они натолкнулись на ген. Гилленшмидта, ѣхавшаго на автомобилѣ, остановили его и передали мое донесеніе. Генералъ Гилленшмидтъ посадилъ одного изъ нихъ рядомъ съ шоффферомъ; заѣхалъ въ штабъ 2-ой гв. кав. дивизіи, взялъ тамъ корнета кн. Мещерскаго (Л.-Гв. Конно-Гренад. п.) и проѣхавъ полнымъ ходомъ черезъ наше сторожевое охраненіе, прямо прикатилъ къ моей избушкѣ.

Въ это время я уже совершенно ознакомился съ говорившими людьми. Я былъ связанъ случайно съ центральной германской телефонной станціей № 31.

Я все время слышалъ:

— Wer spricht? Hier ein und dreizig! Hier leutnant May...

Я уже зналъ, что стояла по близости 5-ая гв. резервная дивизія и бригадою командовалъ der oberst von Kramer.

Я зналъ имя командира артиллерійскаго полка, имена нѣсколькихъ писарей. Отъ нихъ я узналъ точное расположеніе нашихъ частей и стыкъ нашей арміи съ арміей генерала Плеве.

Говорили они только о дѣлѣ и особымъ телефоннымъ языкомъ, непремѣнно диктуя всѣ буквы названій и фамилій посредствомъ собственныхъ именъ, какъ напримѣръ: Petrikau — Paul, Ernst, Theodor и т. д., дѣлая исключеніе лишь у — ипсилонъ.

Было иногда очень хорошо слышно, а иногда почти ничего.

Записывать и слушать одному было весьма трудно. Къ счастью, почти все время являлись къ аппарату адъютанты проходившихъ къ Лодзи австрійскихъ, главнымъ образомъ, кавалерійскихъ частей, сообщая, что въ такомъ то часу его часть прошла такую то линію.

Генералъ Гилленшмидтъ вошелъ ко мнѣ въ хату и, узнавъ все, что я уже зналъ, приказалъ вызвать полковника фонъ Крамера и сообщить ему, что наступаютъ отъ Петрокова большія силы русской пѣхоты. Въ это время Крамеръ какъ разъ говорилъ съ командиромъ артиллерійскаго полка. Я сталъ вызывать. Крамеръ продолжалъ свой разговоръ, не обращая вниманія, но иногда сердито останавливался и я слышалъ: «Deiwel noch ein Mal», потомъ: «Zum Teufel, wer stort denn da?»

На это артиллерійскій командиръ отвѣтилъ:

— Das ist wiedermal eine von den verfluchten Seitenlinien. . .

На этомъ мои вызовы кончились.

Артиллерійскій командиръ говорилъ въ это время, что его наблюдатель видитъ русскую батарею.

Генералъ Гилленшмидтъ приказалъ не прерывать ихъ и слушать.

Черезъ нѣкоторое время ген. Гилленшмидтъ уѣхалъ и мы съ Мещерскимъ взялись за работу. Я слушалъ и диктовалъ, стараясь сразу переводить на русскій языкъ. Какъ только заканчивался листъ полевой книжки, его отправляли во всѣ ноги въ штабъ нашей дивизіи.

Часовъ около девяти стали диктовать чрезвычайно интересное и подробное донесеніе австрійскаго корпуснаго командира, генерала Schauer'а о пораженіи, нанесенномъ ему въ ночномъ бою наканунѣ 3-мъ кавказскимъ корпусо мъ подъ Ленкавой — Мазуры.

Записалъ я его дословно по нѣмецки подъ диктовку, провѣрилъ и поставилъ знаки препинанія, также подъ диктовку. Подписался корпусный командиръ такъ: Schauer. General der Cavalerie.

Послѣ этого самъ лейтенантъ Мау (Морицъ, Александръ, Ипсилонъ) сталъ диктовать диспозицію на сегодняшній день.

Сначала точно было указано, какя части входятъ въ составъ противника, т. е. нашего своднаго гв. кав. корпуса. Все было удивительно вѣрно, лишь ошиблись, назвавъ Уральскую дивизію — донцами.

Потомъ слѣдовало раздѣленіе на группы для наступленія.

Столько то ротъ такого то полка, столько то орудій, столько то эскадроновъ выступятъ въ такомъ то порядкѣ, въ такомъ то часу.

Всѣ группы должны были наступать, доходя до извѣстныхъ линій деревень или возвышенностей къ извѣстному часу. Все было точно и ясно. Диктовалъ самъ Мау, аккуратно и методично.

Мы писали подъ его диктовку и отправляли немедленно каждый листокъ.

Когда кончилъ Мау, то подошелъ опять командиръ артиллерійскаго полка и сообщилъ, что онъ открываетъ огонь по русской батареѣ и, дѣйствительно, вскорѣ мы услышали вблизи разрывы за разрывами.

Какъ я потомъ уже узналъ, нѣмцы стрѣляли по нашей 5-ой батареѣ полковника бар. Веліо и ранили пор. Эндена.

Въ это время генералъ Гилленшмидтъ получилъ отъ насъ извѣстіе, что 1-ая бригада 5-ой гв. резервной дивизіи (германской) обѣдаетъ на краю лѣса, впереди Добржалова и, снявъ батарею бар. Веліо, повелъ ее лощинами такъ, чтобы она могла обстрѣлять этотъ лѣсъ.

Вскорѣ командиръ артиллерійскаго полка телефонировалъ Крамеру, что русская батарея уничтожена.

Мы, сидя въ халупѣ, ничего не знали, что дѣлается кругомъ, и печально переглянулись. Прошло нѣкоторое время. Вдругъ слѣва отъ меня раздался бѣглый артиллерійскій огонь съ нашей стороны.

Прошло еще минутъ 15, и вдругъ у аппарата опять появился Крамеръ, сердито вызывавшій артиллерійскаго командира, и сразу напустился на

него, упрекая въ томъ, что онъ только что сообщилъ объ уничтоженіи русской батареи, а снаряды летятъ прямо въ бивакъ обѣдающей бригады, она несетъ потери «Und sogar ich bin nicht sicher bei mir».

Артиллерійскій командиръ увѣрялъ, что его очень опытный наблюдатель самъ видѣлъ, и онъ ему вѣритъ, на что Крамеръ злобно отвѣтилъ, что это «Ein grosses Missverstandniss» — и онъ вышлетъ сейчасъ же своего адъютанта.

Мы оба ликовали въ нашей халупѣ.

Вскорѣ раздался конскій топотъ и мимо насъ рысью сталъ проходить Л. Гв. Гусарскій Его Вел. полкъ. Командовалъ имъ временно полковникъ Смецкой.

Нѣмцы моментально открыли по нимъ огонь шрапнелью.

Вскорѣ гусары прошли и вокругъ насъ опять никого не было, а шрапнели все разрывались надъ и около нашей халупы. Долженъ сознаться, что было довольно непріятно. Думалось, какъ всегда, что пока онъ палитъ шрапнелью — еще ничего, а какъ чертъ его дернетъ запустить гранатой, да еще прямо въ халупу, то будетъ хуже. Но все обошлось благополучно.

Вдругъ около 6-ти час. вечера ничего не было слышно.

Почему, отчего — не знаю.

Сколько мы ни пробовали соединиться ночью и на слѣдующій день — ничего не вышло.

Поздно ночью мы добрались до штаба корпуса и съ радостью узнали, что всѣ наступленія германскихъ группъ были остановлены одной лишь нашей артиллеріей.

Э. Гриммъ.

РАЗЪѢЗДЪ КОРНЕТА СТАВСКАГО

Послѣ тяжелаго періода боевъ подъ Петроковымъ осенью 1914 года, гдѣ 2-ая Гвардейская Кавалерійская дивизія, совмѣстно съ другими кавалерійскими дивизіями, въ продолженіе мѣсяца сдерживала натискъ противника на Петроковъ, наша пѣхота получила приказаніе отступать, а мы прикрывать ея отступленіе.

Начался рядъ арріергардныхъ боевъ съ насѣдавшимъ противникомъ, а всякій участникъ такихъ боевъ знаетъ, насколько арріергардный бой дѣйствуетъ на психику. Да оно и понятно, — видно, какъ часть за частью выходитъ изъ сферы непріятельскаго огня и уходитъ туда, гдѣ безопасно, гдѣ не взрываются снаряды, гдѣ не поютъ противно пули, и гдѣ люди не корчатся отъ страданій, а арріергардъ, оставленный всѣми, продолжаетъ, жертвуя собою, задерживать елико возможно противника, причемъ начальнику арріергарда приходится рѣшить одинъ весьма трудный вопросъ, а именно: — когда дать приказъ арріергарду отступать. Отдать этотъ приказъ слишкомъ рано и глав-

ныя силы, не успѣвшія уйти достаточно далеко, будутъ вновь настигнуты противникомъ. Отдать слишкомъ поздно — арріергарду невозможно уйти, т. к. ему будетъ грозить окруженіе.

Изъ этого понятно, насколько трудно приходилось намъ въ этотъ періодъ, но никто не жаловался и всѣ старались, по мѣрѣ силъ и возможности, честно исполнить свой солдатскій долгъ.

Цѣпляясь за всякую подходящую мѣстность, мы давали противнику подойти, встрѣчали его огнемъ нашихъ батарей, заставляли разворачиваться и тѣмъ самымъ терять время. Наша пѣхота, сравнительно мало тревожимая, уходила, а мы, оставивъ нѣсколько эскадроновъ наблюдать за дальнѣйшими дѣйствіями противника, садились на коней и слѣдовали за своей пѣхотой, выбирая по пути удобныя для обороны позиціи.

Одной изъ такихъ удобныхъ для обороны позицій былъ городъ Пшедборжъ, расположенный на глубокой рѣкѣ Пилицѣ.

Задержавъ противника и разрушивъ мостъ черезъ Пилицу, мы оставили для наблюденія за дѣйствіями противника 6-ой эскадронъ Лейбъ-Драгунъ, подъ командою ротмистра Бендерскаго. Полкъ въ арріергардѣ ушелъ съ дивизіей.

Въ составѣ 6-го эскадрона находился прапорщикъ Ставскій, вступившій въ ряды полка съ объявленіемъ мобилизаціи. Это былъ очень скромный, милый мальчикъ, говорю умышленно мальчикъ, т. к. бѣлокурый, худенькій, небольшого роста, Ставскій производилъ именно впечатлѣніе «мальчика», а не опытнаго боевого офицера, каковымъ онъ вскорѣ сдѣлался.

Выведя эскадронъ изъ улицъ города Пшед-

боржа, ротмистръ Бендерскій началъ шагомъ двигаться по той же дорогѣ, по какой ушла дивизія, и, дойдя до перваго перекрестка, остановился и выдѣливъ взводъ подъ командою Ставскаго, приказалъ ему вернуться къ Пшедборжу и, не задерживаясь тамъ, выяснить путь слѣдованія противника и обстановку, и немедленно вернуться къ ожидающему его у перекрестка эскадрону.

Во исполненіе возложенной на него задачи, Ставскій двинулся къ г. Пшедборжу не встрѣтивъ на своемъ пути никакого препятствія и, рѣшивъ, что противникъ еще только чинитъ разрушенный нами мостъ и не успѣлъ еще начать свое дальнѣйшее продвиженіе, спустился къ р. Пилицѣ и началъ поить лошадей.

Предусмотрительный ротмистръ Бендерскій выслалъ впередъ дозорныхъ, и хорошо сдѣлалъ, т. к. вскорѣ дозорные доложили, что по главной дорогѣ, прямо на спѣшенный эскадронъ, двигается кавалерійская колонна.

Что оставалось дѣлать Бендерскому, — Ставскій со взводомъ не возвратился, но на него двигается противникъ въ значительно превосходящихъ его силахъ, оставаться ждать Ставскаго немыслимо, пришлось немедленно начать отступленіе, въ надеждѣ, что Ставскій со взводомъ какъ нибудь проскочитъ незамѣченнымъ. Вечеромъ 6-ой эскадронъ присоединился къ полку и доложилъ о происшедшемъ.

Посмотримъ теперь, что происходило у Ставскаго.

Напоивъ спокойно лошадей въ Пилицѣ, онъ захотѣлъ вновь выѣхать на большую дорогу, но какъ только его дозорные къ ней подъѣхали, они

повернули круто назадъ и карьеромъ поѣхали внизъ къ Пилицѣ съ докладомъ, что по дорогѣ уже движется большая непріятельская колонна. Путь присоединенія къ эскадрону былъ отрѣзанъ. Оставалось одно: подъ прикрытіемъ высокаго берега Пилицы постараться найти какой нибудь другой путь. Увы, и этотъ планъ не удался, т. к. всякій разъ, какъ Ставскій во главѣ своего взвода выходилъ на какую нибудь дорогу, она оказывалась уже въ рукахъ непріятеля, и его встрѣчали выстрѣлами. На слѣдующій день положеніе выяснилось окончательно: несчастный Ставскій со своими драгунами оказался въ тылу далеко продвинувшагося впередъ противника. Положеніе его было поистинѣ критическимъ, — изъ каждаго лѣса, изъ каждой деревни, изъ каждой мызы ему грозила смерть, — а свои уходили отъ него все дальше и дальше.

Но тутъ, въ этотъ трагическій моментъ, маленькій бѣлокурый мальчикъ встаетъ во весь ростъ своего доблестнаго пониманія исполненія солдатской присяги: онъ рѣшаетъ разстаться съ лошадьми, которыя являлись теперь только обузой, такъ какъ конная часть видна была издалека, да, кромѣ того, надо было ихъ кормить, — и постараться пробираться пѣшкомъ по лѣснымъ тропамъ, — ну, а если придется встрѣтиться съ противникомъ, то драться до послѣдняго патрона, продавая свою жизнь какъ можно дороже. Встрѣтивъ среди своихъ драгунъ полное сочувствіе своему плану, Ставскій оставилъ своихъ лошадей въ ближайшей деревнѣ, къ его счастью, незанятой еще противникомъ, и углубился въ огромномъ лѣсу.

Полкъ же въ это время продолжалъ свою труд-

ную боевую жизнь, и уходилъ все дальше и дальше отъ того мѣста, гдѣ разъѣздъ Ставскаго оказался отъ него отрѣзаннымъ. Часто говорили мы о томъ, какая судьба постигла его, и ужъ не надѣялись когда нибудь вновь встрѣтиться.

Прошло два мѣсяца, и штабъ полка расположился въ большомъ удобномъ домѣ. Послѣ долгаго періода боевъ, ночныхъ переходовъ, форсированныхъ маршей, — надо было дать дивизіи хоть небольшую передышку, и мы стояли не въ прямомъ соприкосновеніи съ противникомъ.

Жизнь въ штабѣ полка, расположеннаго вдали отъ первой линіи, пріобрѣтаетъ какой то семейный, уютный характеръ, люди «отходятъ» отъ пережитыхъ только что ужасовъ, и начинаютъ интересоваться жизнью.

Помню, я именно такъ и «отходилъ» и мирно о чемъ то бесѣдовалъ съ сидѣвшими за столомъ офицерами.

Вдругъ въ передней, гдѣ располагались вѣстовые, ординарцы и телефонъ, послышался какой то шумъ, возгласы, дверь открылась и изъ нея вышелъ къ намъ въ шинели, папахѣ, съ винтовкой, надѣтой черезъ плечо, у.-оф. Чечуленко изъ разъѣзда Ставскаго, и совершенно спокойно заявилъ: «Честь имѣю явиться, Ваше Сіятельство». За нимъ остановились въ дверяхъ фигуры еще двухъ драгунъ.

«Какъ? Что? Откуда?» — посыпались вопросы.

«Такъ что изъ разъѣзда корнета Ставскаго», — былъ спокойный отвѣтъ.

Легко себѣ представить, какъ всѣ переполошились, посыпались вопросы, на которые унт.-

офиц. Чечуленко отвѣчалъ ровнымъ дѣловымъ голосомъ. Выяснилось нижеслѣдующее: скрывшись, какъ было уже сказано выше, въ лѣсу, люди начали голодать, но и тутъ, несмотря на всю безвыходность ихъ положенія, у нихъ и мысли не было сдаться врагу.

Наконецъ, судьба ихъ столкнула съ лѣсникомъ, который, въ свою очередь, свелъ ихъ съ жителями сосѣдней деревни. Жители эти сразу сердечно отозвались на всѣ нужды нашихъ героевъ, отвели ихъ на островъ среди огромнаго болота, и стали приносить имъ пищу.

Такъ они прожили довольно долго, но, наконецъ, одна лавочница жидовка донесла нѣмцамъ о томъ, что въ такомъ то лѣсу скрываются русскіе солдаты. Немедленно была выслана пѣшая развѣдка съ задачей, во что бы то ни стало найти скрывающихся смѣльчаковъ.

Предупрежденные лѣсникомъ еще глубже запрятались на островѣ наши затравленные звѣри и стали ждать непрошенныхъ гостей.

На третій день, подъ вечеръ, въ кустахъ показался сѣрый мундиръ нѣмца.

Ближе, ближе приближается врагъ къ убѣжищу, скрывающему нашихъ драгунъ, — повидимому, онъ напалъ на пробитую тропу и идетъ по ней. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ откроетъ мѣсто, гдѣ столько времени скрывались они, и тогда все пропало. Что дѣлать — надо рѣшаться. . . Стрѣлять нельзя, т. к. выстрѣлъ выдастъ ихъ мѣстонахожденіе.

Переглянулись драгуны, — двое отдѣлились, и какъ змѣи поползли навстрѣчу нѣмцу. Поровнявшись съ незамѣтившимъ ихъ врагомъ, они од-

новременно, мягко какъ кошки, вскочили ему на спину и повалили на землю, запихивая его голову все глубже и глубже въ болотный мохъ. Недолго продолжалась борьба, — вскорѣ затихъ нѣмецъ, его быстро закопали въ мохъ, и на этотъ разъ еще они были спасены.

Однако, этотъ случай доказалъ имъ, что, рано или поздно, ихъ убѣжище будетъ открыто, и надо было предпринимать что нибудь новое.

Рѣшено было, что надо раздѣлиться и пытаться небольшими партіями прорываться черезъ непріятельскія линіи на присоединеніе къ своимъ.

Несмотря на весь ужасъ и, казалось тогда, безвыходность ихъ положенія, несмотря на всѣ лишенія, у всѣхъ была только одна мысль — вернуться въ родной полкъ.

Первой партіей былъ намѣченъ унт.-офицеръ Чечуленко съ двумя драгунами. Никогда не забуду простого разсказа этого человѣка, который шелъ только ночью, шелъ недѣлями, ежеминутно рискуя своею жизнью, пока наконецъ ему не удалось пройти непріятельское сторожевое охраненіе и чуть не погибнуть изъ за русской пули, т. к. нашъ сторожевой постъ, на который наши 3 драгуна наткнулись, открылъ было по нимъ огонь и прекратилъ его только послѣ того, какъ услыхалъ возгласъ: «свои, не стрѣляйте, свои!» — Кончилъ свой разсказъ унт.-офицеръ Чечуленко дословно такъ: «у каждаго изъ насъ было всего 5 патроновъ, 4 пули врагу, а 5-ая себѣ». и, послѣ небольшой паузы: — «Лейбъ-Драгуны живыми врагу не даются»...

Прошло съ того момента много лѣтъ, много ужасовъ пришлось пережить, а простой разсказъ

лейбъ-драгунскаго унтеръ-офицера, отчеливо ясно сознававшаго свой солдатскій долгъ, свѣтлымъ воспоминаніемъ остается въ моей жизни.

Само сабой разумѣется, что приняты были наши лейбъ-драгуны съ распростертыми объятіями, награждены вполнѣ заслуженными Георгіевскими крестами и отпущены въ отпускъ на отдыхъ, въ которомъ весьма нуждались.

Оставшіеся со Ставскимъ драгуны пытались нѣсколько разъ еще прорваться къ своимъ, но всякій разъ ихъ чуть-чуть не унавали, и только охранявшее ихъ Провидѣніе спасало ихъ.

Наконецъ, послѣ 5 мѣсяцевъ жизни затравленнаго звѣря, воспользовавшись разыгравшимся боемъ, въ то время, какъ наши части штыковой атакой опрокинули нѣмецкія цѣпи, которыя отступали въ безпорядкѣ, Ставскій со своими драгунами бросился прямо на наши наступавшія части, едва не погибъ при этомъ, но все же, наконецъ, какимъ-то чудомъ оказался невредимымъ среди своихъ.

Дальше пошло все просто, и вскорѣ Ставскій переходилъ изъ объятій въ объятія своихъ товарищей.

О такомъ выдающемся случаѣ было донесено въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, куда вскорѣ былъ вызванъ Ставскій.

Обласканный Государемъ Императоромъ, прапорщикъ Ставскій былъ награжденъ изъ рукъ Его Величества Георгіемъ 4-ой степени.

Вернувшись въ родной полкъ, Ставскій продолжалъ свою боевую службу, какъ всегда, скромно и тихо. Такъ же скромно онъ вызвался заполнить собою убыль пѣхотныхъ офицеровъ, былъ

переведенъ въ пѣхотный полкъ, получилъ въ командованіе роту и, ведя ее въ штыки, палъ славною смертью во главѣ ея у самыхъ вражескихъ окоповъ.

Если съ Божіей помощью наша несчастная Родина вновь возстанетъ и возродятся вновь Лейбъ Драгуны, имя корнета Ставскаго и его лейбъ драгунъ будетъ служить примѣромъ того, какъ помнили присягу своему Государю гвардейскіе драгуны...

Графъ **Нироdъ.**

РАЗЪѢЗДЪ ШТ.-РОТМИСТРА ГРИММА 13-го ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА

Въ февралѣ 1915 года наша дивизія, прикрывая пѣхоту, вела чисто кавалерійскіе бои въ районѣ Олита — Друскеники.

12-го февраля въ сторожевомъ охраненіи были лейбъ гусары. Цѣлую ночь на нихъ наступали пѣшія части германцевъ. На помощь гусарамъ были двинуты 2 нашихъ эскадрона, всѣ пулеметныя команды дивизіи и наша конная батарея, и нѣмцы были отбиты.

Въ ту же ночь (съ 12-го на 13-ое) мы смѣнили гусаръ, и рано утромъ я получилъ приказаніе идти въ разъѣздъ, имѣя задачей выяснить, какія части германцевъ мы имѣемъ противъ насъ. Кромѣ того, изъ штаба арміи было приказано постараться взять плѣннаго. Я вышелъ съ моимъ взводомъ впередъ нашего сторожевого охраненія и пошелъ прямо на деревню Дрополе, находившуюся верстахъ въ 4-хъ отъ охраненія, на опушкѣ большого лѣса, который, по предположеніямъ, былъ

занятъ германскими частями, но какими — было неизвѣстно.

Подходя къ деревнѣ Дрополе, мы видѣли нѣсколько дозоровъ и отдѣльныхъ всадниковъ, но они уходили при нашемъ приближеніи.

Безъ всякихъ инцидентовъ мы вошли въ Дрополе.

Въ одномъ изъ сараевъ мои драгуны нашли 17 труповъ германскихъ солдатъ 9-го конно егерскаго полка, убитыхъ, вѣроятно, наканунѣ въ пѣшемъ бою.

Пока я былъ въ Дрополе, подошелъ взводъ лейбъ гусаръ подъ командой поручика Кисловскаго, который сказалъ мнѣ, что онъ дальше не пойдетъ и останется въ деревнѣ.

Я рѣшилъ идти въ лѣсъ, чтобы пронюхать, что тамъ дѣлается, а если улыбнется счастье, то и поймать плѣннаго.

Пройдя, примѣрно, версту по маленькой лѣсной дорогѣ, мы встрѣтили мужика, несшаго ребенка на рукахъ. Онъ шелъ прямо по дорогѣ и не могъ не знать, что дѣлалось въ лѣсу.

Конечно, я его остановилъ и сталъ разспрашивать. Мужикъ сначала долго говорилъ «несупранту», а потомъ разсказалъ, что третьяго дня нѣмцы выгнали все населеніе назадъ за шоссейную дорогу, что была лишь кавалерія противъ насъ, и что вчера они имѣли большія потери.

Съ таинственнымъ видомъ, онъ разсказалъ, что въ лѣсу стоитъ германское охраненіе, а въ верстѣ, на той же дорогѣ, по которой мы ѣхали, стоитъ въ кустахъ спрятанный постъ изъ 6-ти человѣкъ, а сзади, на краю дороги, около замерзшаго озера (что влѣво отъ дороги) — спѣшенный

взводъ, а лошади позади. Я рѣшилъ наскочить врасплохъ на постъ изъ 6-ти германцевъ. Отдавъ всѣ неоходимыя приказанія, мы съ мѣста пошли хорошей рысью, а потомъ, пройдя такъ съ полверсты, тронули галопомъ.

Дорога изгибаясь шла по лѣсу, и я внимательно смотрѣлъ впередъ. Между деревьями показалось вдругъ что то бѣлое... Это былъ всадникъ на сѣрой лошади. Вѣроятно, гусаръ Кисловскаго, — мелькнуло у меня въ головѣ.

Мы оба шли хорошимъ галопомъ другъ другу навстрѣчу.

Мгновеніе — и мы столкнулись; и это былъ не гусаръ, а германскій молодой лейтенантъ на отличной сѣрой кобылѣ. Моментально онъ остановилъ лошадь, круто повернулъ, и полнымъ ходомъ пошелъ на утекъ.

Выхвативъ шашку, я пошелъ за нимъ. Мы оба что было мочи скакали по дорогѣ, немного оторвавшись отъ взвода. Но я сталъ его доставать; онъ былъ уже слѣва отъ меня рядомъ. Размахнувшись, я ударилъ его шашкой, но попалъ лишь по плечу. Онъ наклонился въ лѣвую сторону, желая достать револьверъ и уклониться отъ другого удара, но я прижалъ его къ краю дороги. Его лошадь свернула влѣво, и онъ кувыркомъ полетѣлъ съ лошади.

Въ этотъ моментъ его лошадь была совсѣмъ рядомъ со мною. Схвативъ ее за поводья, я спрыгнулъ съ моей лошади и крикнулъ, чтобы взяли лошадей.

Только я успѣлъ соскочить, какъ сзади врѣзался вольноопредѣляющійся Толстой, опроки-

нулъ меня, схватилъ сѣрую кобылу и куда то умчался.

Я упалъ; шашка вылетѣла у меня изъ рукъ, и вдругъ я увидѣлъ, что лейтенантъ мой уже бѣжитъ по льду озера. Я за нимъ, и сразу почувствовалъ, что онъ не уйдетъ. Онъ быстро задохнулся; я схватилъ его обѣими руками в ъобъятія, но поскользнулся — и мы оба упали на ледъ. Я лежалъ на немъ и у меня былъ револьверъ въ рукѣ. Онъ даже почти не сопротивлялся, тяжело дышалъ и вдругъ, какъ бы оправдываясь, сказалъ: «Ish kann ja nicht; ish habe einen Herzfehler» — (я же не могу, у меня порокъ сердца).

Вскочивъ, я потащилъ его къ взводу и тутъ лишь я какъ будто очнулся, услышавъ стрѣльбу, топотъ и крики.

Ко мнѣ бѣжало нѣсколько драгунъ. Мой вѣстовой Яковлевъ скакалъ съ моей лошадью. Моментально мы сѣли. Лейтенанта подхватили и посадили вторымъ всадникомъ на здоровеннаго сѣраго коня, взятаго еще въ Пруссіи взамѣнъ нашего гнѣдого, убитаго въ разъѣздѣ.

Шла стрѣльба, шумъ, трескъ.

Взводный доложилъ мнѣ, что нѣсколько драгунъ съ вольноопредѣляющимся Толстымъ проскакали за озеро и ихъ нѣтъ. Помню, какъ ужасная тревога за моихъ людей охватила вдругъ меня.

Но тутъ же, со стороны нѣмцевъ, показался Толстой на окровавленной лошади, драгунъ Ивановъ, какъ то криво сидѣвшій на сѣдлѣ, унт.-офицеръ Мельниковъ и еще нѣсколько человѣкъ.

Пули свистѣли, задѣвая и щелкая по деревь-

ямъ. Я крикнулъ на взводъ и мы рысью пошли къ Дрополю.

Пройдя версту и успокоившись немного, мы издали услышали сильный конскій топотъ. Я уже подумалъ, не нѣмцы ли догоняютъ; но это скакало штукъ 20 германскихъ лошадей и, увидѣвъ насъ, свернули съ дороги и пошли прямо на Дрополе. Впереди, задравши хвостъ, галопировала сѣрая кобыла лейтенанта. Пославъ нѣсколько драгунъ ловить лошадей, я дошелъ до Дрополя.

Тутъ я подозвалъ Толстого, который мнѣ разсказалъ все, что произошло съ нимъ. Оказывается, въ моментъ, когда я соскакивалъ съ лошади, желая поймать упавшаго лейтенанта, онъ врѣзался между мною и сѣрой кобылой, схватилъ ее на ходу лѣвой рукою, имѣя въ правой шашку и поводья, но былъ не въ силахъ остановить свою лошадь, которая его потащила во всю. За нимъ увязалось нѣсколько драгунъ, шедшихъ также во всю. Моментъ, и онъ увидалъ «усатую рожу въ каскѣ, цѣлившуюся въ него».

Выстрѣлъ, но обѣ лошади его перли, и онъ влетѣлъ въ группу лошадей коноводовъ германскаго взвода.

Лошади нѣмцевъ съ испуга дернули и, вырвавшись, куда то понесли.

Но тутъ Толстой налетѣлъ на дерево. Сѣрая кобыла оказалась слѣва отъ дерева, а онъ справа; поводья лопнули и она ускакала.

Тутъ только Толстой могъ совладать со своею лошадью и, повернувъ ее и крикнувъ Иванову и Мельникову, бывшимъ съ нимъ, поскакалъ назадъ.

Ивановъ былъ тяжело раненъ въ колѣно, а лошадь Толстого имѣла глубокую рану на груди.

Пуля «усатой рожи въ каскѣ» отбила и исковеркала у Толстого всю часть душки на рукояткѣ шашки у темляка, разорвавъ у него одновременно на груди шинель, но, къ счастью, не ранивъ его...

Мы вошли въ Дрополе.

Мой лейтенантъ сидѣлъ на лошади и плакалъ; затѣмъ слѣзъ, и взявъ подъ козырекъ, подошелъ ко мнѣ и Кисловскому и сказалъ: «Я лейтенантъ Griefenhagen, 2-го гвардейскаго драгунскаго полка; мой шефъ Императрица Alexandra Feodorovna von Russland; я только что произведенъ въ офицеры и отбываю стажъ въ 9-мъ конно-егерскомъ полку, ибо мой полкъ спѣшенъ и въ окопахъ на западномъ фронтѣ. Говорятъ, казаки разстрѣливаютъ плѣнныхъ, я вамъ передамъ медальонъ для пересылки моей матери».

Сказавъ ему, что казаки никого не разстрѣливаютъ и что мы тоже Gardedragonen, я далъ ему стаканъ коньяка, и онъ успокоился.

Потомъ мы сѣли и пошли къ сторожевому охраненію, откуда мой командиръ эскадрона, ротмистръ бар. Неттельгорстъ II, отправилъ лейтенанта въ штабъ полка. На слѣдующее утро полкъ собрался въ резервную колонну, ожидая командира бригады, свиты Его Величества ген.-маіора графа Нирода. Бригадный командиръ подъѣхалъ, поблагодарилъ меня и взводъ за вчерашнее дѣло и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Какого милаго лейтенанта Вы вчера поймали, онъ завтракалъ съ нами».

Подъ вечеръ собралась дивизія.

Объѣзжая полкъ, ко мнѣ подъѣхалъ начальникъ дивизіи, ген. Гилленшмидтъ, поблагодарилъ насъ и сказалъ мнѣ: «Ловко же Вы поймали вчера лейтенанта, мы его угостили ужиномъ, очень симпатичный молодой человѣкъ».

Думаю, что лейтенантъ былъ не плохого мнѣнія о нашей дивизіи, въ особенности послѣ того, какъ онъ потомъ поѣхалъ по этапнымъ комендантамъ зимою nach Sibirien! . .

Э. Гриммъ.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА 2-го ЭСКАДРОНА

въ ночь на 14-ое марта 1915 года въ д. Берзники

Послѣ утомительныхъ арріергардныхъ боевъ, полкъ поздно вечеромъ пришелъ на бивакъ.

Эскадроны съ трудомъ находили себѣ мѣста, т. к. всѣ дворы были заняты другими отступающими частями.

2-ой эскадронъ подъ командой шт.-ротмистра Фриша, въ составѣ офицеровъ: шт.-ротмистра Зейдлица, поручика Коносевича и корнета Феденко-Проценко, пришелъ на бивакъ позднѣе другихъ эскадроновъ и, какъ это водится всегда въ такихъ случаяхъ, получилъ худшее мѣсто для бивака.

Командиръ эскадрона былъ очень недоволенъ и просилъ разрѣшенія занять другую деревню, по сосѣдству со штабомъ полка. Разрѣшеніе было получено и, такимъ образомъ, 2-ой эскаронъ сталъ между сторожевымъ охраненіемъ и штабомъ полка, въ д. Берзникахъ.

Настроеніе было убійственное, было холодно, шелъ снѣгъ. На этотъ разъ на долю эскадрона досталась цѣлая деревня; такая щедрость объяс-

няется тѣмъ, что имѣя наступающаго непріятеля довольно близко, никто изъ эскадронныхъ командировъ не желалъ быть внезапно побезпокоеннымъ, каждый хотѣлъ выспаться.

Былъ часъ ночи, когда офицеры пришли въ отведенную имъ избу. Эскадронный поваръ сталъ разогрѣвать котлеты, запахло жареннымъ, и еще больше захотѣлось ѣсть.

Вѣстовымъ было приказано лошадей не разсѣдлывать, т. к., повторяю, настроеніе было отвратительное.

Въ теоріи, казалось несправедливо поддаваться такому настроенію, такъ какъ въ перспективѣ былъ отдыхъ, а въ сторожевое охраненіе пошелъ 4-ый эскадронъ, который долженъ былъ войти въ связь съ 1-мъ Донскимъ казачьимъ полкомъ.

Увы, какъ узнаемъ дальше, не всегда теорія оправдывается. И такъ пахло жаренными котлетами, и на столѣ стояла бутылка коньяка.

Въ этотъ моментъ входитъ въ избу шт.-ротмистръ Фришъ и говоритъ, что по деревнѣ идетъ стрѣльба.

«Чертъ возьми, да мы вѣдь не въ сторожевкѣ», — замѣтилъ поручикъ К., и сталъ одѣвать аммуницію и бинокль.

Фришъ опять выходитъ, но черезъ секунду влетаетъ обратно:

«Нѣмцы. Въ деревнѣ идетъ бой!» — говоритъ онъ. . .

Офицеры моментально выбѣжали изъ избы, но противникъ былъ уже тутъ, на дворѣ, и стрѣлялъ въ упоръ.

Одно чудо избавило отъ смерти.

По деревнѣ неслись верховые, была дьявольская стрѣльба.

Поручикъ К. перебѣжалъ дорогу, выбѣжалъ на поляну и, видя, что эскадрона нѣтъ, а есть отдѣльно скачущіе люди, сталъ свистѣть и звать къ себѣ.

Собрать было мудрено, была форменная паника.

Въ шагахъ двухстахъ, на опушкѣ лѣса, возвышалась небольшая горка, на которую и побѣжалъ поручикъ К. и корнетъ Феденко. — «Пусть убьютъ сейчасъ, но я дальше не могу идти», — пробормоталъ запыхавшійся корнетъ Феденко. — «Уйдемъ на горку и тамъ постараемся собрать эскадронъ», — отвѣтилъ поручикъ К.

Стрѣльба по деревнѣ стала слабѣть.

Свистъ поручика К. все время пронизывалъ воздухъ.

Черезъ нѣсколько минутъ подскакиваетъ унтеръ-офицеръ Юзефатовъ. — «Ваше Высокоблагородіе, Вы живы?» — «Гдѣ эскадронъ? Скачи и собирай эскадронъ сюда, мы должны отстрѣливаться и дать время штабу увезти штандартъ», — говоритъ К.

Къ великой радости, люди стали собираться на горку.

Немедленно былъ посланъ старшій развѣдчикъ, ефр. Калининъ, въ штабъ полка, предупредить о тревогѣ. Собралось человѣкъ двадцать конныхъ и человѣкъ десять пѣшихъ.

Было ясно, что въ деревнѣ больше нашихъ нѣтъ, и что она занята какой то, довольно большой, частью противника.

Лошадей поставили за горку, легли въ цѣпь

и открыли огонь по ближайшей избѣ, изъ которой передъ этимъ насъ выбилъ противникъ.

Горка лежала между дер. Берзники и штабомъ полка, было необходимо продежаться возможно дольше, чтобы дать возможность увезти штандартъ.

На нашъ огонь противникъ не отвѣчалъ.

Вдругъ, съ противной стороны, скачетъ вѣстовой поручика К., ефрейторъ Большаковъ, держа въ поводу лошадь своего офицера.

Радость была неописуемая.

И такъ на залповый огонь противникъ не отвѣчалъ.

Думая, что можно справиться съ нимъ, поручикъ К. лавой пошелъ на деревню. Противникъ молчалъ, была луна и каждый человѣкъ на снѣгу былъ отчетливо виденъ. Лошади осторожно ступали. Вдругъ бѣшеный огонь противника.

Наше «ура» на моментъ прекратило стрѣльбу, но она сейчасъ же возобновилась.

Тутъ стало ясно, что противникъ значительно превосходитъ насъ силами.

Люди начали падать, лошади тоже. Юзефатовъ застоналъ и сталъ валиться съ лошади. Большаковъ его поддержалъ, но напрасно, онъ былъ смертельно раненъ.

Видя невозможность выбить противника (какъ оказалось послѣ, деревня была занята однимъ баталіономъ нѣмецкой пѣхоты), горсть людей вернулась на горку. Опять наша стрѣльба, и опять противникъ не отвѣчалъ, но и не двигался впередъ; такъ продолжалось около часу.

Дѣло было сдѣлано, — штабу полка со штандартомъ дано было достаточно времени, чтобы

уйти, выбить же противника оказалось невозможнымъ, и поручикъ К., взявши убитыхъ и раненыхъ, пошелъ на присоединенiе къ полку.

Путь былъ не легкiй, раненые стонали, убитые затрудняли движенiе.

На утро присоединились къ полку.

Примѣчанiе: — Какъ выяснилось послѣ, въ моментъ появленiя развѣдчика Калинина въ штабъ полка, тамъ всѣ крѣпко спали, и неистовый крикъ Калинина «нѣмцы!» сразу разбудилъ всѣхъ, и уже черезъ нѣсколько минутъ полковой адъютантъ, фл.-ад. шт.-ротмистръ Генрици, былъ на лошади, увозя штандартъ.

Б. Коносевичъ.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ВЪ БОЯХЪ 22 ІЮНЯ 1920 г.

Въ 1920 г. крушеніе почти всего антибольшевицкаго фронта на югѣ Россіи вскрыло цѣлый рядъ недочетовъ и всѣ тѣ нарывы, коими болѣла армія послѣднее время, выдвинуло на первый планъ вопросъ о смѣнѣ Главнаго Командованія.

Отвѣчая общему желанію арміи и тыла, Главнокомандующимъ назначается генералъ баронъ Врангель. Съ мѣста же начинается нервная и энергичная работа по реорганизаціи тыла и подготовки арміи къ наступленію. Спѣшно приходятъ пополненія обмундированія и проч., забывается горечь отступленія и пораженія послѣдняго времени, — армія залѣчиваетъ свои раны.

Оправляется постепенно и Гвардейская Кавалерія послѣ легендарной по доблести, но трагической по результатамъ конной атаки у станицы Егорлытской, гдѣ Гвардейская Кавалерія лишній разъ подтвердила правильность словъ, сказанныхъ въ старину Наполеономъ: — «Гвардія умираетъ, но не сдается».

Одними убитыми полкъ насчитываетъ 14 офицеровъ. Раненые или потерявшіе въ атакѣ лошадей, офицеры стрѣлялись, не желая сдаваться въ плѣнъ. Дорого стоила атака и Лейбъ Драгунамъ, полуэскадронъ которыхъ, подъ командою молодого, но рѣдко доблестнаго офицера полка, корнета князя Енгалычева атакуетъ въ составѣ Гвардейскаго Кавалерійскаго полка красную конницу Буденнаго. Въ порывѣ конной атаки Л.-Драгуны прорываются сквозь первыя лавы красныхъ, попадая подъ удары главныхъ силъ, и въ неравномъ бою корнетъ князь Енгалычевъ и большинство Л. Драгунъ падаютъ зарубленными.

Итакъ, армія снова воспряла духомъ, явилась вѣра въ побѣду. Армія возрождается въ перерожденномъ видѣ, — утрачивая прежній духъ добровольчества и партизанщины, неотъемлемые спутники ея несчастій. Полки принимаютъ видъ прежнихъ регулярныхъ частей.

Въ концѣ мая Первый Армейскій Корпусъ ген. Кутепова, опрокинувъ красныхъ на Перекопскихъ позиціяхъ, врывается въ Сѣверную Таврію и съ невѣроятнымъ упорствомъ и быстротою развиваетъ наступленіе, ежедневно вписывая новыя страницы доблести въ исторію Русскихъ Армій.

Регулярная конница пока бездѣйствуетъ, занимая сравнительно пассивные участки фронта. 20-го іюня эскадронъ Лейбъ Драгунъ съ наступленіемъ темноты смѣняется въ сторожевомъ охраненіи и отводится въ городъ Каховку, куда къ этому времени подтягиваются и прочіе эскадроны Гв. Кавалеріи. Л. Драгуны располагаются въ 5-6 дворахъ въ сѣверной части города. Офицерамъ приказано находиться при своихъ взводахъ, ло-

шадей не разсѣдлывать — разрѣшается отпустить подпруги и вынуть желѣзо. Усталость отъ безсонныхъ ночей въ сторожевомъ охраненіи беретъ свое и расположившіеся у коновязей люди вскорѣ засыпаютъ.

Въ пятомъ часу утра, когда солнце едва начинало всходить, дневальные поднимаютъ свои взводы. Спѣшно идетъ водопой, задается кормъ лошадямъ. Кругомъ тишина — Каховка спитъ мертвымъ сномъ и только общую картину нарушаютъ далекій лай собаки или ржаніе лошади, ждущей своей очереди у водопойнаго корыта. Кое гдѣ разбрасываются костры, и люди варятъ чай.

Но не долго длится эта утренняя идилія. Со стороны Днѣпра, прорѣзывая общую тишину, раздаются нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, которымъ вторятъ пулеметы. Съ шипѣніемъ, черезъ голову эскадрона пролетаетъ, въ видѣ утренняго привѣтствія, очередь нашей конной батареи, красная артиллерія безъ замедленія отвѣчаетъ и вскорѣ стрѣльба принимаетъ видъ артиллерійской дуэли, сквозь звукъ которой можно только различить далекій, но все усиливающійся пулеметный и ружейный огонь. Повсюду взлетаютъ фонтаны земли отъ рвущихся красныхъ гранатъ, выбрасывая далеко въ стороны груды камней и земли, всюду слышится лязгъ бьющихся стеколъ, кое гдѣ начинаются пожары. Разбуженный обыватель, съ заспаннымъ и блѣднымъ отъ страха лицомъ выбѣгая изъ своего дома, плотно закрываетъ ставни и прячется въ подвалъ. Голосомъ по дворамъ передается приказаніе командира эскадрона полковника Александровскаго: завести лошадей подъ навѣсъ и безъ приказанія не выводить. Люди нерв-

ничаютъ, общее вниманіе всѣхъ устремляется вдоль улицы, въ сторону штаба полка, — всѣ ждутъ приказанія. Проходитъ 5-6 томительныхъ минутъ, на поворотѣ показывается красная драгунская безкозырка скачущаго ординарца связи, и вскорѣ эскадронъ Л. Драгунъ крупной рысью идетъ по улицѣ къ выходу изъ города, строя взводную колонну. Переведя лошадей въ шагъ, пристраивается къ общей резервной колоннѣ полка. Огонь постепенно затихаетъ, вызываются впередъ командиры эскадроновъ, коимъ разъясняется обстановка. Выславъ впередъ охраненіе, полкъ на рысяхъ вытягивается на югъ. Отъ полк. Александровскаго мы узнаемъ обстановку, которая рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Красные по всему фронту Днѣпра перешли въ наступленіе, желая, очевидно, контръ-ударомъ задержать продвиженіе нашего 1-го Армейскаго Корпуса. Противъ города Каховки, ихъ попытка, подъ прикрытіемъ артиллеріи, форсировать рѣку Днѣпръ, отбита нашимъ 1-мъ Коннымъ полкомъ.

Въ верстахъ 6-7 южнѣе Каховки, у селенія Ключевая, сбивъ сторожевое охраненіе Одесскихъ уланъ, красные переправили на лѣвый берегъ, по свѣдѣніямъ, 2-3 баталіона пѣхоты съ артиллеріей и стремительно развиваютъ свое наступленіе, грозя обходу Каховки. Выдѣливъ пѣшіе эскадроны Конной Гвардіи и Уланъ Ея Величества подъ начальствомъ Л.-Гв. Драгунскаго полка полковника Ковалевскаго, которому приказано занять южныя переправы Каховки, содѣйствовать 1-му Конному полку въ удержаніи фронта отъ повторныхъ атакъ красныхъ къ переправѣ. Прочимъ же эскадронамъ ставилось заданіе остановить продвиженіе крас-

ныхъ на линіи Ключевая — Основа и по возможности выбить ихъ съ лѣваго берега..

Пройдя верстъ 6, полкъ втянулся въ густую рощу. Л. Драгуны, Конно Гренадеры и Уланы Его Величества, произведя усиленное спѣшиваніе, вытянулись въ цѣпь. Оба Кирасирскихъ эскадрона остаются въ видѣ резерва и прикрытія къ коноводамъ.

Цѣпи, выйдя изъ рощи, встрѣчаютъ отходящую рѣдкую цѣпь Одесскихъ уланъ, которые постепенно собравъ своихъ людей, занимаютъ участокъ правѣе Л. Драгунъ. Со стороны красныхъ огонь довольно слабый, ясно чувствуется, что цѣли у нихъ нѣтъ. Находясь со вторымъ взводомъ на правомъ флангѣ эскадрона, мнѣ былъ приданъ пулеметъ Кирасиръ Его Величества, подъ командой корнета Сомова. Выбравъ хорошую позицію съ широкимъ обстрѣломъ, я просилъ пулеметчиковъ занять ее и поддержать насъ огнемъ при нашемъ наступленіи. Вскорѣ черезъ наши головы полетѣли снаряды красныхъ, ясно были видны разрывы надъ коноводами. Настроеніе въ эскадронѣ было прекрасное, послѣ сравнительно долгаго бездѣйствія, люди рвались въ бой въ полномъ смыслѣ этого слова, и получивъ приказаніе къ наступленію, Драгуны съ крикомъ ура бросились впередъ, отвѣтомъ на что былъ сильнѣйшій фронтовый и временами фланговый огонь красныхъ. Выйдя изъ кустарниковъ, всюду стали виднѣться цѣпи противника. Одновременно съ этимъ, справа по цѣпи передаютъ: корнетъ Сомовъ и наводчикъ-кирасиръ ранены.

Благодаря сильному огню и изнывая отъ жары и глубокаго песка, цѣпь наша залегла. Надо

отдать справедливость, красные стойко держались на своихъ позиціяхъ, несмотря на то, что разстояніе между нами значительно сблизилось. Въ это время со мной, пишущимъ эти строки, произошелъ слѣдующій случай: находясь со взводомъ, какъ я уже сказалъ, на самомъ правомъ флангѣ эскадрона и полка, я невольно долженъ былъ поддерживать связь съ правонаходящимися отъ меня, приблизительно въ полуверстѣ, Одесскими Уланами. Воспользовавшись, что наши цѣпи залегли, я по канавѣ пошелъ вправо, желая установить хотя бы видимую связь съ уланами; отойдя шаговъ 250 отъ своего взвода я невольно въ остолбенѣніи остановился, увидѣвъ въ 30-40 шагахъ отъ себя одного лежащаго и другого стоящаго на колѣняхъ большевиковъ; они надъ чѣмъ то возились и, очевидно, меня не сразу замѣтили. Все это было столь неожиданно и, сознавая, что я совершенно одинъ, я чисто машинально выстрѣлилъ изъ винтовки, но промахнулся и, желая дослать слѣдующій патронъ, получилось заклиненіе; бросивъ винтовку, я сталъ доставать изъ кобуры револьверъ, но мѣткій выстрѣлъ моего взводнаго старш. унт.-офицера Миронова, идущаго, какъ потомъ оказалось, слѣдомъ за мной, предупредилъ мое желаніе, сбивъ наповалъ красноармейца, попавъ ему немного выше праваго уха, другой же бросился бѣжать въ кусты.

Подойдя, мы нашли пулеметъ, замаскированный зеленью, который, какъ трофей, былъ отправленъ къ коноводамъ. Въ это время дружный крикъ «ура» 1-го взвода ротмистра Коптева поднялъ за собою весь эскадронъ и люди неудержимо бросились впередъ. Красные не выдержали и,

бросая свои позиціи, стали отступать, мѣстами переходя въ паническое бѣгство.

Не прошло и двухъ-трехъ минутъ, по цѣпи передаютъ: ротмистръ Коптевъ тяжело раненъ. Общій крикъ въ цѣпи — «Кирасиры впередъ!» — такъ и остался однимъ пожеланіемъ... Они были далеко сзади. Въ то же время конная атака дивизіона кирасиръ на отступающую въ паникѣ пѣхоту къ переправамъ, дала бы колоссальные результаты. Повсюду попадались трупы и тяжело раненые красноармейцы. Дойдя со взводомъ до линіи садовъ, я получилъ приказаніе пройти цѣпью сады, прочимъ же взводамъ спѣшить къ переправамъ. Пройдя благополучно сады и выйдя на открытое мѣсто, я невольно сталъ свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода. Въ 200-300 шагахъ отъ моего взвода, у самой кручи обрыва, почти спиной ко мнѣ, стояло 2 человѣка и усиленно стрѣляла въ садъ. Видя только ихъ спины, я не могъ рѣшить — наши ли это, или красные, но сомнѣніе тутъ же было разсѣяно. Изъ садовъ, съ сильной руганью, держа винтовку прикладомъ вверхъ, бѣжалъ корнетъ Гевличъ и за нимъ нѣсколько драгунъ. Еще моментъ, стрѣляющіе люди бросили винтовки, поднявъ руки кверху. Но пощады уже быть не могло... удары приклада рѣшили участь красноармейцевъ, и оба большевика мертвыми тѣлами, оставляя кровавый слѣдъ на камняхъ, катились внизъ подъ обрывъ.

Соединившись съ корнетомъ Гевличемъ, мы вмѣстѣ подошли къ эскадрону, который въ полуверстѣ влѣво, разбившись на отдѣльныя группы, велъ огонь по спасающемуся на плотахъ, или попросту бросающемуся вплавь противнику. Удач-

ный бой сильно подбодрилъ людей. Потери эскадрона, въ сравненіе съ достигнутымъ результатомъ, оказались не велики. Ротмистръ Коптевъ тяжело раненъ пулей въ колѣно и 4 драгуна сравнительно легко. Кромѣ того, два кирасира-пулеметчика, временно приданныхъ нашему эскадрону. Огонь всюду затихалъ и только лѣвѣе насъ Уланы Его Величества еще вели бой за обладаніе деревней Основа, выбивая ручными гранатами засѣвшихъ красныхъ въ водокачкѣ.

Вскорѣ и у нихъ наступило затишье, большевики были выбиты.

Эскадроны стали собираться, подошли коноводы. Испуганный житель началъ выбираться изъ погребовъ и щедро привѣтствовать драгунъ, какъ своихъ избавителей. (Стали искать плѣнныхъ, но ихъ не оказалось, они не дошли до коноводовъ, что ясно говорили новые сапоги и гимнастерки на конвоировавшихъ ихъ драгунахъ). Выставивъ наблюденія на обрывы, эскадронъ сталъ варить обѣдъ, и ничего, казалось, не говорило и не напоминало о прошедшемъ боѣ.

Простоявъ часовъ до четырехъ, эскадронъ былъ вызванъ въ направленіи Каховки, гдѣ, по свѣдѣніямъ, красные, подтянувъ свои главныя силы, энергично повели наступленіе, занявъ переправы. 1-ый Конный полкъ и эскадроны полковника Ковалевскаго, понеся большія потери (убитыми ком. Уланъ Ея Вел. ротм. Лишина и Конной Гвардіи корнета Артамонова графа Стенбокъ-Ферморъ), принуждены были отойти, очистивъ при этомъ Каховку.

Въ полутора, въ двухъ верстахъ отъ города въ лѣсу собрался весь конный резервъ дивизіи ген.

Барбовича. Обстановка складывалась не въ нашу пользу. Начальникъ дивизіи, вызвавъ дивизіонъ Павлоградскихъ Лейбъ Гусаръ, приказалъ имъ въ конномъ строю атаковать Каховку, желая этимъ остановить продвиженіе красныхъ. Дружно бросились гусары въ атаку, но сильный огонь красныхъ вызвалъ у нихъ замѣшательство, и вскорѣ Павлоградцы, везя убитыхъ и раненыхъ, стягивась обратно въ лѣсъ. Отдаваясь эхомъ по лѣсу, передается команда командира Гвардейскаго Кавалерійскаго полка: «Лейбъ-Драгуны, по конямъ»... и, спустя 2-3 минуты, нашъ эскадронъ во взводной колоннѣ выходитъ на рысяхъ въ поле. Проходя мимо штаба дивизіи, живописно расположившагося на опушкѣ лѣса, впереди котораго на крупномъ караковомъ конѣ, въ красныхъ гусарскихъ чакчирахъ виденъ начальникъ дивизіи; здороваясь въ Лейбъ Драгунами, онъ указываетъ направленіе атаки.

— Эскадронъ, строй фронтъ, шашки къ бою, пики на бедро! — слѣдуетъ команда полковника Александровскаго. И эскадронъ, поднявъ лошадей въ широкій галопъ, бросается впередъ. Попавшаяся на пути изгородь и рядъ глубокихъ канавъ разстраиваютъ общую атаку, много лошадей падаетъ на препятствіе. Общую картину усугубляетъ невѣроятно сильный залповый огонь красныхъ. Первый взводъ шт. ротм. Озерова 1-го, сильно оторвавшись влѣво и видя передъ собою скопленіе красныхъ, атакуетъ его самостоятельно. Одинъ изъ взводовъ, подъ командой вахмистра эскадрона, опрокинувъ красныхъ, врывается въ самую Каховку. Прочіе же взводы, дойдя до обрывовъ, попадаютъ подъ фланговый огонь красныхъ, мечут-

ся вдоль фронта и, неся большія потери въ конскомъ составѣ, отходятъ назадъ, пропуская черезъ себя лаву Уланъ его Величества, брошенныхъ по нашему же направленію. Спустя короткое время и они отходятъ, везя раненаго командира эскадрона, ротмистра Гуреева. Лейбъ Драгуны постепенно собираются на шоссейной дорогѣ, подъѣзжаетъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ драгунами, въ окровавленной гимнастеркѣ, раненый въ грудь шт. ротмистръ Озеровъ I; подтягиваются и отдѣльные люди, нѣкоторые ведутъ въ поводу раненыхъ лошадей. Уже стемнѣло, когда эскадронъ получаетъ разрѣшеніе идти въ сосѣднюю деревню для ночевки.

Итакъ, 21-ое іюня кончилось, усталый эскадронъ отдыхаетъ, вспоминая по мелочамъ оба происшедшихъ за день боя.

Двухъ офицеровъ; ротмистра Коптева, шт.-ротмистра Озерова I, вольноопредѣляющагося Васильчикова и 11 драгунъ эскадронъ уже недосчитываетъ въ своей средѣ.

Не вина Лейбъ Драгунъ, что благодаря нерѣшительности начальства, — бросить всѣ или хотя бы большинство эскадроновъ резерва одновременно въ атаку, — посылались разновременно по одному, увеличивая этимъ, безъ пользы для дѣла, списокъ потерь, понижая духъ, что невольно повлекло переходъ иниціативы въ руки красныхъ. Въ этотъ день красные форсировали Днѣпръ и, занявъ Каховку, прочно засѣли въ ней. Всѣ наши попытки взять ее, снова были тщетны. Каховка осталась за красными до самаго паденія Крыма.

Ротмистръ **Де Виттъ.**

Парижъ, іюль 1927.

ОТЪ АЗОВСКАГО МОРЯ ДО КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ ТУДА И ОБРАТНО.

(Воспоминанія о походѣ Л.-Гв. Драгунскаго эскадрона Добровольческой и Русской Арміи въ 1919 и 1920 г.г.)

Дневникъ

То, что я описываю, не является точной исторической справкой и никоемъ образомъ исторіей участія Лейбъ-Драгунъ въ такъ называемомъ «Бѣломъ движеніи» быть не можетъ.

Я набросалъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, отрывки своихъ личныхъ воспоминаній. Въ нихъ возстановилъ въ своей памяти двухлѣтнее усиліе группы кадровыхъ г.г. офицеровъ Л.-Гв. Драгунскаго полка, подъ руководствомъ покойнаго полковника Владиміра Петровича Римскаго Корсакова создать снова свой родной полкъ, а также описать тѣ боевыя задачи, которыя выпали на долю Лейбъ Гвардіи Драгунскихъ эскадроновъ въ составѣ Добровольческой и затѣмъ

Русской Арміи. Пятимѣсячная болѣзнь зимой 1919 года, а затѣмъ длительныя командировки оторвали меня отъ походной жизни Лебъ Драгунъ на долгій промежутокъ времени, почему записки мои обнимаютъ лишь незначительный періодъ боевыхъ дѣйствій, въ которыхъ принималъ личное участіе, т. е. періодъ времени отъ апрѣля до сентября 1919 г. въ Добровольческой Арміи.

Въ боевыхъ дѣйствіяхъ Л.-Гв. Драгунскаго эскадрона, или такъ называемаго «8-го Эскадрона» Сводно Гвардейскаго Кавалерійскаго полка Русской Арміи въ 1920 году, я почти участія не принималъ, почему ограничиваюсь лишь краткимъ перечнемъ событій этого времени, въ которомъ Лейбъ Драгуны потеряли убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти три четверти своего состава.

«Акманайское сидѣніе»

8-го апрѣля 1919 года, послѣ долгихъ скитаній, связанныхъ съ Гетманской эпопеей на Югѣ Россіи, повинуясь предписанію полковника Римскаго Корсакова, явиться въ Л.-Гв. Драгунскій эскадронъ, я, наконецъ, прибылъ на его мѣсто стоянки, — село Акманай, у Азовскаго моря. Онъ въ это время входилъ въ составъ праваго боевого участка Сводно-Гвардейскаго баталіона, занявшаго подъ командой полковника Зайцева, а затѣмъ полковника Стесселя, боевую линію отъ желѣзнодорожнаго пути Керчь — Владиславовка на югъ до Азовскаго моря. Обстановка была слѣдующая: въ мартѣ, подъ натискомъ красныхъ, послѣ упорныхъ боевъ, Сводно-Гвардейскій баталіонъ гене-

рала Тилло вошелъ въ составъ дивизіи пресловутаго генерала Слащова Азовской группы генерала Баровскаго, и занялъ правый боевой участокъ Акманайской позиціи. Въ частности, Л.-Гв. Драгунскому эскадрону было приказано нести службу связи въ боевыхъ участкахъ дивизіи и охранять Азовское море и выходъ на Арабазскую стрѣлку. Въ моментъ моего прибытія эскадронъ состоялъ изъ 7 г.г. офицеровъ, подъ командой полковника Римскаго Корсакова, и около 80 конныхъ лейбъ-драгунъ, сформированныхъ въ январѣ по призыву полковника Римскаго Корсакова изъ нѣмцевъ колонистовъ богатой колоніи Гальбштадтъ, Бердянскаго уѣзда. Колонисты дали лучшихъ своихъ людей и лошадей полукровокъ, а также разнообразные сѣдла и уборъ. Винтовки, пулеметы, пики и шашки были доставлены трудами г.г. офицеровъ изъ Керчи и отбиты въ бояхъ у красныхъ въ Сѣверной Тавріи.

Въ низкой полуразрушенной татарской мазанной хатѣ засталъ я, отдыхавшими на полу послѣ дневного утомительнаго перехода, полковника Римскаго Корсакова и его офицеровъ, братьевъ Озеровыхъ, поручика Николая и корнета Алексѣя Алексѣевичей, сотника Влад. Алекс. Гевлича (лейбъ драгуна 80-хъ годовъ) и прикомандированныхъ подпоручиковъ Долгово Сабурова и Ив. Алекс. Зеленаго (брата полковника) и корнета Гаусмана (дв. бр. шт.-ротм. Г. Л. Дицъ). Въ то время, кромѣ нихъ, находились въ командировкахъ въ Керчи: полковникъ Ю. М. Левицкій и ротмистръ Плат. Алекс. Бокъ, а въ Бердянскѣ — въ періодѣ формированія при 2-омъ пѣшемъ эскадронѣ — полковникъ Ал. Ал. Зеленой (командиръ 2-го эс-

кадрона), ротмистръ графъ Андрей Львовичъ Толстой и прикомандированный корнетъ Бубновъ.

«Конная атака» 9-го апрѣля

Первую же ночь на 9-ое апрѣля спать не пришлось. На разсвѣтѣ всѣ повскочили и по тревогѣ приготовились къ бою. У самой деревни поднялась оживленная ружейная трескотня, къ которой вскорѣ пріобщилась пулеметная дробь и орудійная стрѣльба. Въ то же время изъ штаба Гвардейской пѣхоты было получено донесеніе, что значительныя цѣпи красныхъ двигаются на Акманайскую проволоку, особенно напирая на желѣзнодорожную линію. Начавшійся артиллерійскій бой со стороны нашихъ батарей полковника Плюцинскаго и обстрѣлъ съ моря судовыми орудіями англичанъ съ бортовъ стоявшаго вблизи Акманая крейсера «Калипсо», двухъ англійскихъ мониторовъ и французской канонерки, внесъ панику среди большевиковъ сразу, и далъ нашимъ частямъ возможность отстоять свои позиціи. Тѣмъ не менѣе около сотни красныхъ пѣхотинцевъ бросились на станцію Акманай, съ очевидной цѣлью зайти во флангъ и закрыть собой Арабатскій проходъ для своихъ тыловъ. Его то и рѣшилъ немедленно атаковать съ эскадрономъ полковникъ Римскій Корсаковъ.

Отойдя рысью въ лощину, версты за три, къ каменоломнямъ, у самаго морского берега развернулись Лейбъ Драгуны, ожидая приказанія къ атакѣ своего командира. Впереди, на холмѣ, замерла широкая спина, на сѣромъ конѣ, съ поднятой шашкой, какъ на ученіи, рядомъ маленькій силуэтъ его неизмѣннаго адъютанта, корнета Алексѣя Озе-

рова, на мохнатой татарской лошади, и родной красно-бѣлый флюгеръ колеблется вѣтромъ. Мгновеніе — шашка сверкнула на солнцѣ и опустилась, показавъ направленіе. Мчимся во весь-духъ изъ лощины, съ шашками наголо, кое у кого — у весьма немногихъ, — пики къ бою, а у нѣкоторыхъ винтовки въ рукахъ по татарскому образцу. Неумѣлыя руки керченскихъ гимназистовъ вцѣпились въ поводъ, и лошадей они удержать уже не въ силахъ. Пули щелкаютъ все чаще и чаще. Свистъ кругомъ — нельзя разобрать, гдѣ пуля, гдѣ свиститъ пролетающій скворецъ, кстати, поразительно подражающій звуку летящей пули. Нѣсколько минутъ, и мы влетѣли въ околицу Акманая и обогнули станцію. Деревня снова въ нашихъ рукахъ. Огневой бой конченъ, красные бѣжали, оставивъ много убитыхъ. Со стороны добровольцевъ потерь почти нѣтъ. У Преображенцевъ съ десятокъ убитыхъ и раненыхъ. У Лейбъ Драгунъ трофеи слѣдующіе: — три красныхъ солдата желѣзнодорожнаго совѣтскаго полка зарублены во время атаки. Ихъ трупы валяются у самой околицы. Вольноопредѣляющійся изъ Бердянска на-отмашь зарубилъ на ходу одного изъ нихъ и въ мигъ отобралъ у него «ноганъ» съ патронной лентой. У насъ четверо раненыхъ, изъ коихъ одинъ колонистъ тяжело, пулей въ шею. Къ вечеру, снова въ томъ же татарскомъ домѣ, спѣшно залѣчиваются сдѣланныя атакой хозяйственныя раны — чинится аммуниція, чистятъ винтовки. Готовятся къ возможному повторенію предыдущаго, учитывая стремленіе красныхъ изъ прибывшаго свѣжаго отряда матроса Дыбенко во что бы то ни стало подарить

ему Акманайскія позиціи, прикрывающія богатый для грабежа Керченскій районъ.

Такимъ образомъ, въ постоянномъ ожиданіи новаго наступленія на Акманай, какъ сообщаютъ свѣдѣнія контръ-развѣдки у Квартирмейстера полковника Генеральнаго Штаба Аметистова, — пробыли Лейбъ Драгуны въ Акманаѣ до 6-го мая. Въ это время произошли внутреннія измѣненія въ боевой группировкѣ Азовскаго отряда генерала Баровскаго. Вмѣсто ушедшей въ Керчь на подавленіе вспыхнувшихъ тамъ нападеній бандитовъ изъ каменоломенъ по указкѣ большевиковъ, Гвардейской пѣхоты полковника Стесселя, — его смѣнили части Сводно Кавказскаго кавалерійскаго полка, полковника П. В. Попова. Всѣ конныя части (кирасиры и драгуны) вошли въ составъ конной бригады вновь назначеннаго полковника Миклашевскаго. Послѣдній смѣнилъ со своимъ штабомъ дивизію генерала Слащова, переброшенную на желѣзную дорогу, въ Донецкій каменноугольный районъ, въ группу генерала Май-Маевскаго. Боевую службу Лейбъ Драгуны несли ту же, изрѣдка съ одобренія новаго штаба (полковника Шукевича) посылали разъѣзды въ направленіи сторожевого охраненія красныхъ и по Арабатской стрѣлкѣ. Здѣсь разъѣзды, пройдя верстъ 30, доносили, что охраненіе красныхъ матросовъ занимаетъ высоты у села Чакракъ (60 верстъ съ сѣверу по стрѣлкѣ), а до послѣдняго населеннаго пункта участки солеваренъ совершенно свободны. Только разъ, а именно на утро 30-го апрѣля, появившаяся было у Арабатской старой крѣпости конная группа, силой около 2-хъ эскадроновъ, была встрѣчена пулеметнымъ огнемъ Сѣверскихъ заставъ и сейчасъ же ушла по стрѣлкѣ обратно.

Попытка красной пѣхоты въ концѣ апрѣля завладѣть желѣзнодорожной линіей, была снова отбита, снарядами судовыхъ союзныхъ орудій, съ большими потерями. Л. Драгуны отходили на этотъ разъ снова въ каменоломни у моря, и вернулись въ Акманай на слѣдующій день безъ боя.

Въ апрѣлѣ прибываютъ въ эскадронъ ротмистръ Коптевъ, полковникъ Александровскій и корнетъ Келеповскій. Сотникъ Гевлигъ командированъ въ Бердянскъ во 2-ой эскадронъ. Ротмистръ Коптевъ командированъ въ Екатеринодаръ.

6-го мая — день общаго наступленія

4-го мая, лично прибывшій въ Акманай, Начальникъ Штаба полковникъ Шукевичъ передаетъ приказъ о наступленіи вновь сформированнаго, такъ называемаго Арабатскаго отряда подъ командою полковника Римскаго Корсакова. Отрядъ этотъ, состоящій изъ Л.-Гв. Драгунскаго эскадрона съ приданнымъ ему пѣшимъ полуэскадрономъ Св. Кирасирскаго полка кир. Ея. Вел. (поручика Максимова), двумя катерами, «Барабанщикомъ» и «Вѣрой», вооруженными легкой пушкой и 4 пулеметами (плоскодонные, они должны двигаться по мелкому Сивашу), — со стороны Азовскаго моря отряду должны содѣйствовать огнемъ и всячески помогать связью съ англійской эскадрой, передвигающейся на сѣверъ вдоль стрѣлки, параллельно движенію Арабатскаго отряда вооруженные пароходы «Гидра» и «Гр. Игнатьевъ».

Полковникъ Римскій спѣшно посылаетъ меня въ Керчь къ Начальнику гарнизона, генералу Ходаковскому, выпросить изъ арсенала оружіе, а у

«мага и чародѣя», Преображенца полковника Моллера (завѣд. хоз. Св. Гвард. баталіона) «вымолить возможно больше денегъ на покрытіе старыхъ авансовыхъ счетовъ, а то постоянно мѣняющееся и, когда нужно, и исчезающее интендантство (полковникъ Рейнгардтъ) ни денегъ, ни довольствія не отпускаетъ, — мы, де, молъ, дивизіи больше не принадлежимъ. — Новыхъ, снабжающихъ бригаду, учрежденій еще не создано». Лейбъ Драгуны замѣчательно мѣтко ищутъ источникъ снабженія. Пробывъ 2 дня въ Керчи, я получилъ, послѣ бурнаго объясненія съ генераломъ Ходаковскимъ, — штукъ 30 разныхъ ружей и патроновъ къ нимъ вполнѣ достаточное количество. «Магъ и чародѣй» ухитрился найти возможнымъ выдать намъ около ста тысячъ донскихъ купюръ въ счетъ авансовыхъ счетовъ.

14-го мая я спѣшно догонялъ, съ нѣсколькими дружно приставшими во мнѣ добровольцами гимназистами и призывными изъ Акманая, отрядъ по стрѣлкѣ. Догнать лишь его удалось въ Чакракѣ, а безъ меня произошло слѣдующее печальное событіе, разсказанное мнѣ очевидцами. 6-го мая, согласно положенному, бригада полковника Миклашевскаго, поддержанная съ сѣвера Симферопольскимъ и Ѳеодосьевскимъ полками, перешла въ наступленіе по фронту всего перешейка, по направленію къ Грамматикову. Терпя сразу большія потери (между ними ранены — самъ полк. Миклашевскій и полк. Поповъ), бригада и пѣхота штыковымъ ударомъ заняла Владиславовку и Грамматиково. На 3-ій день уже съ боемъ шла на Джанкой....

Крымскій Конный (полк. Туганъ Барановскій),

Сводно Кавказскій (полк. кн. Чавчавадзе) и Кирасирскій (полк. Даниловъ) атаковали съ юга и занимали весь районъ до Ѳеодосіи.

Отрядъ полковника Римскаго, выдвинувъ полуэскадронъ полковника Александровскаго головной заставой и перетащивъ волокомъ черезъ стрѣлку въ Сивашъ катеръ «Барабанщикъ» и еще другой, сдѣлалъ въ первый же день 30 верстъ безъ боя.

12-го мая — дѣло у хутора Чабаненко

На разсвѣтѣ, полуэскадронъ, шедшій въ головѣ, обстрѣлявъ заставу красныхъ, отбросилъ ихъ къ Чакраку. 10-го, послѣ перестрѣлки, длившейся сутки, красные, занимавшіе высоты къ сѣверу отъ Чакрака, отошли за Сивашъ, а полуэскадронъ занялъ деревню. Штабъ отряда расположился въ домѣ гостепріимнаго священника. Полуэскадронъ полковника Александровскаго 11-го мая, выдвинувъ охраненіе нѣсколько пѣшихъ постовъ вдоль Сиваша и поперекъ стрѣлки, занялъ къ вечеру хуторъ Чабаненко (8 верстъ къ сѣверу отъ с. Чакрака). Въ сумерки посты провѣрилъ поручикъ Озеровъ и остался на самомъ важномъ — лѣвофланговомъ. Въ хуторѣ, вмѣстѣ съ полковникомъ Александровскимъ, оставался его младшій офицеръ корнетъ Келеповскій. У самаго хутора случайно сталъ съ 2-мя гочкиссами и 4-мя пулеметами пароходъ «Гидра», подъ командой мичмана Севастьянова, съ 12 человѣками экипажа. Англичане оставались еле видными въ морѣ точками. Пароходы «Вѣра» и «Графъ Игнатьевъ» и катера на Сивашѣ были задержаны на линіи села Чакракъ. Кирасир-

скій полуэскадронъ, выступившій пѣшкомъ, былъ еще на полпути.

Въ 11-мъ часу ночи посты открыли стрѣльбу и загрохотали залпы и пулеметы со стороны Сиваша. Съ средняго поста прибѣжалъ драгунъ и донесъ, что впереди наступаетъ цѣпью большевицкій дессантъ, силой человѣкъ въ 300. Какъ они высадились на берегъ и неслышно подошли, не удалось во время замѣтить, такъ какъ стояла абсолютно черная ночь, а вѣтеръ дулъ на Сивашъ. Тотчасъ же занявъ окружающій хуторъ частоколъ и лошадей спрятавъ во дворѣ, гдѣ было два выхода, полковникъ Александровскій открылъ огонь пачками. Въ то же время съ моря, въ самый центръ большевиковъ, было выпущено по личному почину мичмана Севастьянова, сразу оцѣнившаго обстановку, нѣсколько очередй изъ пушекъ и пулеметныхъ лентъ. Результатъ получился поразительный. Опѣшившіе красные, думая уже забрать «кадетъ» голыми руками, дрогнули и, повернувъ, стали палить пачками другъ въ друга, въ упоръ, ничего не видя въ темнотѣ. Драгуны, оставивъ лошадей во дворѣ, отошли къ морю, а нѣсколько даже влѣзли въ воду. Удачно проскочившій назадъ конный ординарецъ успѣлъ сообщить о случившемся въ Чакракъ, и главныя силы сейчасъ же вышли на выручку. Большевики, подъ продолжавшимся дождемъ пуль изъ «Гидры» и залповъ изъ за частокола со стороны драгунъ, теряя и отъ собственныхъ пуль своихъ, бѣжали на Сивашъ, торопясь уплыть на ту сторону, и побросали своихъ раненыхъ и убитыхъ. Въ ямѣ, у самаго хутора, былъ подобранъ тяжело раненый пулей въ бедро поручикъ Озеровъ. Четыре дарагуна, изъ нихъ ун-

теръ-офицеръ изъ Бердянскихъ вольноопредѣляющихся — первый замѣтившій вплотную красныхъ дозорныхъ — были убиты. Чудомъ спаслись благодаря паникѣ среди красныхъ и умѣлому огню «Гидры» Лейбъ Драгуны. Этимъ столкновеніемъ отрядъ былъ подготовленъ къ дальнѣйшему удачному выходу изъ стрѣлки. Озеровъ, отправленный англійской моторной лодкой въ Керченскій госпиталь, сталъ медленно поправляться.

Итоги боевъ

15-го мая торжественно хоронили, вмѣстѣ съ собравшимся отовсюду населеніемъ Чакрака,Лейбъ Драгуны своихъ убитыхъ, на сельскомъ кладбищѣ. 16-го и 17-го стояли на прежнемъ мѣстѣ, а 18-го, къ вечеру, я былъ высланъ съ тѣмъ же слегка освѣженнымъ полуэскадрономъ на Геническъ. Въ эти дни, по желанію командира англійскаго миноносца, въ моемъ присутствіи послѣдній произвелъ вдоль стрѣлки боевую стрѣльбу, согласованную съ орудіями сзади стоявшаго монитора. Вышедшее съ бѣлымъ флагомъ населеніе хуторовъ, а также отсутствіе красныхъ по линіи стрѣлки къ сѣверу, этимъ опытомъ вполнѣ подтвердилось. Правда, въ ночь на 15-ое большевики снова пытались подойти, но пущенная вахмистромъ эскадрона Б. А. Бокъ изъ англійскаго прибора красная ракета подняла снова такую адскую пулеметную стрѣльбу, что большевики снова повернули и на этотъ разъ. Въ полѣ подобрали три трупа съ красными звѣздами на шапкахъ, но безъ оружія.

Занятіе гор. Геническа

17-го мая полуэскадронъ полковника Александровскаго въ сумерки прошелъ отдѣлявшія насъ 12 верстъ, предупрежденный жителемъ Геническа, что городъ свободенъ, занялъ его безъ боя. Онъ доноситъ одновременно, что у узл. ст. Ново-Алексѣевки (10 верстъ къ сѣверу отъ Геническа) — слышны сильные взрывы и глухой частый артиллерійскій гулъ. Стало очевидно, что большевики, тѣснимые и съ юга и со стороны Джанкоя, спѣшно занимавшими его Симферопольцами, бѣгутъ, уничтожая заготовленные здѣсь склады. Надо было торопиться, чтобы, занявъ Ново-Алексѣевку, попытаться перерѣзать путь на западъ хвосту красныхъ обозовъ. Тотчасъ же войдя въ городъ высланъ взводъ только что прибывшаго изъ Новороссійска поручика графа В. 1. Бенигсена на Ново-Алексѣевку (10 верстъ), а другой взводъ, корнета Келеповскаго, двигается для охраненія Геническа съ сѣвера. Черезъ 2 часа, ночью, первое донесеніе и чрезвычайно подробное, поручика гр. Бенигсена говоритъ намъ, что въ Ново-Алексѣевкѣ брошенъ цѣлый громадный составъ, частью перекинутый на путяхъ. Въ немъ большевики оставили отряду нѣсколько вагоновъ муки и фуража въ зернѣ, вагонъ сахару, длинную пушку безъ замка, нѣсколько пулеметовъ Максима, ящики съ патронами, а у взорванной ими водокачки много интендантскаго типа повозокъ и двуколокъ. Къ тому же времени Келеповскій донесъ, что двигающійся со стороны Джанкоя красный бронепоѣздъ все время стрѣляетъ изъ орудія и пулеметовъ. Онъ, повидимому, застрялъ на путяхъ и находится въ

безвыходномъ положенiи, а потому, вѣрно, разстрѣливаетъ свои патроны.

Посланные по линiи желѣзной дороги въ его направленiи изъ Ново-Алексѣевки четыре охотника съ инструментами разобрали путь верставъ въ восьми, на уклонѣ. Дѣйствительно, уже утромъ наши конные развѣдчики обнаружили далеко впереди перекинутыя платформы съ краснымъ броневикомъ и 2 пулеметами безъ замковъ, большевицкая прислуга убѣжала, — ея и слѣдъ простылъ, и ближайшiе поиски ни къ чему не привели.

Весь день проходитъ въ погрузкѣ и доставкѣ спецiальнымъ паровозомъ изъ Геническа, изъ Алексѣевки оставленнаго красными имущества и продовольствiя, а далѣе раздача муки и сахара нуждающемуся населенiю, по указанiю Городского Головы, прибывшаго изъ Геническа, и назначеннымъ комендантомъ отряда — ротмистромъ П. А. Бокъ.

Слѣдующiе два дня посвящены исправленiю и освѣженiю обозныхъ двуколокъ, конской мобилизацiи (набрано въ обмѣнъ на нѣкоторыхъ старыхъ — 30 свѣжихъ лошадей двухъ категорiй — въ строй и въ обозъ). За одно и забрали какого-то класснаго заводского производителя, изъ за котораго, по жалобѣ владѣльца, пошла изъ Штаба Армiи безконечная криминальная переписка. Лихой мичманъ Севастьяновъ, начальникъ «Гидры», отобралъ у мѣстной еврейки какiе то цѣнные зубоврачебные инструменты, пригрозивъ ей немедленной смертью. Все это было объяснено шуткой, и инструменты были возвращены. Затѣмъ нѣсколько скандаловъ расшалившейся молодежи, и стоянка побѣдителей пришла къ концу.

Весеннее скитаніе по Сѣверной Тавріи

Эскадронъ двинулся въ Мелитопольскій уѣздъ, пересѣкая его черезъ Асканію-Нову (Фальцфейновскій зоопаркъ) на берегъ Днѣпра, къ востоку отъ Казовки. Днѣпръ становится отнынѣ и надолго нашей оборонительной линіей.

По дорогѣ доходятъ отъ доброжелательнаго населенія ближайшихъ селъ Мелитопольскаго уѣзда свѣдѣнія, что въ районѣ Верхне и Нижне Сѣрогозскихъ волостей, нѣкто, именующій себя, а можетъ быть, и самъ кровавый «Батько Махно», — спѣшно, подъ угрозой немедленной смерти, забираетъ всѣ хорошія легкія повозки (впослѣдствіи окрещенныя тачанками) и лошаедй, а также горсточки какихъ то «батьковцевъ» терроризируютъ крестьянъ и грабятъ хутора побогаче. Командующій бригадой, полковникъ Барбовичъ (замѣститель Миклашевскаго) немедленно отправляетъ эскадронъ, во главѣ съ полковникомъ Александровскимъ, въ села Верхніе и Нижніе Сѣрогозы, и далѣе, черезъ Ново-Константиновку, въ районъ ст. Пришибъ, — въ извѣстную своими большевицкими симпатіями, — богатую и обширную слободу Ново-Михайловку. По пути, произведя наборъ военно-конской повинности у населенія большевитствующихъ Сѣрогозъ, Лейбъ Драгуны, не найдя никакихъ слѣдовъ «батьки Махно», черезъ рядъ разоренныхъ усадебъ, прибываютъ 21-го въ Ново-Михайловскую слободу. Здѣсь и происходитъ торжественное подчиненіе Лейбъ Драгунъ 2-му Сводно Гвардейскому Кавалерійскому полку, — отнынѣ ввидѣ 3-го дивизіона. Здѣсь же смотръ выстроенныхъ эскадроновъ Лейбъ Драгунъ — одного:

1-го коннаго и прибывшаго изъ Бердянска, только что сформированнаго, пѣшаго 2-го эскадрона полковника Зеленаго, только что назначеннаго Ставкой командиромъ полка, полковника Ѳ. Ѳ. Грязнова (Улана Его Величества).

23-го мая посадка эшелоновъ всей бригады на ст. Пришибъ для стратегической переброски по желѣзной дорогѣ черезъ Лозовую на станцію Люботинъ, на сѣверъ Харьковской губерніи. Здѣсь, включенная въ составъ пятаго Своднаго Кавалерійскаго Корпуса (генерала Юзефовича) конная сводная бригада временно отдыхаетъ и пополняется, готовясь къ близкому уже конному рейду, — этотъ рейдъ всей кавалеріи, долженствующій овладѣть узломъ желѣзной дороги въ тылу красныхъ — станціей Бахмачъ, мнѣ былъ лично предсказанъ въ Харьковѣ генераломъ Кутеповымъ. Только что взявшій Харьковъ съ 1-мъ Добровольческимъ Корпусомъ, генералъ Кутеповъ на мою просьбу дать намъ сколько возможно мобилизованныхъ изъ Харьковскаго уѣзда, бывшихъ боевыхъ солдатъ, собственноручно написалъ записку воинскому начальнику: «Выдать подателю сего (чинъ и фамилія) пятьдесятъ мобилизованныхъ изъ бывшихъ кавалеристовъ». Мнѣ удалось благодаря приказу Корпуснаго Командира выбрать того, кто мнѣ больше подходилъ, и спеціалистовъ кузнецовъ, и сапожниковъ, которые такъ цѣнны въ бою и походахъ, а также георгіевскихъ кавалеровъ изъ конницы Великой войны. Сдавъ полученныхъ людей для обученія ротмистру Лабудзинскому, я тотчасъ же вернулся изъ Харькова въ Люботинъ.

Утромъ 24-го іюня, послѣ мѣсяца стоянки, — былъ, наконецъ, полученъ приказъ о выступленіи.

Двигаясь походнымъ порядкомъ и дѣлая около сорока верстъ въ сутки, колонна достигла Полтавской губерніи, нигдѣ не встрѣтивъ красныхъ. На четвертый день, 27-го іюня, въ районѣ Ожехова, кирасиры, шедшіе впереди, атаковали красный башкирскій полкъ, удиравшій на тачанкахъ. На слѣдующій день наши разъѣзды обнаружили значительные обозы, идущіе на волахъ, поперекъ движенія. Развернувшись, полкъ атаковалъ прикрытіе, драгуны направо, а уланы вышли лѣвѣе. Большевикамъ удалось спастись впереди на тачанкахъ, но часть обозовъ досталась полку. Уланскій эскадронъ, подъ командой ротмистра Фермора, отбилъ нѣсколько паръ быковъ, запряженныхъ въ телѣги, которыя большевики побросали со взятыми ими насильно подводчиками. Драгуны захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ и канцелярію съ плакатами и всевозможными брошюрами и агитаціонными книгами и списками. Башкирскій красный полкъ бѣжалъ такъ быстро, что никакъ не могли его достигнуть.

30-го іюня, послѣ бивака, нашему полку, двигавшемуся въ головѣ, было донесено, что въ районѣ гор. Гадяча еще двигаются большевицкіе обозы. Развернувшись въ перелѣскѣ, мы были встрѣчены пулеметнымъ огнемъ на околицѣ большого села. Выхвативъ шашки, эскадроны бросились въ атаку, зарубивъ сразу нѣсколькихъ красныхъ, которые спрятались за заборами. Тутъ же одинъ изъ драгунъ колонистовъ выволокъ изъ кустовъ пулеметъ, брошенный ими въ паникѣ, но какой то странной, не обыденной еще для насъ системы. Прибывшій незадолго въ Люботинъ и принявшій драгунскую конно-пулеметную команду специа-

листъ пулеметчикъ, подпоручикъ Огіевскій, опредѣлилъ, что захваченный пулеметъ — принятый въ греческой арміи и, такъ какъ къ нему было мало патроновъ, а другіе не подходили, онъ былъ отправленъ въ обозъ.

Дѣло подъ Ново-Павловкой

Пройдя подъ огнемъ черезъ деревню, наши лавы, въ которыхъ уланскій полуэскадронъ уже перемѣшался съ нами, снова углубились въ перелѣсокъ, а я, оставивъ въ рощѣ полуэскадронъ ротмистру Лабудзинскому, вышелъ съ переднимъ взводомъ корнета Келеповскаго на шоссе, огибавшее съ сѣвера городъ Зеньковъ. Разъѣзды уланъ, подъ командой шт.-ротмистра Крыжановскаго, дали знать, что стоящая впереди насъ деревушка Ново-Павловка занята краснымъ обозомъ, но что его прикрытіе, довольно значительное, встрѣтило ихъ сильнымъ огнемъ. Судя по фронту, занятому цѣпью, большевики имѣли здѣсь не менѣе баталіона.

Повернуть назадъ уланскій полуэскадронъ корнета Зубова уже не было возможно, и мы влились къ нимъ, съ крикомъ «ура» понеслись по шоссе подъ огнемъ пулеметовъ и имѣя уже нѣсколько раненыхъ. Въ деревнѣ мы промчались между заграждавшими дорогу лазаретными фургонами, я лишь могъ замѣтить, какъ, убивъ нѣсколько красныхъ солдатъ, выскочившихъ изъ домовъ, драгуны, увлекаемые корнетомъ Келеповскимъ и мчавшимся съ нимъ корнетомъ уланомъ Линицкимъ, продолжали бѣшенно мчаться впередъ. Вскорѣ съ боковъ началась такая сильная ружейная пальба

и стали рваться впереди ручныя гранаты, что передніе повернули назадъ и уже подъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, а также видя, что начали рваться гранаты большевицкихъ орудій изъ за окружавшаго деревню лѣса, стали возвращаться обратно. Здѣсь, при обратномъ движеніи, пришлось нести больше всего потерь. При мнѣ лично попадали нѣсколько раненыхъ и убитыхъ уланъ. Впереди меня несся, пригнувшись къ сѣдлу, рядомъ съ корнетомъ Келеповскимъ, уланскій корнетъ Линицкій, братъ эскадроннаго командира. Вдругъ онъ согнулся и, схватившись за грудь, упалъ бы, если бы не былъ поддержанъ съ боковъ. Къ счастью, удалось тутъ же перетащить и положить его, тяжело раненаго въ грудь, на брошенную впереди запряженную повозку. Упавъ съ лошади, мнѣ удалось спастись изъ этого ада лишь потому, что ѣхавшій унтеръ-офицеръ посадилъ меня впереди себя и, такимъ образомъ, нѣкоторое время неслись вдвоемъ. Пересѣлъ лишь далеко позади, найдя, наконецъ, съ большимъ трудомъ, свою кобылу. Раненый въ грудь корнетъ Линицкій не дожилъ и до вечера. Черезъ два часа мы могли лишь вывезти его тѣло въ ближайшее мѣсто бивака.

Черезъ два часа, т. е. уже въ сумерки, опираясь на наше подробное донесеніе, 2-ой Конный полкъ и кирасиры, шедшіе сзади насъ, окружили поддерживаемые огнемъ нашей батареи, кольцомъ городъ Зеньковъ и заставили красную пѣхоту спѣшно отойти къ сѣверу. При этомъ было захвачено много плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. Такимъ образомъ кончилось дѣло подъ Ново-Павловкой, гдѣ, потерявъ нѣсколько десятковъ людей, мы выяснили силу и точное расположеніе

большевиковъ и помогли главнымъ силамъ выдвинуться далѣе на сѣверъ. При этомъ было отнято много пулеметовъ, разнаго имущества и плѣнныхъ.

Еще недѣлю, съ дневными боями, двигаясь вплотную за быстро отходящими большевиками, шла бригада, почти не останавливаясь, черезъ всю Полтавскую губернію. Во время одного изъ очередныхъ дневныхъ переходовъ передней походной заставой корнета Келеповскаго былъ остановленъ ѣхавшій навстрѣчу какой то верховой на хорошей лошади и одѣтый въ синюю шерстяную косоворотку. Найденные при немъ документы, которые онъ пытался уничтожить, были на имя командира Сумскаго совѣтскаго коннаго полка. Его отправили для допроса въ Штабъ бригады, а оттуда въ Штабъ дивизіи пѣшкомъ. По дорогѣ, проходя черезъ деревню, онъ пожелалъ напиться и былъ подведенъ драгунами къ колодцу. Здѣсь, нагнувшись, въ одно мгновеніе перекинулся и бросился на его дно съ высоты въ нѣсколько десятковъ метровъ.

Неустанно, съ дневными переходами по 40-50 верстъ въ сутки, полкъ все шелъ дальше и дальше. Иногда, короткими боями, сопровождаемыми неизмѣнной и традиціонной лавой, выбивали заставы красныхъ изъ прилегающихъ деревень и захвативъ послѣднія, широко пользовались контрибуціей одежды у населенія. Особенно тяжело отзывалась на движеніе полная непригодность обуви, такъ какъ запасовъ ея не было и чинить не было времени. Драгуны страдали отъ перетертыхъ ногъ и желудочныхъ заболѣваній. Больше десятка, заболѣвшихъ дизентеріей и тифомъ, пришлось направить въ тыловой лазаретъ.

После незначительныхъ столкновенiй, при которыхъ большевики, обычно, отстрѣливаясь, мчались что есть духу назадъ, около 10-го iюля, почти нигдѣ не задерживаясь, наша колонна подошла, наконецъ, къ Бахмачу. Здѣсь, занимавшiя его нѣсколько ротъ красныхъ, испортивъ сколько могли пути и взорвавъ водокачки, не оказали большого сопротивленiя. Полкомъ было взято снова нѣсколько десятковъ плѣнныхъ, а полуэскадрономъ 2-го коннаго полка былъ отбитъ цѣлый поѣздной составъ съ разнаго рода имуществомъ. Большевики отошли на противоположный берегъ рѣки Сейма, что къ сѣверу отъ Батурина. 14-го iюля, на второй день занятiя Бахмача, прибывшiй незадолго въ Штабъ вмѣсто полковника Шукевича, подполковникъ Iорданъ, — назначенный начальникомъ Штаба, вызвалъ меня и передалъ приказанiе немедленно выступить съ 2-мя эскадронами (драгунами конно-гренадерами) и, занявъ гор. Батуринъ, произвести тщательную развѣдку занятыхъ красными деревень по другую сторону Сейма, а также окружающихъ Батуринъ поселковъ.

Временное занятiе Батурина и неудачи подъ Бахмачемъ

Выступивъ черезъ нѣсколько часовъ, два эскадрона (драгунскiй съ поручикомъ Гр. Бенигсеномъ и конно-гренадерскiй шт.-ротмистра Багговута) къ вечеру былъ уже въ Батуринѣ, а высланные мною разъѣзды корнета Гевлича (только что произведеннаго изъ вахмистровъ) и поручика конно-гренадера Лютера въ близъ лежащiя деревни донесли, что деревни эти свободны, но мосты впе-

реди черезъ Сеймъ всѣ большевиками приведены въ негодность и находятся подъ обстрѣломъ пулеметовъ, спрятанныхъ въ лѣсу, подходящему къ берегу почти вплотную. Стоящее впереди Батурина подъ лѣсомъ село занято сторожевыми постами башкиръ. Башкирскіе всадники часто разъѣзжаютъ на опушкѣ лѣса. Въ лѣсу, по словамъ жителей, устроены красными засѣки съ пулеметами и перетянута проволока. Главныя же силы большевиковъ находятся въ монастырѣ, верстахъ въ 7-ми на западъ.

Установивъ около церкви, за заборомъ, спускающимся откосомъ къ рѣкѣ, пулеметную команду съ ея 4-мя пулеметами на позиціи, я съ полуэскадрономъ занялъ одинъ изъ центральныхъ дворовъ и выставивъ посты кругомъ Батурина мы, такимъ образомъ, провели первую ночь. Сообщилъ подробно обо всемъ въ Штабъ полковника Миклашевскаго. На слѣдующее утро вдругъ изъ за лѣса стали рваться въ селѣ первыя непріятельскія шрапнели. Большевицкія орудія, видно, расположились въ лѣсу, около монастыря. Снаряды рвались преимущественно около церкви, стоявшей совершенно открыто у самой рѣки. Церковь черезъ нѣсколько времени получила сильныя поврежденія, т. к. многіе снаряды разорвались, испортивъ стѣны и потолокъ внутри церкви. На мою просьбу, вскорѣ подошли къ намъ изъ Бахмача два орудія изъ конной батареи и, расположившись сзади дворца Графа Разумовскаго, въ рощѣ, открыли по большевикамъ рѣдкій огонь. Къ вечеру въ домъ Графа Разумовскаго влетѣло нѣсколько большевицкихъ гранатъ, а у насъ было ранено легко два пулеметчика. Наши пулеметы,

желая вызвать движеніе на той сторонѣ Сейма, обстрѣливали весь день опушку лѣса и околицу села, но людей на той сторонѣ Сейма замѣтно не было. Исправивъ телефонную линію, связывающую Батуринъ съ сосѣднимъ городомъ Конотопомъ, мнѣ удалось связаться съ занявшимъ его незадолго полковникомъ Апрѣлевымъ, командиромъ Сводно Уланскаго полка 2-ой бригады. Отъ него узналъ, что красные, очистивъ районъ впереди Конотопа, также отошли далеко къ сѣверу.

Черезъ два дня мы были смѣнены свѣжими драгунами прибывшаго съ другими г.г. офицерами полковника Зеленаго, а еще черезъ два дня, внезапнымъ ударомъ, большевики, перейдя значительно выше Сеймъ, обходнымъ движеніемъ не только выбили добровольцевъ изъ Батурина, но и заняли Бахмачъ.

Наша кавалерія отошла, но черезъ нѣсколько дней, послѣ трехдневнаго боя, уже безъ меня, заняла снова потерянныя позиціи и на этотъ разъ окончательно.

Выѣхавъ въ Кіевъ, я не былъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ боевыхъ дѣйствій подъ Черниговомъ и Глуховомъ. Смѣнившій меня въ дальнѣйшемъ продвиженіи на сѣверъ полковникъ Александровскій въ теченіе августа и сентября съ частями бригады продвинулся до границы Курской губерніи. Обозы всѣхъ полковъ, стоявшіе на линіи желѣзной дороги Кіевъ — Полтава, перешли въ районъ гор. Лубны.

Въ серединѣ сентября, прибывъ въ Лубны въ обозъ, засталъ совершенно новую обстановку. Командиръ полка, полковникъ Грязновъ, ушелъ, на его мѣстѣ, полкомъ командовалъ молодой его од-

нополчанинъ полковникъ Ковалинскій. Кавалерія успѣшными боями продвигалась въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Драгуны занимали гор. Глуховъ и Бѣлгородъ, имѣя по полуэскадрону въ каждомъ городѣ. Въ послѣднемъ командовалъ недавно прибывшій изъ Кіева ротмистръ Сергѣй Львовичъ Де-Виттъ. Служба носила уже не боевой, а караульный характеръ, но драгуны отправляли въ тылъ значительное количество людей, заболѣвшихъ тифомъ.

Въ началѣ октября, съ наступленіемъ холодовъ, въ операціяхъ Добровольческой Арміи наступилъ тяжелый переломъ. Быстрыя и удачныя перегруппировки красныхъ, появленіе на фронтѣ свѣжей значительной конной группы Буденнаго, а также общій развалъ въ тылу и болѣзни, сразу отразились на поддерживающемъ насъ до сихъ поръ успѣхѣ. Части 5-го Св. Кон. Корп. къ серединѣ октября отходятъ снова въ Полтавскую губ. Въ тылу началась новая война противъ грабившихъ большіе населенные пункты значительныхъ бандъ, дѣйствовавшихъ по указкѣ большевиковъ. Эти банды взяли тогда гор. Кобеляки и терроризировали буквально всю окрестность гор. Полтавы.

Драгуны и часть кирасиръ были переброшены для очищенія отъ бандъ Шубы, въ районъ Миргорода, Кобелякъ и далѣе къ Кременчугу. Полуэскадронъ поручика Озерова, брошенный туда же на поимку Шубы, оказался совершенно отрѣзаннымъ отъ общей группы и поступилъ въ распоряженіе пѣхоты генерала Кальницкаго. Въ это время трагически погибъ дѣйствовавшій съ кирасирами поручикъ Деконскій. Онъ ночью былъ окруженъ въ лѣсу около Миргорода значительной

группой изъ банды Шубы и убитъ наповалъ изъ за угла. Его люди почти всѣ также погибли. Поручикъ Озеровъ, продвигаясь къ юго-востоку въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, въ постоянныхъ стычкахъ съ бандитами лишился больше половины своихъ людей. Драгуны отставали и, заболѣвая, эвакуировались въ Полтаву и въ Кременчугъ. Къ концу ноября поручикъ Озеровъ шелъ уже вмѣстѣ со стягивающимися отовсюду частями арміи къ Ростову.

Отправленный изъ Лубенъ полковникомъ Римскимъ Корсаковымъ снова въ Кіевъ за теплой одеждой, я съ 4-мя драгунами добивался въ интендантскихъ складахъ Своднаго Корпуса получить необходимое имущество. Послѣ двухдневныхъ усилій удалось, наконецъ, получить необходимое и нагрузить все въ полученные два вагона. Чувствуя себя плохо и видя, что везти уже лично не смогу изъ за высокой температуры, я сдалъ всѣ документы прибывшему въ Кіевъ изъ Ростова незадолго до этого своему однополчанину, шт.-ротмистру Г. А. Вульфіусу. Ему поручилъ доставить оба вагона въ Лубны и сдать ихъ полковнику Римскому, т. к. не имѣлъ какихъ либо другихъ указаній объ быстрыхъ перемѣнахъ, происходящихъ на фронтѣ корпуса генерала Юзефовича.

Сыпной тифъ вывелъ меня изъ строя на 4 мѣсяца, изъ коихъ весь ноябрь былъ безъ сознанія. Спасеніемъ жизни обязанъ лишь энергіи и самоотверженію бывшаго со мной и не покидавшаго меня первое время вольноопредѣляющагося Григорія Чугрина. Онъ послѣ тщетныхъ усилій помѣстить меня въ какой либо госпиталь, наконецъ

сдалъ на эвакопунктъ, на путяхъ близъ станціи Кіевъ, и самъ вернулся къ Вульфіусу.

Во время моей болѣзни Лейбъ Драгуны, повинуясь общей неблагопріятной обстановкѣ, оказались разъединены на три части. Часть полуэскадрона поручика Озерова шла съ боями на Ростовъ и въ аррьергардныхъ дѣлахъ, тѣснимая конными силами Буденнаго, теряла много людей убитыми и ранеными.

Подъ Ростовомъ, въ бою у с. Егарлыкской вмѣстѣ съ кирасирами участвуя въ конной атакѣ убитъ сабельнымъ ударомъ въ голову только что произведенный въ корнеты кн. Николай Енгалычевъ. Тогда же убиты и ранены свыше 10 лейбъ драгунъ. Подъ Ростовомъ два раза драгуны переходили Донъ по льду и въ тяжелыхъ дѣлахъ терпѣли еще большія потери. Люди падали отъ усталости, исчезли и таяли отъ болѣзней. Поручикъ Ив. Ал. Зеленой, заболѣвъ тифомъ во время этихъ боевъ и эвакуированный съ похода, въ Ростовъ уже не смогъ вернуться въ эскадронъ и остался въ Ростовѣ въ январѣ 1920 года.

Полковникъ Римскій Корсаковъ сформировавъ изъ оставшихся запасныхъ драгунъ въ Лубнахъ полуэскадронъ и посадивъ его на тачанки и частью верхомъ, отходилъ походнымъ порядкомъ на Кременчугъ и огибалъ съ сѣвера Знаменку, которую въ это время грабилъ Махно.

Около Кременчуга, какъ мнѣ впослѣдствіи подробно объяснялъ унт.-офицеръ Чигринъ, на линіи желѣзной дороги, транспортъ съ вещами шт.-ротмистра Вульфіуса благополучно прибылъ въ эскадронъ. Здѣсь большая часть была перегружена на повозки обоза, а самое громоздкое, остава-

ясь въ тѣхъ же вагонахъ, было направлено полковникомъ Римскимъ на Знаменку. Очевидно, полковникъ Римскій надѣялся нагнать прибывшее имущество южнѣе Знаменки. Между тѣмъ, окруженный у самой Знаменки, поѣздной составъ попалъ въ плѣнъ бандѣ Махно, а шт.-ротмистръ Вульфіусъ пропалъ безъ вѣсти.

Драгуны, двигавшіеся съ полковникомъ Римскимъ, вышли на ст. Джанкой, самъ же полковникъ Римскій, оставивъ ихъ подъ командой ротмистра Лабудзинскаго, торопился лично кружнымъ путемъ въ Ростовъ черезъ Екатеринодаръ, чтобы соединиться съ драгунами поручика Озерова.

Ротмистръ Лабудзинскій, выдѣливъ обозъ поручику гр. Бенигсену со взводомъ, приказалъ слѣдовать на Бердянскъ для погрузки, а самъ налегкѣ, съ конными драгунами человѣкъ 40-50, вышелъ въ Таврію и оттуда, все время двигаясь, частью верхомъ, частью на тачанкахъ, съ юга, черезъ нѣмецкія колоніи, пришелъ въ Перекопъ.

Здѣсь болѣзнь ротмистра Лабудзинскаго вынудила его оставаться въ одной изъ колоній въ тылу, полуэскадронъ, подъ командой прибывшаго изъ Керчи ротмистра гр. Андрея Толстого, поступаетъ въ распоряженіе полковника Петровскаго и входитъ въ составъ командуемаго имъ такъ называемаго Гвардейскаго Отряда. Подъ Перекопъ въ январѣ прибываетъ изъ Ставки Л.-Гв. Драгунскаго полка полковникъ Ковалевскій и спѣшно формируетъ дивизіонъ на Перекопѣ, пополняя его людьми, прибывшими изъ Керчи съ поручикомъ Алехинымъ. Онъ называется «Гвардейскій Кавалерійскій Дивизіонъ». На полдорогѣ, на линіи Джанкой — Грамматиково располагаются обозы

драгунъ и кирасиръ, а также баталіонъ гвардейской пѣхоты отряда полковника Петровскаго.

Буденовскія кубанскія конныя части, появившіяся къ сѣверу отъ Перекопскаго вала, неоднократно атакуютъ отрядъ, но каждый разъ отбиты. У драгунъ десятки потерь, въ томъ числѣ тяжело раненъ доставившій донесеніе старш. унт.-офицеръ юнкеръ Николаевскаго училища Снѣссаревскій. Всѣ раненые отправляются въ Симферопольскій военный госпиталь.

Незадолго передъ эвакуаціей, зайдя въ Симферополѣ повидать тяжело раненаго, съ раздробленіемъ кости, лейбъ драгуна Снѣссаревскаго и поздравить его съ 2-мъ Георгіевскимъ крестомъ, его послѣдняя фраза дрогнувшимъ голосомъ этого полумальчика очень характерна для насъ: «Я безконечно счастливъ, что сумѣлъ сдѣлать то, что каждому лейбъ драгуну положено, — посильно исполнить свой долгъ».

Между тѣмъ, часть обоза ротмистра Лабудзинскаго со взводомъ поручика гр. Бенигсена, уже погрузившіеся на 2 баржи, въ морѣ у Бердянска попадаютъ въ трагическое положеніе. Затертыя во льду баржи не могутъ двигаться. Въ это время Бердянскъ занимается большевиками, открывшими по нимъ стрѣльбу съ берега. Къ вечеру поручикъ Гр. Бенигсенъ со свободными драгунами, человѣкъ 15, рѣшаетъ прорываться по льду на Маріуполь. Выйдя къ вечеру на ледъ, поручикъ Гр. Бенигсенъ старается пробиться на востокъ, и съ тѣхъ поръ со взводомъ драгунъ пропадаетъ безъ вѣсти.

На другой день, случайно замѣтившій критическое положеніе затертыхъ во льду баржъ, не-

большой добровольческій ледоколъ, взявъ ихъ на буксиръ, доставляетъ все имущество и оставшагося съ нимъ поручика Долгово Сабурова въ Керчь.

15-го февраля, добравшись въ Керчь, послѣ долгаго скитанія по морю изъ Новороссійска, я застаю слѣдующую обстановку въ составѣ Лейбъ Драгунъ. Люди поручика Озерова, вошедшаго снова въ остатки полка полковника Ковалинскаго, все время съ тяжелыми боями отходятъ къ Новороссійску для окончательной погрузки на Керчь изъ Кубанской области.

Создавшійся на Перекопѣ Л.-Гв. Драгунскій Дивизіонъ, отдѣльной частью, такъ называемый Гвардейскій Кавалерійскій Дивизіонъ, подъ командой полковника Ковалевскаго, дѣйствуетъ подъ Перекопомъ въ составѣ Гвардейскаго отряда полковника, а потомъ генерала Петровскаго, входящаго въ корпусъ генерала Слащова. Обозъ 2-го разряда, подчиненный обозу 2-го Гвард. Кав. полка полковника Скалона, стоитъ на дачѣ Глазунова, на проливѣ близъ Керчи. Его принимаетъ только что прибывшій изъ Керчи ротмистръ Алѣевъ.

4-ое апрѣля 1920 г.

Въ неравномъ бою 4-го апрѣля 1920 г. Лейбъ Драгуны, отбиваясь въ рукопашную отъ насѣдающихъ красныхъ кубанскихъ казаковъ изъ полковъ Буденнаго, снова теряютъ нѣсколько десятковъ героевъ и своего доблестнаго командира, — смертельно раненаго графа Андрея Ильича Толстого. Этотъ выдающійся молодой офицеръ, Кавалеръ Георгіевскаго оружія, умеръ смертью храбрыхъ, не покидая ввѣреннаго ему участка Пере-

копскаго вала. По разсказамъ уносившаго его тяжело раненаго, ротмистръ гр. Андрей Ильичъ Толстой выпустилъ всѣ патроны своего маузера въ насѣдающихъ цѣпью буденовцевъ и потерялъ сознаніе, истекая кровью. Его торжественно хоронятъ вмѣстѣ съ зарубленными тогда командиромъ Кирасирскаго эскадрона подполковникомъ Маркизомъ Альбицци и конно гренадеромъ поручикомъ Костинымъ на кладбищѣ кол. Берлинъ, около Грамматиково.

Прибытіемъ части эскадрона поручика Озерова изъ Новороссійска на дачу Глазунова и комплектованіемъ части эскадрона послѣ потери въ бояхъ у Перекопа, кончается періодъ Добровольческой Арміи генерала Деникина. Новый Главнокомандующій, генералъ Врангель, создавшій русскую Армію въ Крыму, включаетъ Лейбъ Драгунскій эскадронъ цѣликомъ въ видѣ 8-го эскадрона въ Св. Гвард. Кав. полкъ полковника Ковалинскаго. 8-мъ эскадрономъ въ Русской Арміи командуютъ по очереди полковникъ Александровскій, произведенный въ ротмистры Н. А. Озеровъ, ротмистръ Коптевъ, а въ послѣднее время, съ іюня, ротмистръ Де-Виттъ и ротмистръ Колокольцевъ.

Не принимая личнаго участія въ бояхъ въ Сѣверной Тавріи, я не берусь описывать подробности боевыхъ дѣйствій Лейбъ Драгунъ подъ Казовкой, и затѣмъ въ Сѣверной Тавріи. Ограничусь лишь краткимъ обзоромъ событій въ Сѣверной Тавріи за послѣдніе 4-5 мѣсяцевъ, до трагическаго отхода коннаго корпуса генерала Барбовича для эвакуаціи.

Необходимо отмѣтить лишь для характеристики участія Лейбъ Драгунъ въ непрерывныхъ

бояхъ, что за исключеніемъ полковника Александровскаго, доблестно ведшаго все время эскадронъ въ лучшемъ его боевомъ составѣ, всѣ смѣнявшіе другъ друга командиры эскадроновъ были или убиты или эвакуированы за раненіями.

Ротмистръ Озеровъ, выведшій эскадронъ при первомъ майскомъ наступленіи въ Сѣверную Таврію, раненый саблей въ голову, лѣчился въ обозѣ. Смѣнившій его ротмистръ Коптевъ во время дѣйствій противъ кавалеріи Жлобы, былъ при атакѣ раненъ пулей въ чашку лѣвой ноги насквозь. Ротмистръ Де - Виттъ, командуя Драгунскимъ эскадрономъ при рейдѣ коннаго корпуса генерала Бабичева и впослѣдствіи походныя движенія въ районѣ Бердянскаго уѣзда, въ конной атакѣ при селѣ Жеребецъ убитъ изъ пулемета. 19-го іюня 1920 года. Смѣнившій доблестнаго ротмистра Де-Виттъ ротмистръ А. Г. Колокольцовъ, вынесшій на себѣ всѣ тяжести непрерывныхъ аріергардныхъ боевъ на линіи Днѣпра — убитъ во время конной атаки у хутора Черненькій 1-го сентября. Тогда же командиръ лѣвофланговаго взвода, поручикъ Келеповскій, замахнувшійся на подбѣгавшаго къ нему краснаго начальника шашкой, былъ убитъ послѣднимъ изъ Ногана пулей въ область сердца. Ротмистръ Колокольцовъ и поручикъ Келеповскій похоронены драгунами рядомъ въ оградѣ верхней церкви с. Верхніе Сѣрогозы, Мелитопольскаго уѣзда.

Наконецъ, въ районѣ Казовки также легко раненъ ротмистръ Бокъ въ концѣ іюля.

Описывая періодъ боевыхъ дѣйствій Лейбъ Драгунъ за 1919 и 1920 г.г., остановилъ вниманіе лишь на то, что пройдя походнымъ порядкомъ

свыше тысячи верстъ и участвуя, въ особенности въ послѣднее время въ непрерывныхъ бояхъ при отходѣ корпуса генерала Барбовича изъ Сѣверной Тавріи къ южному берегу Крыма, Лейбъ Драгуны, ядро которыхъ все время составляли Гальбштадскіе и Пришибскіе нѣмцы колонисты, все время высказывали исключительную личную храбрость, выносливость и желѣзную спайку, одухотворены были безграничной любовью къ своей части и къ ея создателю и руководителю полковнику Вл. Петр. Римскому Корсакову. Эскадронъ при всевозможныхъ, самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, высказывалъ все всемя свое превосходство въ моральномъ отношеніи съ нѣкоторыми окружавшими его частями арміи.

Плохо одѣтые, терпя неисчислимыя мученія отъ холода, болѣзней и недоѣданія и, подчасъ, засыпая въ сѣдлѣ отъ усталости, Лейбъ Драгуны во время атаки были всегда первыми, и храбрость ими проявленная неоднократно отмѣчалась ихъ начальниками, какъ то генераломъ Петровскимъ и Барбовичемъ въ Сѣверной Тавріи.

Мнѣ лично было пріятно слышать изъ устъ этого суроваго и строгаго боевого начальника, какимъ былъ генералъ Барбовичъ, при отдачѣ боевого приказанія, большой важности слова: «Пошлите драгунъ изъ Сводно Гвардейскаго полка. Съ ними можно быть спокойнымъ».

Аттестація генерала Барбовича вполнѣ оцѣнила тотъ вкладъ, что вложилъ въ свое дѣтище ея создатель и постоянный покровитель, полковникъ Римскій Корсаковъ. Свѣтлая память о немъ останется навсегда въ исторіи жизни Лейбъ Драгунъ въ «Бѣломъ движеніи».

Его примѣръ высокой личной храбрости и рыцарскаго отношенія къ своимъ соратникамъ, глубоко усвоенъ въ его родномъ эскадронѣ. Съ подорванными силами, еле поправившійся отъ вынесенныхъ имъ тифовъ, полковникъ Влад. Петров. Римскій Корсаковъ всегда остается вѣрнымъ себѣ и свято охраняетъ горсточку добровольцевъ Лейбъ Драгунъ на чужбинѣ, раздѣляя съ ними ихъ лишенія въ Галлиполи.

Съ ними, съ неизмѣннымъ своимъ помощникомъ, Н. А. Озеровымъ, онъ рѣшается перейти въ Сербію на пограничную боевую службу въ свой послѣдній жизненный этапъ.

Сѣверная Таврія, — въ ней проходятъ свѣтлыя минуты боевыхъ удачъ и темные этапы походной жизни и вынужденныхъ отходовъ Лейбъ Драгунъ. Сотни верстъ Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ прошли нѣсколько разъ вдоль и поперекъ добрые кони Гальбштадскихъ колонистовъ. Сколько разъ скакали они во весь опоръ съ изрѣшетеннымъ пулями бѣло-краснымъ значкомъ впереди навстрѣчу большевицкимъ палачамъ. Въ ней — въ Сѣверной Тавріи — въ ея глинистой землѣ, покоятся навсегда тѣла многихъ безвременно погибшихъ г.г. офицеровъ, столь свято исполнившихъ свой послѣдній долгъ передъ Великой Россіей.

Ротмистра Графъ Андрей Толстой, Аполлонъ Колокольцовъ, Сергѣй Де Виттъ, поручикъ Анатолій Келеповскій, юноша корнетъ Кн. Николай Енгалычевъ, корнетъ Кириллъ Гевличъ и вахмистръ, старый сверхсрочный, Шлея, продѣлавшіе весь двухлѣтній походъ и умершіе оба отъ тифа, поручики Гр. Бенингсенъ и Ив. Ал. Зеле-

ной, — всѣ трое безъ вѣсти пропавшіе. Многіе и многіе десятки доблестныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ Лейбъ Драгунъ. Имъ — душу свою положившимъ на полѣ чести вполнѣ добровольно и сознательно, — кладу я низкій поклонъ, сохраняя вѣчную память ихъ доблести и примѣру. Будущее поколѣніе Лейбъ Драгунъ въ будущемъ Родномъ полку, въ возсозданіе котораго каждый Лейбъ Драгунъ горячо вѣритъ, сумѣетъ оцѣнить ихъ заслуги и тяжкія лишенія, что безмолвно и съ безграничнымъ терпѣніемъ несли они — эти добровольцы и ихъ руководители-начальники.

Ихъ сливала одна общая идея, одна мысль. Они несли ее всюду подъ сѣнью старыхъ полковыхъ цвѣтовъ: «За Вѣру, Царя и Отечество».

«Въ безобразнѣйшемъ тулупѣ
Сидимъ «Римъ» въ чужой халупѣ,
Куритъ, пьетъ вино, коньякъ,
И ругаетъ свой бивакъ».

Н. Главацкій.

Августъ, 1927. Парижъ.

БОИ ЛЕЙБЪ ДРАГУНЪ У МАЛОЙ ТОКМАЧКИ И КОННАЯ АТАКА У ДЕРЕВНИ ЖЕРЕБЕЦЪ

Написано со словъ непосредственнаго участника боевъ, Командира дивизіона, Полковника Бокъ

17-го іюля 1920 года, послѣ упорнаго кровопролитнаго боя, конный корпусъ генерала Барбовича, имѣя въ авангардѣ гвардейскій кавалерійскій полкъ, выбиваетъ изъ Малой Токмачки сильныя части красныхъ курсантовъ и занимаетъ городъ. Во время боя, эскадронъ лейбъ-драгунъ, ворвавшись съ западной стороны въ городъ, послѣ короткаго уличнаго, переходящаго временами въ рукопашный, боя, беретъ большое количество плѣнныхъ, два пулемета и полностью санитарный обозъ красныхъ.

На слѣдующій день конная красная группа Блинова пытается выбить наши части изъ занятаго наканунѣ города, но смѣлое рѣшеніе командира корпуса, генерала Барбовича, встрѣчно атаковать подходящую красную группу гвард. кавале-

рійск. полкомъ, обращаетъ большевиковъ въ бѣгство; бросая свою артиллерію и пулеметы, красные спасаются на сѣверъ, выдвигая въ арьергардъ бронированные автомобили, пулеметный огонь которыхъ почти въ упоръ разстрѣливаетъ преслѣдующіе ихъ гвардейскіе эскадроны. Съ наступленіемъ темноты, понеся большія потери и доблестно выполнивъ задачу, полкъ отводится назадъ въ Малую Токмачку.

Простоявъ день въ городѣ, въ ночь на 19-ое іюля, по тревогѣ, полкъ вытягивается на сѣверъ, желая на разсвѣтѣ атаковать расположившуюся бивакомъ въ деревнѣ Жеребецъ конницу Блинова. На походѣ разъѣзды сообщаютъ о начавшемся отступленіи красныхъ. Генералъ Барбовичъ, быстро оцѣнивъ обстановку, приказываетъ командующему гвардейскимъ кавалерійскимъ полкомъ, полковнику Ковалевскому, атаковать отходящую колонну, первый конный полкъ на рысяхъ посылается въ обходъ, дабы отрѣзать краснымъ путь отступленія на Александровскъ.

Гвардейскій кавалерійскій полкъ, соблюдая полную тишину, по знаку шашки, какъ на ученіи, строитъ фронтъ и въ сомкнутомъ строю бросается въ атаку. Красные, замѣтивъ атакующій полкъ, спѣшно отходятъ на сѣверъ, прикрываясь сильнымъ пулеметнымъ огнемъ, открывая его прямо съ «точанокъ» (двуколокъ). Лѣвофланговый эскадронъ, подъ командой шт.-ротмистра Де Виттъ II, бросается по кратчайшему направленію на отходящихъ красныхъ, но попадаетъ подъ ураганный фланговый огонь. Эскадронъ рѣдѣетъ, многіе лейбъ-драгуны падаютъ, нѣсколько лошадей безъ всадниковъ слѣдуютъ за атакующимъ эскадро-

номъ. Въ это время командиръ эскадрона, шт.-ротмистръ Де Виттъ II-ой, выскочивъ сильно впередъ, безпомощно закачался въ сѣдлѣ, выпуская изъ рукъ поднятый клинокъ шашки, скользя по сѣдлу безжизненно, и тяжело падаетъ лицомъ на землю. Нѣсколько драгунъ бросается къ своему командиру эскадрона. Атакующій эскадронъ, разступившись, проскакиваетъ мимо своего мертваго командира и лежащаго отъ него невдалекѣ, съ тяжелой раной въ животѣ, его вѣстового.

Измотанныя лошади, послѣ долгой скачки по вспаханному полю, начинаютъ приставать, разстояніе между отходящими красными и атакующими эскадронами увеличивается, и командующій полкомъ вынужденъ остановить преслѣдованіе.

Спустя нѣсколько минутъ, командиръ дивизіона, полковникъ Бокъ, подъѣхалъ къ лежащему, съ сильно запрокинутой на бокъ головой, въ лужѣ свѣжей крови, шт.-ротмистру С. Л. Де Виттъ II-му, около него возилось человѣкъ пять драгунъ и фельдшеръ. На немъ было четыре раны — одна въ грудь, три въ голову.

Вечеромъ эскадронъ лейбъ-драгунъ въ церковной оградѣ деревни Жеребецъ, въ наскоро сколоченномъ гробу, хоронилъ своего командира эскадрона, отдавая ему тремя ружейными залпами свой послѣдній долгъ.

Д. — В.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
LIBRAIRIE E. DE SIALSKY
2, RUE PIERRE-LE-GRAND
— PARIS (VIIIᵉ) —